

Маурицио Дагради

КРИТЕРИЙ ЛЕЙБНИЦА

Переведено: Екатерина Спирина

РОМАН

Maurizio Dagradi

Критерий Лейбница

«Tektime S.r.l.s.»

Dagradi M.

Критерий Лейбница / M. Dagradi — «Tektime S.r.l.s.»,

Случайное научное открытие послужило началом потрясающего приключения, которое моментально вышло за пределы науки, размыв их. Герои, пройдя неожиданным и странным путем, оказываются перед лицом совершенно необычной ситуации. Научное и технологическое приключение становится также личным приключением для каждого из них, позволив им сделать открытия в области собственной интимности и сексуальности, которые ранее оставались неизведанными. В процессе повествования, богатого эмоциональными событиями и сценами, история удерживает читателя в напряжении с самого начала и до конца.

Содержание

Table of Contents	6
Предисловие	8
Пост-предисловие	9
Пролог	10
Часть первая	13
Глава I	14
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	23
Глава V	27
Глава VI	28
Глава VII	39
Глава VIII	42
Глава IX	51
Глава X	59
Глава XI	60
Глава XII	66
Глава XIII	69
Глава XIV	76
Глава XV	83
Глава XVI	90
Глава XVII	98
Часть вторая	103
Глава XVIII	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Table of Contents

Предисловие	3
Пост-предисловие	5
Пролог	7
Часть первая	12
Глава I	13
Глава II	16
Глава III	25
Глава IV	30
Глава V	39
Глава VI	41
Глава VII	63
Глава VIII	69
Глава IX	87
Глава X	102
Глава XI	104
Глава XII	116
Глава XIII	122
Глава XIV	137
Глава XV	150
Глава XVI	163
Глава XVII	178
Часть вторая	189
Глава XVIII	190
Глава XIX	210
Глава XX	227
Глава XXI	236
Глава XXII	245
Глава XXIII	268
Глава XXIV	284
Глава XXV	288
Глава XXVI	297
Глава XXVII	314
Глава XXVIII	333
Глава XXIX	352
Глава XXX	356
Глава XXXI	358
Глава XXXII	371
Глава XXXIII	387
Глава XXXIV	411
Глава XXXV	426
Часть третья	444
Глава XXXVI	445
Глава XXXVII	488
Глава XXXVIII	501
Глава XXXIX	521

[Глава XL 532](#)
[Глава XLI 556](#)
[Глава XLII 569](#)
[Глава XLIII 601](#)
[Глава XLIV 613](#)
[Глава XLV 624](#)
[Глава XLVI 636](#)
[Глава XLVII 649](#)
[Глава XLVIII 668](#)
[Глава XLIX 683](#)
[Глава L 694](#)
[Глава LI 709](#)
[Глава LII 725](#)
[Глава LIII 738](#)
[Глава LIV 751](#)
[Глава LV 763](#)
[Глава LVI 789](#)

КРИТЕРИЙ ЛЕЙБНИЦА
Маурицио Дагради
Переведено: Екатерина Спирина

Предисловие

Я понимаю, что никому не нравится читать предисловия, поэтому буду краток.

Эта книга должна поспособствовать открытию умов многих скептически настроенных людей, которые не ощущают на уровне инстинкта или пока в принципе не задавались вопросом по поводу того, что во Вселенной кипит жизнь.

Любой, кто попытается им объяснить более или менее аргументировано, более или менее научно, более или менее философски, как обстоят дела на самом деле, непременно поймет, что количество человек, которых всерьез удалось убедить, ничтожно мало по сравнению с количеством опрашиваемых людей. Я не знаю, почему это так. Я не знаю, передается ли это с генами или является приобретенными знаниями, которые человек получает в раннем детстве. А может, это обусловлено вообще чем-то другим. Ясно только, что эта трагическая ситуация приводит к деградации человеческой расы, которая на самом деле является всего лишь одной из многих других рас, распространенных во Вселенной.

Мне нравится думать о том, что в этот момент какой-нибудь другой самоуверенный мечтатель вроде меня пишет подобное предисловие к похожей книге на главной звезде Эпсилон Эридани в попытке убедить своих читателей, что, возможно, существуют другие расы, имеющие две ноги и две руки, и которые, пожалуй, не вдыхают жидкий формальдегид.

Пост-предисловие

Если вы дочитали до этих строк, я люблю вас. Я люблю вас, потому что в вас уже есть Искра, и вы хотите ее зажечь.

А вы тем временем попросите с теми, кто до этих строк не дошел и кто теперь проклинает меня самыми яростными и унижительными оскорблениями, какие только существуют в их лексике. Такие читатели пойдут в магазин, где они опрометчиво купили эту жалкую книгу, бросят ее на прилавок и потребуют вернуть им деньги или заменить другой книгой, демонстрируя незадачливому продавцу все свое возмущение тем фактом, что издатель имеет очень плохой вкус, раз он в принципе публикует такую ерунду. Эти индивидуумы никогда вместе с нами не поверят Истине, которая, если она не противоречит их верованию, требует хотя бы Акта Веры.

Пролог

Боевой вертолет поднимался на десять метров над уровнем моря над зловонным болотом, рулевой винт время от времени заедало, и фюзеляж начинал поворачиваться естественным образом в сторону, противоположную от несущего винта. Но винт тут же начинал крутиться, и хрупкий баланс восстанавливался с пугающим заносом до следующего раза, который мог оказаться последним. Без рулевого винта вертолет начнет самостоятельно вращаться, и любая возможность управлять им будет окончательно потеряна. В кабине пилот изо всех сил старался сохранить равновесие и положение в пространстве, с осторожностью и точностью приводя в действие педали, что резко контрастировало с его состоянием: в левом плече застрял кусок ветрового стекла кабины, вонзившись, по крайней мере, сантиметров на пять в его плоть. Вокруг раны летный комбинезон был весь пропитан кровью, и пятно это быстро увеличивалось в сторону руки и грудной клетки мужчины. Множество осколков стекла были разбросаны по его коленям и полу кабины. С правой стороны второй пилот лежал, опрокинутый назад и пристегнутый к сидению, а на шее зияла рана от осколка стекла. Кровь обильной струей вытекала из сонной артерии, беспрерывно поступая из ничего не подозревающего сердца. Командир старался удержать вертолет в равновесии, но чтобы сделать это, он мог использовать только визуальные ориентиры, потому что когда ветровое стекло разбилось, и его осколки посыпались на них, его вырвало на панель инструментов от вида раны его напарника, и теперь почти все рычаги управления были запачканы желтоватой жидкостью, а индикаторы - невидимы. С совершенно ненадежным рулевым винтом он не мог себе позволить убрать руку от рычагов даже на мгновение, чтобы вытереть поверхность основных приборов. Его единственными ориентирами были далекий горизонт тяжелого ненатурального фиолетового цвета сумерек этого проклятого места да темный лес с левой стороны, откуда несколько минут назад вышли другие члены экспедиции. В грузовом отсеке за кабиной пилота были беспорядочно распростерты два солдата, словно два мешка картошки, брошенные случайным образом. Первый был крепким мужчиной среднего роста с черными волосами и легкой небритостью. На правой ноге была наложена шина с целью фиксации бедренной кости. Штаны были разорваны, а ботинки сняты. Вся его нога была в крови. Мужчина был без сознания от потери крови из-за смещенного перелома. Его пульс был слабым, тело холодным, с мертвенной бледностью. Вторым солдатом была женщина. У нее были короткие светлые волосы, залитые кровью, вытекающей из широкой раны на голове над левым ухом. Кусок кожи на месте волос диаметром сантиметров в шесть вообще отсутствовал, и это обезображивание казалось абсурдным в сочетании с нежными чертами лица девушки: округлыми щеками, мягко очерченным подбородком, слегка заостренным носом и полными губами. Глаза ее были закрыты, но веки подрагивали, не открываясь, губы дрожали, словно ведя тихую дискуссию, а тело пробивала дрожь от повышенной температуры.

Форма обоих была совершенно анонимной, без каких-либо опознавательных знаков. Никакой нашивки с именем, никакого звания – ничего, что помогло бы идентифицировать их. Те двое принадлежали САС, Специальной авиадесантной службе, специальному подразделению вооруженных сил, самых лучших в мире. Они были лучшими бойцами, обученными действовать и выживать в невозможных условиях, в любом климате и среди любых врагов. Они были быстрыми, эффективными, сильнейшими. Их миссии были всегда секретными, а следовательно, их идентификационные данные должны были быть скрыты.

И вот теперь они были обезоружены и ударялись о стенки вертолета при каждом заносе. Единственное, что их спасало от падения за борт, была веревка, привязанная к талии и прикрепленная к ручке двери грузового отсека. Бортовое оружие было полностью разряжено, включая новейшее плазматическое оружие, которое теперь свисало наполовину расплавленным со своей подставки под брюхом вертолета. Это был первый прототип, и не предполагалось,

что он должен непрерывно стрелять в течении долгого периода. Все это было только для того, чтобы постараться войти в контакт и сохранить позицию.

– Адамс! Готовься к спуску! – поступил громкий и ясный вызов в наушники пилота.

Именно в тот момент хвостовой винт вновь заколебался, но почти сразу выровнял равновесие, и пилот ответил:

– Готов, майор!

Под вертолетом в котловине с загнившей водой, пришедшей в движение в результате вращения лопастей, три близко стоящие фигуры стояли, обдуваемые потоком крутящегося воздуха, который яростно хлестал их.

Майор Камден беспрерывно стрелял по зарослям из полевого пулемета, держа его одной рукой, несмотря на его чрезмерный вес. Оружие было горячим и очень тяжелым. Солдат скалил зубы, сжимая его обожженными руками, палец находился на курке, глаза, налитые кровью, выражали жгучую и неутолимую ненависть, которая превращалась в поток пуль, вырывающихся из этого орудия смерти. Камден был весь покрыт кровью отчасти из поверхностных ран на груди и руках, но прежде всего кровью своих раненных товарищей, которых он должен был помочь перетащить к пункту сбора.

– Майор!

Камден с трудом расслышал крик девушки, которая старалась перекрыть пулеметную очередь. Ногами, прочно увязшими в тине болота, она поддерживала подмышками темнокожего парня, который был без сознания. Лицо его было наклонено вниз и наполовину погружено в воду. Голова безвольно покачивалась, рот был полуоткрыт, глаза закрыты. Из большой раны торчали части внутренностей.

Девушка безнадежно взирала на лес, потом на раненного парня, потом на майора, который продолжал стрелять. Он был на пределе сил, волосы прилипли к голове от пота и грязи, покрывавшей все его тело цвета кофе с молоком, к которому прилипла пропитанная грязью одежда.

– Майор! – позвала она еще раз истерическим криком.

Камден крикнул ей в ответ, не прекращая изрыгать огонь в сторону леса:

– Сейчас у нас есть достаточно преимущества, чтобы позволить вертолету приземлиться! Адамс! Сейчас!

– Роджер¹, майор!

Адамс начал спускаться, но на высоте примерно шести метров хвостовой винт остановился, и вертолет начал самовращаться. Пилот безрезультатно постарался перезапустить винт, одновременно пытаясь подняться снова.

– Аварийная посадка! Отойдите оттуда! – крикнул Адамс.

Камден краем глаза взглянул на вертолет, неподдающийся контролю, и моментально оценил ситуацию. Не было времени убегать. Но в любом случае оказаться раздавленными вертолетом, который падал на них, было предпочтительней, чем отдаться зверской участи, что настигла бы их в лесу. Лицо его исказилось кривой насмешкой, а взгляд зажегся дьявольским огнем – выражение человека, который смотрел в лицо собственной смерти и бросал ей вызов. Он продолжал жестоко стрелять в темноту, больше не чувствуя боли от раскаленного железа и веса оружия.

Девушка тоже поняла ситуацию.

– Нет! – отчаянно крикнула она со всей силой, что в ней осталась. – Нет, нет, нет! Не сейчас! – всхлипнула она. – Мы так близко, так близко! Почему?! Почему?!

Она опустила взгляд на раненного парня, и душу ее наполнило безмерное отчаяние. Они теперь были в шаге от смерти.

Сердце ее затрепетало.

И в тот ужасный момент, когда она поддерживала своего парня, глядя на вертолет, который мог раздавить их в любой момент, слыша грохот пулемета, который выворачивал ее наизнанку, с ногами, до середины бедра погруженными в тину болота, ей в голову пришла мысль, которая давно была запечатлена в скрытых уголках ее памяти.

Она подняла лицо к небу и со слезами, бежавшими по щекам, которые хлестал пульсирующий ветер, порождаемый совершившим аварийную посадку вертолетом, начала молиться.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, и на земле, как на небе...

Часть первая

“Ты с нами, Рю,

Ты с нами.

Каждую ночь мы будем приходить к тебе на черное море.

И мы поймем, что ты там и ты ждешь нас

С твоими крепкими руками.

Ты поднимешься на лодку, как пена волны,

И с нашей стороны вместе с нами поднимешь сети,

Как это было в прошлые ночи,

Когда твои глаза и твоя улыбка

Наполняли нас радостью от встречи с бурей.. ”

Нобору

Глава I

Все началось случайным образом, как это обычно бывает в таких случаях.

Студент Маррон собирался привести в порядок оборудование в одной из физических лабораторий университета Манчестера, раздраженно бормоча себе под нос по поводу всего того, что ему было оставлено ушедшим домой профессором Дрю.

– Приведи в порядок мою экспериментальную установку, Маррон, прежде чем уйдешь, ничего не работает! – приказал он.

Неужели нельзя было подождать до следующего утра? Сейчас уже поздно, с какого дьявола кто-то пришел бы проверять, наведен ли в лаборатории порядок или нет?

– Ну что же, – смиренно вздохнул Маррон, – путь физики проходит в том числе и через педантичность старых профессоров.

Он положил свой бутерброд с ветчиной на стальную пластину, являющуюся частью экспериментальной конструкции, куда он неосторожно бросил оберточную бумагу мгновением раньше распоряжения Дрю, потому что эта пластина казалась самым чистым объектом в лаборатории на тот момент.

Он собирался убрать первые приборы, когда пушистый рыжий кот, живший в лаборатории, молниеносным прыжком вскочил на рабочий стол, прошелся по клавиатуре компьютера, задев лапами некоторые микрометрические установки, и впился зубами в верхнюю часть бутерброда, а потом, наконец, спрыгнул на землю. На все это ему потребовались десятые доли секунды.

Маррон испустил сдавленный крик и принялся гоняться за котом, который мгновенно скрылся на вершине самого высокого в лаборатории шкафа.

Разгневанный студент остановился перед шкафом, размахивая кулаком в сторону кота и рассыпаясь в малоприятных комплиментах, но потом, будучи разумным человеком, оценил, что энергия, необходимая для возврата украденной еды, превышает энергию, которую эта еда ему даст, потому он успокоился и оставил в покое кота, раздумывая о том, что в каком-то смысле он того заслужил. Он бросил последний неодобрительный взгляд на кота и вернулся к рабочему столу.

Когда Маррон посмотрел на остатки своего бутерброда, чувство вины покинуло его, и, по мере того, как все яснее приходило осознание происходящего, он погрузился в своего рода транс, глядя на бутерброд широко раскрытыми испуганными глазами. Одежда стала мокрой от холодных капель пота, бегущих со лба и обильно стекавших вниз по уже влажному телу, руки задрожали, а легкие стали жадно ловить воздух.

Немного выше центра бутерброда, с верхней правой стороны не хватало одной части, и эта часть не была той формы, которая должна была бы составлять одно целое с частью, утащенной котом. Нет, это был кусок длиной примерно в четыре сантиметра, шириной в сантиметр, гофрированный параллельно горизонтальным длинным сторонам.

Не наблюдалось следов сгорания, крошек или каких-либо других остатков, а также не осталось запаха и дыма. Другой части бутерброда больше просто не существовало.

Тот маленький фигурный кусочек хлеба был просто передвинут? Расщеплен?... Или что?

В голове Маррона со скоростью света промелькнули все предположения, какие он только знал, ортодоксальные и не только, а между тем транс начал покидать его, дыхание пришло в норму, а сам он вернулся в настоящее.

Маррон еще не знал об этом, но История человечества стояла перед лицом решающего поворотного момента.

Сейчас.

И навсегда.

Глава II

Соблюдая крайнюю осторожность, чтобы не врезаться в рабочий стол, и одновременно глядя на кота, уединившегося на расстоянии десятка метров на шкафу в намерении раскрошить кусок хлеба, Маррон направился к телефону, висящему на стене позади него. Он пытался вспомнить домашний номер Дрю. Однажды он звонил ему, чтобы прояснить одно задание. Он заканчивался на 54 или 45?

– О, дьявол!

Он набрал первый вариант номера и после короткого ожидания услышал голос профессора в трубке:

– Кх!... Алло, – ответил профессор простуженным голосом.

– Профессор, это я, Маррон. Я думаю, будет лучше, если Вы срочно вернетесь в лабораторию. Есть нечто, что Вы должны увидеть...

– Маррон! – бесцеремонно прервал его Дрю. – У меня был тяжелый день: ректор сообщил мне, что фонды для нашей лаборатории сокращены на сорок процентов, и... кх... кажется, что в этом году мне так и не позволят уйти на пенсию. Надеюсь, что ты действительно хочешь показать мне нечто очень-очень важное!

– Ну, профессор, полагаю, что если Вы не захотите получить Нобелевскую премию, получу ее я один.

– Что ты болтаешь, Маррон? У меня нет времени на шутки!

Маррон даже не смутился:

– Это касается Вашей экспериментальной установки, профессор. Она производит эффект, который...

Студент уловил короткий шорох и через несколько секунд услышал, как хлопнула дверь. Он продолжал слушать звуки дома Дрю: телевизор по-прежнему оставался включенным, и оттуда как обычно доносился бессодержательный лепет. Профессор даже не позаботился о том, чтобы повесить трубку.

Маррон остался охранять экспериментальную установку, постоянно держа в поле зрения кота, чтобы не допустить его повторного нападения на бутерброд, что однозначно повлекло бы за собой катастрофические последствия. Животное поглощало хлеб маленькими кусочками, но каждый откусанный кусочек неумолимо уменьшал размер бутерброда, и кот уже начинал исподтишка поглядывать на рабочий стол.

Дрю все не приходил.

Маррон проклинал себя за то, что никогда не давал есть этому котенку, хотя ему было известно, что этим занимались другие студенты. Но он не знал, что в тот день эти студенты отправились на семинар и не покормили кота, уверенные, что его покормит Маррон.

Меж тем котенок покончил с бутербродом и вытянулся, пристально посмотрев на рабочий стол. Маррон начал покрываться потом, не зная что делать, когда услышал шум хлопнувшей двери и быстрые шаги по дороге, ведущей к входу в лабораторию.

Дверь внезапно распахнулась, и появился Дрю. Войдя, он обвел взглядом все помещение и моментально оценил ситуацию: Маррон неподвижно стоял около рабочего стола, пристально следя за котом, который со всей серьезностью намеревался схватить бутерброд, лежащий на пластине экспериментальной установки, казавшейся полностью собранной.

Дрю имел хорошие отношения с котом и потому разрешил безвыходную ситуацию самым банальным образом:

– Нильс, прочь!

Услышав эту сухую команду, котенок, носящий такое важное имя², выскочил прямо из окна лаборатории, остававшегося всегда немного приоткрытым в целях обеспечения циркуляции воздуха.

Маррон облегченно вздохнул и начал расслабляться. Он закрыл окно и принялся рассказывать профессору о случившемся. Он доложил ему только о существенных фактах, поскольку физики являются людьми весьма лаконичными, и завершил свою речь предположением:

– Полагаю, что кот случайно нашел критический параметр экспериментальной установки, который породил эффект смещения или измельчения материи, положенной на пластину. У меня нет других объяснений на данный момент.

Во время его рассказа Дрю смотрел на экспериментальную установку, изучая все значения, выставленные на компьютере и на подключенных приборах.

– Маррон, судя по виду, все произошло, как говоришь ты, но ты хорошо знаешь: чтобы эксперимент считать проведенным, он должен быть воспроизводимым... Ладно, сейчас мы сохраним полученную ситуацию, а потом попробуем воспроизвести наблюдаемый эффект.

Ничего не трогая, Дрю взял из шкафа цифровой фотоаппарат, оснащенный оборудованием, которое позволяло наложить тонко градуированную сетку на снятое изображение. Он сфотографировал все предметы на рабочей поверхности, по отдельности и все вместе, с разных точек зрения. Сетка позволит впоследствии воспроизвести точные расстояния и углы между объектами таким образом, чтобы воссоздать при необходимости точное расположение предметов экспериментальной установки. Он также сфотографировал экран компьютера, где имелись все параметры градуировки различных управляемых им инструментов, после чего Маррон сохранил эти параметры в файле.

Они переписали на другой компьютер все отснятые снимки и файлы с параметрами, сделали две копии и отдельно сохранили их: одну в портфеле Дрю, другую в куртке Маррона.

Теперь наступил решающий момент: они должны были попробовать воспроизвести эффект.

Дрю сместил кусок бутерброда на пластине таким образом, чтобы он располагался в той зоне, откуда раньше исчезла материя.

– Поскольку мы ничего не знаем о том, как это могло бы функционировать, будем действовать случайным образом, изменяя постепенно параметры и наблюдая за происходящим. Маррон, выбери какой-нибудь параметр на компьютере. Начнем с него.

Маррон повернулся к экрану и выбрал первый параметр, на котором остановился его взгляд.

– Изменяю K22. Сейчас он стоит на 1123,08В³. Я снижаю его до 0, – произвел студент изменение.

Ничего не произошло.

– Увеличиваю пошагово на 10В. Теперь K22 равняется 10В, 20В, 30В...

По-прежнему ничего не происходило.

При достижении 350В Дрю отдал распоряжение Маррону увеличивать пошагово на 50В.

– ... 400В, 450В, 500В...

Снова ничего.

Генератор глухо гудел при увеличении напряжения.

– 950, 1000, 1050, 1100, 1150, 1200В...

Ничего.

Маррон прекратил увеличивать напряжение.

– Профессор, мы превысили значение экспериментальной установки.

– Я вижу, Маррон, – сказал Дрю, напряженно думая. – Ладно, установи параметр K22 на значение 1123,08В, как было вначале.

Маррон выставил значение с клавиатуры и, прежде чем ввести его в систему, остановился и обменялся взглядом с Дрю. Оба были сконцентрированы на хлебе, и юноша ввел значение: мгновенно, как будто это было самым естественным в мире процессом, часть хлеба исчезла. Его форма была точно такой же, как та, что исчезла ранее.

Дрю судорожно ловил ртом воздух. По правде говоря, он не поверил до конца, что эффект, описанный Марроном, можно воспроизвести, но он полагал, что этому есть обычное объяснение.

Присутствие непосредственно при обнаружении эффекта привело его в замешательство. Ему показалось, что он погружается в пустоту, неожиданно образовавшуюся под ним. Он даже покачнулся. К счастью, он сидел, а его ученик поддержал его, не позволив падению. Теперь он отдавал себе отчет в том, что испытал Маррон, наблюдая этот эффект в первый раз. Ему понадобилась минута, чтобы прийти в себя. Наконец, он обрел самоконтроль. Он больше не ощущал усталости, накопившейся за день, сон как рукой сняло, а его мозг снова стал мощным и заостренным инструментом, полностью сконцентрированным на эксперименте.

– Ладно, Маррон, – холодно сказал Дрю, смещая между тем должным образом кусок хлеба, – выстави K22 на ноль, а потом на 1123,08В.

Маррон выполнил распоряжение, и материя снова исчезла.

Они попробовали повторить то же самое, выставив K22 на значении 1123,079В, но это не дало никакого результата.

– Теперь мы знаем, что K22 дает такой эффект, только если выставить его непосредственно на критическое значение. Также нет постепенного проявления этого феномена, даже при значениях, очень близких к критическому. Кажется, что мы стоим перед лицом очень точного параметра, при котором эффект или обнаруживается, или не обнаруживается совершенно, в зависимости от придаваемого значения. Хорошо, теперь попробуем с другими параметрами. Сделай это по порядку, начиная с первого и варьируя постепенно, как ты это делал с K22.

– Профессор, остается очень мало хлеба, – возразил Маррон. – Полагаю, нам стоит попробовать с какими-нибудь иными предметами, прежде чем перейти к другим параметрам.

– Хм... Ты прав.

Дрю взял тефлоновый блокнот со стоящей поблизости стойки и положил его на пластину.

Изменяя K22, они добились исчезновения части этого блокнота. Тот же результат они получили и с куском дерева, призмой, свинцовой пластиной и губкой для грифельной доски.

А также они выяснили, что толщина перемещаемого предмета, составляла примерно полсантиметра.

Было десять часов вечера, когда они приступили к изменению других параметров. Они погасили все лампы, за исключением единственной, что висела над рабочей поверхностью. Призрачный свет луны проникал в ближайшее окно, освещая плечи двух мужчин, склоненных над потертым рабочим столом в самой обычной физической лаборатории. Они работали в почти монашеской тишине. Студент наблюдал за учителем, а учитель находил новые силы в интуиции ученика, молодого, но смышленного. Им достаточно было двух слов, иногда даже всего лишь жестов для понимания, потому что они понимали друг друга с полуслова и продолжали в совершенной гармонии исследование необыкновенного ускользающего феномена.

– Должен быть обмен, – заметил Дрю во время испытания.

Маррон вопросительно взглянул на него.

– Если предмет перемещается или расщепляется, то на его месте должна образовываться пустота, которую сразу же должен заполнять воздух, производя резкий звук вроде щелчка. Поскольку такой звук не слышен, смею предположить, что предмет, который испаряется отсюда, перемещается в другое место и занимает там тот объем воздуха, который перемещается сюда. Обмен должен быть моментальный и одновременный.

«Кто знает, куда попали все эти штуки, – подумал про себя Маррон, – и куда нацелен этот прибор?»

И вдруг мгновенно погасли единственная оставшаяся лампа и монитор компьютера, позволяющие видеть возможные оптические эффекты эксперимента. Помещение лаборатории погрузилось в темноту, и лишь лунный свет слабо освещал пространство.

Никакого шума, кроме вентилятора компьютера, который приглушенно дул, да мирного жужжания генератора высокого напряжения.

Маррон выглянул из окна и заметил нечто странное: лик луны, который мы привыкли видеть, глядя на нее, теперь, казалось, изумленно взирал на них, будто они оба не должны были заниматься тем, что они делали.

Или, возможно, не должны были делать это сейчас.

Маррон вздрогнул, но тут же встрепенулся и включил клапан.

Лаборатория погрузилась в еще большую темноту. Ученик на мгновение похолодел от ужаса, и на его лбу выступил пот.

– Профессор... – пробормотал он.

В ответ он услышал только странный скрип. Он не смел пошевелиться, вспотев еще сильнее.

Казалось, что время в лаборатории остановилось.

По-прежнему стояла темнота, ужасающая темнота, и ему показалось, словно громадная рука все сильнее сжимала его.

Напряжение стало невыносимым.

Прошло еще полминуты, потом ветер прогнал облако, закрывавшее луну, и она снова холодно осветила пространство.

Маррон посмотрел на Дрю.

Старый профессор сидел с широко раскрытыми глазами, бледный как полотно, с силой вцепившись руками в рабочий стол так, что даже побелели костяшки пальцев. Это и производило скрип, который студент слышал мгновениями раньше. Уверенность и самоконтроль Дрю испарились, и в тот момент он был самым воплощением страха.

– Профессор... – еще раз попробовал Маррон.

Казалось, Дрю начал медленно приходить в себя.

– Включи свет, Маррон, – с трудом дыша, произнес он.

Юноша нащупал выключатель и зажег лампу. Яркий свет осветил рабочий стол. Не произнося ни слова, он подошел к стене и включил все лампы лаборатории.

Казалось, что жизнь возвращалась, и что весь этот свет быстро стер минуты ужаса. Дрю поднялся с сидения и сделал несколько шагов. Потом вытер лоб платком.

Маррон вернулся к рабочему столу и посмотрел на пластину экспериментальной установки. Материя исчезла, как и прежде. Ничего не изменилось. Студент посмотрел на профессора, который возвращался к своему месту. Их взгляды встретились, и оба поняли, что в тот драматический момент испытали те же самые ощущения.

– Внушение. Только внушение. И ночь. Мы очень устали, столкнувшись с трудными проблемами. Бывает... – неуверенно промолвил Дрю, стараясь вернуть контроль над собой.

– Да, конечно. Должно быть так и есть, – подтвердил Маррон не особо убежденно, но чувствуя, что, как человек разумный, каким он себя считал, он должен быть, как говорил его учитель, более зрелым и более мудрым.

Оба вернулись к своей работе, охваченные, однако, некоторым сомнением.

Параметров на компьютере было двадцать восемь, и только к двум часам ночи Маррон и Дрю закончили испытания. Они сделали все пометки, сохранили все данные, которые использовали, и их глаза, опухшие от напряжения, потемневшие и покрасневшие от требуемого зри-

тельного усилия, выражали невыразимую усталость вместе с искрой триумфа, который доводится испытать человеку не так уж много раз за всю свою жизнь.

Произошедший инцидент уже был забыт.

Глава III

Взглянув на часы, Дрю подумал, что было бы невежливо отправить одинокого и изнуренного Маррона в студенческое общежитие после всего того, что он сделал для них обоих.

– Маррон, что скажешь насчет того, чтобы переночевать у меня дома? Моя сестра уехала на несколько дней к своей подруге в Лидс, ты мог бы воспользоваться ее комнатой.

– Спасибо, профессор, я с удовольствием, – благодарно ответил измученный парень.

Во избежание того, чтобы на следующий день кто-нибудь что-то нарушил в экспериментальной установке, пусть даже неумышленно, Дрю повесил с внешней стороны входной двери лаборатории листок бумаги, наспех нацарапав на нем: «ЛАБОРАТОРИЯ КИШИТ ТАРАКАНАМИ. НЕ ВХОДИТЬ!». Потом они сели в машину Дрю и вскоре оказались в загородном доме, расположенном совсем недалеко от Университета.

«Слава Богу, что он близко живет», – подумал Маррон, отчасти потому, что профессор смог быстро приехать в лабораторию, отчасти потому, что чувствовал себя невероятно уставшим, и глаза его сами собой закрывались. Ему было необходимо срочно поспать.

Они поднялись к входу в дом, и Дрю, немного порывшись в поисках ключей, наконец, открыл дверь.

Хозяин проводил своего ученика в комнату сестры и рассказал, где находятся туалет и кухня, а потом предложил:

– Послушай, Маррон, сейчас мы с тобой, как примерные дети, наденем пижамы и почи- стим зубы, но что скажешь насчет того, чтобы выпить чего-нибудь перед сном и сбросить немного напряжение?

Студент валился с ног от усталости, но он должен был признать, что нервы его были натянуты до предела, и в таком состоянии он мог бы не уснуть до самого утра. К тому же, он не ужинал, хотя в такой час кто захотел бы что-то поесть, а тем более приготовить поесть? Пропустить прием пищи не было для него концом света, поэтому он решил принять предложение.

– Хорошая идея! И потом это возможность отметить, нет?

Четверть часа она провели в креслах гостиной дома Дрю в компании отличного виски. Приятное тепло первых глотков позволило им расслабиться и придало разговору спокойствие.

– Это особенный день, Маррон, – произнес Дрю, – слишком особенный. У нас в руках прибор, порождающий совершенно новый эффект, который даже еще не был теоретически определен, насколько мне известно. Нужно будет изучить существующие физические теории и посмотреть, возможно ли объяснить этот эффект с их помощью или, если это необходимо, создать новую теорию, объясняющую это явление. Будет много работы для меня и моих коллег по всему миру, которые будут участвовать в этом эксперименте.

– Несомненно, это будет увлекательным занятием. Мне бы тоже хотелось принять участие в исследовании...

– И ты еще сомневаешься? После того, что этот эффект подарен миру именно благодаря тебе, ты можешь быть уверен: единственное, что ждет тебя, – это куча работы. Тебе нужно продолжить исследовать твой запрограммированный бутерброд, полностью отдавшись этой новой работе и душой, и телом. Поздравляю, Маррон, ты становишься известным, но одновременно должен будешь вкалывать как юнга на корабле. Что еще пожелаешь? – обратился он к Маррону отеческим тоном, довольный результатами своего студента.

– Ну... В данный момент я бы хотел лечь в постель, – смеясь, ответил Маррон, закончив пить свой ликер.

– Согласен, – кивнул Дрю. – Кстати, как тебя зовут?

– Маррон!... А... эээ... Джошуа Маррон. Джош.

Дрю удовлетворенно посмотрел на него. Этот парень шоколадного цвета имел счастье и пронзительность открыть феномен, который мог бы так и оставаться неведомым для человечества неизвестно сколько еще времени, может, даже навсегда.

«Еще одно очко в пользу черных, – раздумывал он. – И они его заслуживают. К черту тех, кто хотел дискриминировать их. Неужели мир начинает вертеться в правильную сторону? Думаю, что...»

Дрю вздрогнул, обнаружив, что виски закончился.

– Спокойной ночи, Джош.

– Спокойной ночи, профессор Дрю.

Спустя некоторое время Дрю лежал в своей кровати, одинокий, как закоренелый холостяк.

Много лет назад он был знаком с несколькими женщинами, но это были только дружеские отношения, лишь иногда немного выходящие за рамки дружбы. Он никогда не погружался с головой в любовные истории, и женщины оставляли его спустя некоторое время, полагая, что с этого типа, вечно витающего в облаках, все равно нечего взять.

Разумеется, физика заполняла всю жизнь Дрю, но он все же оставался мужчиной вне зависимости от всего остального. И истинной причиной того, что он так и не смог организовать свою личную жизнь, была его сестра.

Тиморина Дрю всегда жила с ним. В свои пятьдесят лет, будучи на десять лет младше своего брата, она тоже не была замужем, заботилась о нем и о доме, и Дрю невольно чувствовал себя обязанным ей за все то, что она для него делала. Усердие сестры позволяло ему, на самом деле, полностью отдаться своей работе, что обычно абсолютно его устраивало.

Поэтому Дрю избегал женитьбы, подсознательно опасаясь, что никакая женщина не смогла бы сравниться с его сестрой и потому заставила бы его бросить работу, а это для него являлось невыносимым. Кроме того, возможная жена могла бы не поладить с Тимориной, что стало бы для него невыносимым, поскольку перед сестрой он был в неоплатном долгу за ее помощь, а в отношении жены должен был бы оставаться хорошим мужем. Он бы оказался в тупике и не знал бы, как из него выйти.

В итоге Дрю имел свои комплексы, которые не делали его жизнь простой, хотя об их существовании он даже не догадывался.

Тиморина, по сути, шантажировала его психологически, как умеют это делать многие женщины незаметно для мужчин. Она заставляла его выполнять те домашние дела, которые сама не хотела делать, обрисовывая их Дрю как работу, «которую только ты умеешь сделать хорошо».

Одним из таких дел являлось подстригание лужайки перед домом.

Лужайка была размером примерно около двухсот квадратных метров, и для того, чтобы обработать ее газонокосилкой, требовался приблизительно час времени. Это было немного, но в последнее время сестра приходила к нему с этим вопросом воскресным утром, которое было для него святым временем, когда он хотел бы отдохнуть и посидеть в кресле, слушая классическую музыку. Раньше, вплоть до последних двух месяцев, он обрабатывал лужайку в субботу вечером, но с недавнего времени Тиморина начала приглашать по субботам подруг, хотя раньше они приходили в воскресенье, утверждая, что «нельзя же пить чай под шум газонокосилки!»

Дрю был к этому привычен, но в последние недели это стало для него невыносимым, и он начал искать выход.

Он полагал, что, являясь профессором физики, мог бы изобрести некий прибор, который был бы способен моментально сжигать траву на лужайке на уровне какой-то определенной высоты, достигая того же результата, что и при покосе.

Дрю полагал, что поместив на лужайку подходящую решетчатую конструкцию с проводами и создав электрическое поле с высоким напряжением на высоте, скажем, пяти сантиметров над травой, было бы возможно сжечь ее с помощью такой конструкции на определенное количество сантиметров, эквивалентное срезанию газонокосилкой.

Он наивно не учел, что сестра не оставила бы без внимания подпаленные кончики травы, а следовательно, ему бы пришлось вернуться как и прежде к газонокосилке.

Однако из всего этого родился прибор, который лежал на рабочем столе в лаборатории.

Если бы Дрю только знал, что «подруга из Лидса», которую Тиморина с недавних пор навещала по воскресеньям, и к которой она в этот раз отправилась на все выходные до самого понедельника, на самом деле была симпатичным мужчиной среднего возраста, который непосредственно в данный момент занимался с его сестрой достойной внимания гимнастикой на большой двуспальной кровати!

Глава IV

Маррон проснулся рано на рассвете. Обычно утром ему было несложно встать с постели, и в этот раз, несмотря на тяжелую ночь, он также легко пробудился. Несколько мгновений он полежал в кровати, размышляя о случившемся, а потом снова задался вопросом, куда прибор отправляет предметы в качестве обмена? Может, в японскую пагоду? Или в австралийскую пустыню? Или в какую-нибудь отдаленную африканскую деревню?

– Эх! Если есть способ узнать это, мы это узнаем! – философски заключил он.

Он спустился на кухню, где обнаружил Дрю за приготовлением плотного завтрака на двоих.

Они поприветствовали друг друга и с аппетитом принялись поглощать яйца с беконом, сопровождаемые вкусным чаем. Во время завтрака они мало разговаривали, понимая, что время поджидает.

Закончив трапезу, Дрю позвонил в секретариат Университета предупредить о своем опоздании. У Маррона, напротив, не было никаких лекций тем утром, потому он был совершенно свободен.

Они оделись и вышли из дома.

Первым делом они отправились к нотариусу, другу Дрю. После коротких разъяснений нотариус подготовил документ, в котором декларировалось, что на сегодняшнюю дату Лестер Дрю и Джошуа Маррон открыли новый физический эффект, описанный в общих чертах, и что этот эффект был получен в результате использования прибора, изобретенного Дрю и должным образом отрегулированного Марроном. Кот упомянут не был.

После подписания документа оба сели в машину, и Дрю направил ее на парковку, расположенную рядом с офисом ректора. Они уведомили о своем прибытии и через несколько минут вошли в кабинет руководителя университета.

Офис ректора МакКинтока имел весьма спартанский вид, без каких-либо излишеств. Пространство наполняли только необходимые и полезные вещи. Облик ректора тоже был отражением сдержанности и эффективности.

– Дрю, друг мой, чем обязан твоему визиту? – воскликнул ректор, едва взглянув на Маррона и даже не поприветствовав его.

– Привет, МакКинток. Я сделал открытие.

Существенность сделанного Дрю заявления заставила ректора нахмурить лоб, сказав холодную маску, которую он привык носить в течение рабочего дня. Эта маска призвана была изображать выдержку и всеобщий контроль над всем и всеми и быть действительным помощником в поддержании иерархии в надлежащем порядке.

МакКинток знал, что Дрю был хорошим ученым, но он никак не ожидал, что в шестьдесят лет физик сделает нечто особенное после целой жизни, проведенной в тени важного, но анонимного исследования.

– Открытие? Какое?

– Я и студент Маррон разработали прибор, который в состоянии обмениваться двумя объемами пространства моментально и с малыми затратами энергии.

Ректор был профессором в области античной письменности, и физика для него была миром эфемерным и непостижимым. Он полагал, что понял, о чем говорил Дрю, потому посмотрел на него с некоторой долей сарказма, одновременно взяв со стола пресс-папье и очечник. Он скрестил руки и поменял предметы местами.

– Мне не кажется это таким уж великим открытием, Дрю. Я могу это сделать голыми руками без помощи каких-либо приборов, как видишь.

– Молодец! Но достаточно ли длинные у тебя руки, чтобы переместить их из Манчестера в Пекин? – Дрю знал о пробелах в научных познаниях МакКинтока, а также знал о его склонности к сарказму и потому решил ответить в том же духе.

– То есть как в Пекин? – не понял ректор.

– Легко, МакКинток, – настойчиво сказал Дрю. – Наш прибор способен выполнить перемещение на расстояние, которое, мы полагаем, зависит от установок, но речь идет о километрах, сотнях километров, если не тысячах.

– В каком смысле, «мы полагаем»? – МакКинток уже вернул контроль над ситуацией.

– В смысле, что мы работали всю сегодняшнюю ночь, и нам удалось извлечь много важнейших данных относительно функционирования прибора, но мы еще должны установить, куда прибор нацелен, и как варьировать этими координатами. Поскольку этот обмен не происходил в пределах лаборатории, очевидно, что координаты остаются данными, которые только предстоит определить.

Дрю понял слишком поздно, что это самое «мы полагаем» привело к потере преимущества перед ректором и могло стать проблемой.

В этот момент послышался шум в приемной ректора. Хлопнувшая дверь, торопливые шаги и пронзительный крик секретарши, потом снова торопливые шаги цокающих каблучков – и дверь мгновенно распахнулась, а в кабинет гневно ворвалась профессор Брайс, решительно проследовавшая к письменному столу, даже не удостоив посетителей взглядом.

Сквозь открытую дверь было видно, как секретарша развела руками и покачала головой, давая ректору понять, что ей не удалось остановить ее.

– Ректор МакКинток! – начала женщина изменившимся голосом, – Это уже слишком! Посмотрите, что я нашла сегодня утром в кресле около моего письменного стола!

Профессор взмахнула прозрачным пластиковым пакетом, в котором находились многочисленные предметы, раскрашенные в различные цвета.

– Я пришла в офис, села в кресло и вдруг поняла, что подо мной что-то лежит. Посмотрите, какая гадость: стекло, металл, пластик и – о, ужас! – какие-то объедки! Они мне испортили юбку, и я не знаю, удастся ли мне привести ее в подобающий вид. Студенты со второго курса в этот раз переступили черту. И я требую, чтобы Вы приняли соответствующие меры. С моей стороны, я знаю, как призвать их порядку!

Во время этой тирады Маррон и Дрю моментально побледнели: они узнали в содержимом пакета предметы, которые ночью подверглись обмену. Загадка относительно наведения прибора была решена, но теперь образовалась проблема более непосредственная.

МакКинток оставался невозмутимым перед гневом Брайс. На самом деле подобные шутки периодически случались, и он полагал, что это как раз один из таких случаев. Он совершенно не подумал, что предметы скандала могут быть каким-то образом связаны с открытием Дрю.

Дрю понял ситуацию, но правильно оценил, что профессор слишком рассержена, чтобы принять какие-либо объяснения. Она жаждала только мести. Поэтому он оставил решение этого вопроса ректору.

МакКинток напустил на себя выражение сурового неодобрения.

– Вы абсолютно правы, профессор Брайс. Эти студенты не знают, что такое дисциплина и что такое уважение к преподавателям, поэтому можете быть уверены, что я сразу же приму меры по дисциплинарному наказанию, после которого у них отпадет всякое желание делать что-либо, кроме как учиться.

Брайс сухо кивнула в знак согласия, потом развернулась на каблучках и широкими шагами вышла из кабинета, направившись в аудиторию биологии, являющейся ее предметом, намереваясь пригрозить личной расправой студентам второго курса, собравшимся сдавать письмен-

ный экзамен. Она даст им невыполнимое задание, а потом оценит их так, чтобы испортить всем средний балл.

И эти ребята станут первыми жертвами Обмена.

Тем временем атмосфера в офисе ректора успокоилась после ухода рассерженной женщины, и Дрю взял слово:

– МакКинток, оставь в покое этих студентов. Это наши вещи. Теперь мы знаем, куда прибор перемещает предметы: примерно на триста метров на восток от лаборатории.

Ректор вопросительно взглянул на Дрю.

– Хочешь сказать, что это вы сегодня ночью подложили эти штуки в кресло Брайс?

– Да, это так. Я узнал эти предметы. Они все были той формы, как я и ожидал, и материалы те же самые. Это мы их туда переместили.

Выражение лица МакКинток совершенно изменилось, он постарался сдержаться, но буквально через несколько секунд расхохотался, а вслед за ним начали смеяться и Дрю с Марроном.

– Из всех мест, где они могли бы оказаться, они оказались именно у Брайс... ха-ха-ха, – покраснел от смеха ректор.

– Ты видел ее лицо? Словно наступил апокалипсис... хахаха, – хохоча, ответил Дрю.

Маррон смеялся, держась за живот. Общее веселье длилось несколько мгновений, но потом постепенно все успокоилось.

МакКинток заговорил первым:

– Ладно, дорогой Дрю, кажется, твое открытие является в самом деле открытием, учитывая, что мои руки не имеют длину в тридцать метров, и я не смог бы сделать нечто подобное, – вызывающе посмотрел он на профессора физики. – И что ты теперь намерен предпринять?

Дрю не поддался на провокацию, ограничившись тем, что поднял бровь в притворном изумлении.

– Я намерен опубликовать открытие. Кроме того, хочу передать детали эксперимента иностранным коллегам, с которыми мы работаем в рамках Университета, чтобы они могли воспроизвести эксперимент и изучить его. Мы нуждаемся в их помощи, чтобы довести до конца теорию, что...

– Спокойно, спокойно, Дрю. Не так быстро, – прервал его ректор. – Опубликовать открытие – это хорошо, но передавать детали мне не кажется правильным. Видишь ли, наша академия нуждается в деньгах, очень нуждается, и если это открытие может принести деньги, мы должны держать детали в секрете и получить от них максимальную прибыль, то есть быть единственными владельцами этой технологии.

Дрю застыл на мгновение. Он не ожидал подобного поведения. Он всегда думал, что наука является тем, чем делятся с другими, чтобы человечество могло идти вперед быстрыми шагами, находясь в гармонии с общими интересами. Он должен был бороться за это.

– МакКинток, проклятый шотландец! – со злостью накинулся он на него. – Ты отдаешь себе отчет в том, что ты говоришь? Ради горстки денег, которая не принесла бы особых изменений такому Университету, как наш, самому финансируемому в Великобритании, ты претендуешь, чтобы открытие Маррона и мое осталось запертым в этих стенах? Каким образом тогда наука будет идти вперед? Как будет идти вперед человечество? Подумай, если бы... – постарался он найти пример, который ректор мог бы понять, – если бы Гульельмо Маркони не поделился бы своим изобретением радио. Сейчас, если бы ты захотел послушать в машине радио, тебе пришлось бы обратиться к своим потомкам, учитывая, что радио еще не придумано, или бросить эту затею и поискать нечто другое, что составило бы тебе компанию, пока ты едешь в Ливерпуль к своей подружке. Например, музыкальную шкатулку.

– Хм, как ты думаешь, каким образом я тогда могу получить деньги от твоего открытия? – не растерялся МакКинток.

– Ну, организуй семинары, напиши статьи в журналы в этой области...

– Дрю, ты, конечно, отличный физик, но в практике ничего не понимаешь. Ты не подумал о том, что твой прибор, надлежащим образом настроенный, мог бы способствовать перемещению материалов с коммерческой целью? Сейчас, если мы хотим отправить пакет из Манчестера в Пекин, мы должны нанять курьера, которому в лучшем случае понадобится несколько дней на доставку пакета, а стоить это будет немало. При помощи твоего прибора это перемещение могло бы быть мгновенным и чрезвычайно выгодным, если платить за него, например, половину стоимости услуг курьера. Ты представляешь себе, сколько пакетов можно отослать из Манчестера за один-единственный день? Я – нет, но полагаю, что тысячи. Расширь рынок до уровня Англии, Европы, мира...

Дрю пребывал в замешательстве. Он не подумал о такой возможности и теперь начинал понимать точку зрения ректора, но это все равно не убеждало его отойти от видения ситуации с точки зрения науки.

– Послушай, МакКинток, коммерческое применение можно изучить в свое время, но сейчас совершенно необходимо разработать теорию, которая объяснила бы функционирование прибора и позволила бы настроить его нужным образом. Без этой теории прибор абсолютно непригоден, если только ты не хочешь ограничить себя отправкой карамелек в кресло Брайс. Эффект обмена находится абсолютно за пределами известных теорий, и маловероятно, что только я и Маррон даже с помощью моих коллег, работающих здесь, сможем в разумный временной период получить удовлетворительный результат. Имея теорию, мы однажды сможем создать другие приборы и изучить, как их улучшить и сделать более эффективными. В общем, мы нуждаемся в помощи лучших умов вокруг нас, и это не обсуждается, – твердо заключил Дрю.

Ректор тщательно взвесил аргументы, выдвинутые Дрю, и в итоге согласился, что для того, чтобы получить деньги от прибора, необходимо знать, как и почему он функционирует.

– Ладно, Дрю, ты меня убедил. Сделаем так: выделим узкий круг ученых, которым мы можем доверять, согласуем с ними адекватное вознаграждение за совместное сотрудничество, установим это вознаграждение, передадим им сведения и постараемся как можно скорее определить теорию, о которой ты говоришь. Когда у нас будет теория и приборы, функционирующие так, как нам нужно, только тогда мы опубликуем открытие. До этого момента вы никому не должны говорить ни слова без моего разрешения.

Дрю не был удовлетворен таким решением. Он был идеалистом и не мог все приводить к презренной денежной базе.

– Но прогресс, наука... – начал он горьким тоном, но МакКинток его прервал.

– Мир идет вперед, и наука обогатится с вашим открытием, но я не вижу ничего плохого, если это поспособствует увеличению денежных поступлений в этот Университет. Нам действительно нужны деньги, Дрю, и поверь мне, что я должен хватать все, что попадает мне под руку, чтобы получить хоть немного больше денег. Ладно, договорились, – закончил он разговор, – подготовь список ученых, с которыми надо связаться, и предоставь мне его. Начнем немедленно.

Павший духом Дрю сдался.

– Хорошо, – сухо ответил он. – Увидимся вечером.

Он поднялся и пошел к выходу из кабинета вслед за Марроном, который за всю встречу не произнес ни слова.

Свежий живительный мартовский воздух ворвался в их легкие, выветрив чувство угнетения, которое они испытывали. Голубое небо было расчерчено белыми перистыми облаками. Солнце ярко светило.

– Было сложно, да? – осмелился нарушить молчание Маррон.

Дрю не ответил. Нобелевская премия должна подождать.

Глава VI

Тот вечер, впрочем, как и все предыдущие, ректор МакКинток провел в Университете за работой. Это был, как обычно, трудный день. Управление такой гигантской структурой, какой являлся его Университет, было чрезвычайно сложной и в то же время неблагодарной задачей, поскольку принятые решения в пользу одних становились причиной неудовольствия других. При штате более десяти тысяч доцентов статистика четко и неумолимо говорила только одно: все, что он делал, приводило каждый день к появлению нового врага. Врага, которого он должен был в дальнейшем завоевать, приняв хотя бы несколько его предложений без особых придинок. А это приведет к появлению новых врагов с какой-нибудь другой стороны.

Итак, это было его работой и его судьбой. Его любили, уважали и в то же время ненавидели и осмеивали. И никогда одно и то же чувство не исходило со стороны одного и того же человека более чем, несколько недель подряд.

И ладно бы, он мог четко выявить врага, которому можно посмотреть в лицо. Но нет... Пока он гулял по переулкам, покрытым зеленью и соединяющим различные здания университетского комплекса, или пока он шел через офисы, полные подчиненных, или по коридорам между аудиториями, ему казалось, что он идет по тропинке, по бокам которой сидят снайперы, готовые выстрелить в него при первом же неверном движении. Профессор, который сегодня с улыбкой приветствовал его, мог быть тем, кто через месяц-два осквернит его и посмеется над ним вместе с коллегами.

Это была отвратительная жизнь, но он ее сам выбрал, и он *был выбран* для нее, восемь лет назад. Однако вознаграждение было высоким. Он управлял самым важным университетом страны, что было очень престижно, он пользовался огромным авторитетом, который имели лишь избранные и которому многие завидовали.

И поэтому он был один. Один, как бездомная собака. С высоты вершины его великой державы дистанция между ним и окружающими людьми была такой, что человеческие отношения были невозможны.

Жена бросила его много лет назад, сохранив о нем воспоминания, как о своего рода дефективном организме, который функционировал только в рабочей среде, подпитываясь высокомерием и самодовольством, в то время как дома, в качестве мужа, он во всем был бесполезным и ни на что неспособным. Он не мог понять ее, он не умел общаться с женщинами, полностью сконцентрировавшись на своей карьере, своих делах, все более важных и престижных, но в то же время неинтересных и далеких от чувств. У них не было детей, поэтому, как только ей надоело жить с ним, как с дальним знакомым, она просто сменила адрес и подала на развод через свою подругу-адвоката. С тех пор они больше не разговаривали.

Сначала МакКинток не был очень огорчен. Он не проводил много времени дома, а когда и был дома, то не был особо расположен к семейному общению. Рабочий стресс переполнял его в то время, и путающаяся под ногами жена его раздражала. Он предпочитал остаться наедине с собой, в саду или библиотеке.

Через неделю после отъезда жены МакКинток, вернувшись домой, обнаружил там домработницу, которая выставила у двери чемоданы. На его вопрос, она смутилась и сообщила, что жена распорядилась о том, чтобы отправить личные вещи на новый адрес. Будто очнувшись от сна, он огляделся вокруг себя, инстинктивно ища свою жену, и только в тот момент до конца осмыслил ситуацию.

Он закрылся в себе, переполненный чувством вины, но в то же время неспособный переступить через барьер, который он выстраивал в течение многих лет стерильной супружеской жизни.

Так он начал жить жизнью одинокого мужчины. Всего лишь немногим более одинокого, чем раньше. До тех пор, пока не встретил Синтию.

Примерно год назад он принял решение использовать неделю отпуска для участия в конференции в Бирмингеме. Он снял номер в отеле, поскольку длительность встречи должна была три дня.

Однажды вечером он расположился в баре после целого дня, проведенного за слушанием корифеев греческой мифологии, которые с душой разглагольствовали о различных возможных интерпретациях надписей, вырезанных на крышке урны, выкопанной недавно в Коринфе.

Это было его хлебом, материей, в которой она разбирался, и которая была его специализацией. Он годами преподавал этот предмет, курируя многие важные научно-исследовательские программы и предоставляя свои услуги основным мировым институтам, ответственным за сохранение классической культуры.

Всем этим он занимался до тех пор, пока должность ректора не перенесла его в новое измерение, очень управленческое, но малокультурное, хотя и с приятными полномочиями. С тех пор он довольствовался лишь тем, что наблюдал за исследованиями других, консультировал новые публикации по теме и, когда мог, принимал участие в семинарах.

В тот вечер ему не спалось, и он сидел за барной стойкой отеля и задумчиво потягивал виски с содовой. Он был последним оставшимся клиентом, хотя время было не таким уж и поздним. Бармен уже в третий раз вытирал хрустальные бокалы. Свет был мягким, а оттенки древесины ценных пород, из которых была сделана мебель, заставляли почувствовать себя как дома.

Он собирался сделать еще один глоток виски, когда неожиданное и манящее благоухание очень женственного аромата застало его врасплох, побудив на мгновение повернуть голову в сторону. Он застыл, словно окаменев, и аромат накрыл его полностью. Слева появилась женщина, хорошо одетая, элегантная и уверенная в себе, которая, стоя немного в стороне от барной стойки, произнесла, обращаясь к бармену:

– Шерри, пожалуйста.

Голос контраalto был приятным, отлично поставленным, как у человека, привыкшего выступать перед образованной и внимательной публикой.

МакКинток украдкой поглядывал на нее, стараясь остаться незамеченным. Женщина же его полностью игнорировала. Она была среднего роста, со светлой кожей, темно-рыжими волосами, собранными заколкой мраморного цвета, с очень женственными пропорциями тела.

На ней был надет изысканный шотландский костюм, облегающая юбка до колен, темно-коричневые лакированные туфли на тонком высоком каблуке и черные колготки. Поверх белой блузки с умеренно глубоким вырезом был наброшен жакет. На воротнике была приколата изящная золотая брошка в форме буквы «С». На шее она носила массивное золотое кольцо, а бриллиантовые серьги украшали мочки ушей ярким блеском.

Лицо было нежным, с тонкими, но хорошо очерченными линиями. Глаза были светло-зелеными, а нос имел правильные пропорции и легкую горбинку. Не слишком узкие губы гармонировали со слегка выступающим подбородком. Макияж был легким, в пастельных тонах. Всего несколько очень тонких морщинок на лбу и на щеках женщины говорили о том, что она приблизилась к пятидесятилетнему рубежу.

Бармен приготовил шерри и бесшумно поставил бокал на барную стойку, а потом исчез в подсобном помещении за витриной бара, чтобы завершить, очевидно, какие-то дела.

Женщина протянула правую руку с тонкими пальцами и аккуратно постриженными ногтями, покрытыми перламутровым лаком, и осторожно взяла фужер. Пока она его поднимала, МакКинток не смог сдержаться, околдованный этим ароматом и этим лицом, и тоже поднял свой бокал, произнеся ровным голосом:

– За здоровье!

Женщина слегка повернула голову в его сторону, немного наклонившись вперед. Кивнув с легкой улыбкой на губах, она произнесла равнодушно:

– За здоровье!

Потом она вновь устремила взгляд перед собой и сделала небольшой глоток своего ликера, в то время как МакКинток жадно проглотил все, что оставалось в его бокале.

Он сидел с пустым бокалом в руках, только сейчас осознав, что разом выпил три четвертых его содержимого. Виски наполнили его приятным теплом, а аромат женщины опьянил, пробудив ощущения, которые он не испытывал уже очень давно. В метре от него сидела представительница прекрасного пола, невероятно привлекательная, почти совершенная, которая могла бы стать его идеальной женщиной, хотя он никогда не имел никакого прототипа на этот счет.

Не отдавая себе отчет в том, что делает, он поставил стакан, слез с табурета и сделал шаг в сторону женщины, улыбаясь и дружелюбно протягивая ей руку.

– Позвольте? – спокойно произнес он. – Лохлэн МакКинток.

Она поставила фужер, повернулась к нему и вежливо пожала руку.

– Синтия Фарнэм, приятно познакомиться.

– Синтия... – изумился МакКинток. Потом продолжил тихим и спокойным голосом: – Это одно из имен богини Артемиды, дочери Зевса и Леты, сестры-близнеца Аполлона. Она родилась на острове Дилус, на вершине горы Кинтос, от названия которой происходит имя Синтия. Богиня Луны, она была необычайно красива, одной из самых прекрасных богинь Древней Греции. И... – нерешительно замолчал он.

Пока он говорил, Синтия начала довольно улыбаться.

– И...? – переспросила она, слегка наклонив голову влево.

Теперь МакКинток больше не мог сдерживаться. Жребий был брошен.

– ...и надеюсь, что меня не постигнет участь Актеона. Он был фиванским принцем, который, отправившись на охоту, увидел вдалеке Артемиду, пока она купалась обнаженной. Он спрятался и продолжил наблюдать за ней, и, будучи пленен ею, не заметил, как наступил на ветку. Хруст ветки позволил Артемиде обнаружить его. Она была очень разгневана пристальным взглядом Актеона и окатила его волшебной водой, превратив в оленя. Собаки кинулись на добычу и растерзали его, – он сделал печальную паузу, а потом повторил: – Надеюсь, что меня не постигнет участь Актеона...

Она весело рассмеялась:

– Я не вижу здесь собак.

МакКинток облегченно вздохнул и в свою очередь тоже улыбнулся, а потом добавил доверительным тоном:

– На этот раз я спасен. Извините, что надоедаю Вам, – и вернулся на свой табурет.

– Вам не за что извиняться. Мне тоже нравится поболтать после тяжелого дня, чтобы немного отдохнуть. Лохлэн, Вы сказали? Какие корни имеет Ваше имя?

МакКинток расслабился.

– Оно имеет гэльские корни и обозначает «пришедший с озера», а также «воинственный».

– Предпочитаю первое определение. Что скажете?

– Конечно, согласен. – МакКинток окончательно почувствовал себя в своей тарелке, разговаривая с Синтией. Было приятно беседовать с ней и моментально находить точки соприкосновения. Как давно его взаимоотношения с другими заключались лишь в стрессовых спорах, горьких решениях и торжественных публичных речах.

– Как Вы отнеслись бы к тому, чтобы расположиться поудобнее? – внес предложение МакКинток, указывая на комфортный уголок, прилегающий к бару, с низкими столиками и мягкими креслами.

Женщина взглянула на часы и мгновение обдумывала вопрос, что заставило МакКинтока замереть. Но потом она ответила:

– Конечно, тем более сейчас не так уж и поздно.

Она взяла свой фужер и направилась вслед за ним в сторону уютного уголка. Они сели друг против друга, между ними стоял столик.

Она сделала еще глоток шерри, а МакКинток, которому больше нечего было пить, повернулся в сторону барной стойки и подал знак бармену, только что вернувшемуся на свое место. Официант подошел к ним, готовый принять заказ, и МакКинток посмотрел на Синтию:

– Могу я предложить Вам еще что-нибудь? Не хотите какую-нибудь выпечку или, может быть, что-то сладкое? Мороженое?

– Почему бы и нет? – ответила она, немного подумав. – Крендели, пожалуй.

Для себя МакКинток заказал тоник, и официант отправился выполнять заказ.

Синтия положила ногу на ногу, приняв очень изящную позу.

– Как Вы оказались в Бирмингеме? – спросила она.

– Я приехал на конференцию по греческой мифологии. Я профессор античной письменности и хочу быть в курсе развития науки.

– Понимаю. Вот почему Вы знаете все об Артемиде. Но... – добавила она с некоторой долей злорадства, – что если бы я натравила на Вас дикого кабана?

МакКинток был поражен. Он покраснел до самых кончиков волос, чувствуя себя полным болваном. Синтия знала все об Артемиде, все! В тот момент она приняла эту игру, и он был побежден.

– Меня бы постигла участь Адониса, и я бы погиб от клыка дикого вепря, посланного Артемидой, – удрученно констатировал он. Но потом он воскликнул вдохновенно: – Как это логично: кто лучше самой богини может знать легенды о себе?

Синтия обольстительно улыбнулась.

– Это означает, что в этот раз я буду великодушной. В том числе и потому, что богиня занята инвестициями, а не мыльными операми Олимпа.

МакКинток улыбнулся, почувствовав себя счастливым от встречи с ней. Она была образованной, умной женщиной. И невероятно притягательной.

Бармен принес заказанные блюда. Поскольку Синтия допила шерри, МакКинток посмотрел на нее вопросительно.

– Тоник, пожалуйста, – попросила она.

Они принялись за принесенную выпечку, весьма разнообразную и вкусную. Некоторое время они сидели молча, но потом МакКинток спросил:

– Инвестиции, значит? Интересно. Должно быть, это очень ответственная работа.

– Конечно, – подтвердила она. – Необходимо учитывать, что тот, кто осуществляет денежные вложения, желает получить прибыль или в худшем случае сохранить инвестируемый капитал. Это главным образом зависит от характера риска, который принимает инвестор. Чем выше риск, то есть чем выше стоимость акций в этой операции, тем выше может быть прибыль при условии, что временные параметры инвестирования составляют примерно пять лет. Это достаточно длительный период, чтобы позволить акциям вырасти в стоимости с течением времени, несмотря на то, что этот параметр подлежит значительным изменениям в короткий период, что связано с тенденциями рынка. Эти тенденции в данном случае имеют важное значение, потому что если акции, так называемые, здоровые, то их стоимость неизбежно возрастет, за исключением, если вдруг начнутся войны, революции или другие потрясения на национальном или мировом уровне. Если инвестор уверен, что у него не возникнет необходимости в деньгах, инвестируемых в акции, в течение периода, минимально необходимого для этого вида операций, тогда очень вероятно, что после этого периода он получит значительную прибыль. Конечно, будущее никто предсказать не может, стало быть, существует риск потерять имею-

щиеся деньги, но экономика развивается по определенным циклическим тенденциям, которые позволяют сделать разумные прогнозы и инвестировать.

Между тем бармен принес тоник для Синтии, которая, отпив глоток, возобновила свои рассуждения:

– Полной противоположностью высокого риска является низкий уровень риска, то есть инвестиции в ценные бумаги с фиксированным доходом. В этом случае временной период значительно меньше, может быть даже меньше года. Эти ценные бумаги, на самом деле, дают низкий, но верный доход, поэтому они подходят для тех, кто ничем не хочет рисковать, готов довольствоваться низкой прибылью и хочет иметь капитал в виртуальном распоряжении в любое время. Среди этих двух крайних вариантов существуют смешанные инвестиции, когда часть капитала инвестируется в акции, а другая часть – в фиксированный доход. При этом пропорции этих частей варьируются в зависимости от подверженности риску. В этом случае разумно ожидать, что если одна часть инвестиций в какой-то период может подвергнуться риску, другая часть, напротив, защищена от него, а следовательно, инвестор может быть более спокойным. Моя же работа заключается в том, чтобы помочь клиенту выбрать наиболее подходящий для него тип инвестирования. Поскольку это деньги клиента, которые помещаются под риск операции, тут требуются высокая компетенция, знание и ответственность, чтобы советовать ему то или иное инвестирование. На ошибку нет права. Или лучше скажем так: нет права на повторную ошибку, потому что после первой ошибки необходимо менять работу, – она сделала еще глоток тоника и взглянула на него: – Я Вам наскучила, верно?

МакКинток завороченно смотрел на нее вот уже несколько минут. Ее приятный голос, которым Синтия растолковывала с хорошим знанием дела туманные понятия финансирования, ее зеленые глаза, устремленные вдаль во время этого объяснения, абсолютно околдовали его.

– Нет, наоборот! – с чувством возразил он. – Это очень интересная тема. Я, как и многие, занимался инвестированием, но должен сказать, что я никогда не встречал никого, кто рассказал бы мне об этом так, как это сделали Вы.

Она взяла кусочек выпечки.

– Ну и как проходят Ваши инвестирования? – спросила она веселым голосом, начав смаковать крендель со сладким перцем и анчоусами, который оказался очень вкусным.

МакКинток задумчиво отпил тоник, а потом произнес:

– На самом деле я не знаю. Сейчас, когда я думаю об этом, я понимаю, что не заботился об этом. Кто знает, где теперь мои деньги. Постараюсь проверить это в ближайшее время.

Ну да. В ближайшее время. Как и для многих других вещей, это время никогда не наступит. Он слишком поглощен работой и неосознанным отдалением от всего того, что не было непосредственно связано с Университетом. Неожиданно он понял, что много чего пустил на самотек, оставив без контроля. Дружба, инвестиции, свое одиночество...

Одиночество.

Он почувствовал до глубины души, насколько он одинок. И как давно он одинок.

В тот момент МакКинток увидел себя со стороны. Увидел то, во что он превратился. Могучий и авторитетный персонаж перед лицом мира, но ничтожный, как мужчина.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

– Я спрашиваю себя, – начал он нерешительно. – Я спрашиваю себя... – снова замолчал он. – Я спрашиваю себя, не были бы Вы так любезны, чтобы позаботиться о моих инвестициях? – закончил он на одном дыхании.

Синтия взглянула на него другими глазами. Пока он говорил, она прочтала в его глазах о том, что было в душе этого мужчины. Она прочтала об одиночестве и о собственной миссии.

Она ни минуты больше не сомневалась.

– Мне не хочется проводить эту ночь в одиночестве.

Она сказала это с такой естественностью, что МакКинток не сразу понял истинный смысл ее слов.

Но через несколько мгновений он осознал этот смысл, и сильнейшие эмоции овладели им. Глаза его увлажнились, губы дрогнули, и он протянул руку, осторожно прикоснувшись к ее руке и благодарно улыбнувшись ей.

Они взяли бокалы и направились в сторону лифта, держась за руки.

Бармен смотрел им вслед.

«Вот это скорость! – подумал он. Он в недоумении посмотрел на коробку, которую держал на полке. – Крендели тому виной?»

Номер Синтии был очень похож на его номер: просторный, с двуспальной кроватью, с вместительным платяным шкафом, с удобным письменным столом и креслом для отдыха. Номер был оборудован спутниковым телевидением и холодильником-баром, заполненным необходимыми продуктами.

Мебель была изысканной, как того требовал отель высшей категории. Картины на стенах изображали пейзажи Йоркшира с пустошью, покрытой зеленым вереском, гнущимся на ветру.

Ванная комната была очень уютной, с новой и отлично вычищенной сантехникой. Роскошная застекленная душевая кабинка была чрезвычайно привлекательна, и Синтия начала сразу же раздеваться. Она сняла с волос заколку, распустив их, и несколько раз мотнула головой вправо и влево, чтобы они растрепались. Они рассыпались ей по плечам модным каскадом. Потом она сняла жакет и аккуратно повесила его на вешалку. А вот свои элегантные туфли она не сняла. Не сейчас.

Когда она расстегнула застежку-молнию на юбке, у МакКинтока перехватило дыхание, и, чтобы скрыть свою реакцию, он сказал, что пойдет в свой номер за необходимыми личными вещами.

Едва он вышел за дверь, на лбу выступил пот, а сердце забилось в бешеном ритме. Он задался вопросом, не совершает ли он безумного поступка. Пока он механическим шагом шел по коридору и спускался на лифте на первый этаж, где располагался его номер, он подумал о том, что уже давно не женат. Он уже много лет назад развелся и должен считать себя мужчиной, свободным использовать новые возможности. Он поспешно положил в чемодан сменное белье, выглаженный костюм и необходимые вещи личной гигиены, потом закрыл дверь и более спокойным шагом направился на второй этаж, в номер 216.

Он постучал, но ответа не последовало. Тогда он нажал на ручку двери, которая тут же поддалась, поскольку Синтия оставила ее открытой. Следовательно, то, что происходило, не было сном.

Он вошел и услышал шум льющийся в душе воды. МакКинток поставил свой чемодан в стороне от шкафа, потом посмотрел на дверь ванной, которая тоже осталась открытой.

И сквозь эту дверь он увидел Синтию.

За стеклянной дверью душевой кабинки под бодрящими массажными горячими струями стояла она и проводила мочалкой, полной мыльной пены, по пышной груди, под ней, по животу... Она была повернута к двери на три четверти, левая нога была немного согнута в колене. Он видел ее и не мог пошевелиться. Она улыбнулась ему и начала намыливать плечи, подмышки и бока.

МакКинток хотел бы найти силы не смотреть на нее, хотя бы чисто из чувства приличия, но не смог.

Она была прекрасна. Потрясающая.

Он был очарован, глядя на ее великолепное, пышное и невероятно чувственное тело. Она начала намыливать низ живота, медленно, методично, ритмично запрокидывая назад голову.

МакКинток непрестанно следил за движениями мочалки широко раскрытыми глазами, не в силах отвести взгляд. До тех пор, пока не осознал, что она наблюдает за ним, хитро улыбаясь.

Синтия наполнила колпачок геля для душа водой и прыснула через открытый верх кабинки на него. МакКинток вздрогнул так, словно его ударило током, и стал пунцовым от стыда. Теперь он понял, что чувствовал бедный Актион из легенды. О, Артемида! Скольких мужчин ты околдовала своей красотой! Теперь я весь промок в волшебной воде. Я превращусь в оленя?

Синтия улыбнулась и быстрыми движениями намылила спину, ягодицы и ноги и, наконец, тщательно смыла с себя все мыло, поворачиваясь под душем и проводя пальцами по волосам, чтобы промыть и их тоже. Потом она закрыла кран и постояла немного в ожидании, чтобы вода стекла с ее тела, отжала волосы и, наконец, медленно открыла дверь душевой кабинки. Выйдя из нее, она повернулась к нему спиной, чтобы надеть махровый халат, который МакКинток держал наготове. Надев халат, Синтия запахнула его спереди. Она была разгоряченной, благоухающей лавандовым мылом, с мокрыми волосами и розовой от горячей воды кожей. Она была невыносимо желанна.

Синтия двинулась в направлении выхода из ванны. МакКинток не смог сдержаться, встал перед ней и положил ей на плечи руки, не зная, что делать дальше. Синтия укоризненно взглянула на него.

– Душ!

Он опустил руки и отстранился, позволяя ей пройти.

Синтия вышла из ванной, завязала вокруг талии пояс халата и достала из чемодана фен. Вернувшись в ванну, она начала сушить волосы перед немного запотевшим зеркалом.

МакКинток тоже вышел из ванной и разделся, складывая свою одежду на свободные полки шкафа, а очки без оправы – на письменный стол. Потом он разложил пижаму с левой стороны кровати.

В свои пятьдесят восемь лет он был весьма в форме. Как истинный шотландец, он мало ел, а кроме того любил быстро и много ходить, особенно по внутренней территории Университета. Он пользовался автомобилем только, когда это было действительно необходимо. Все это помогало ему сохранять неплохую форму. Был замечен лишь некоторый намек на животик у этого худого мужчины среднего роста с седыми волосами и пронзительным взглядом карих глаз.

Он направился в ванну, замотавшись вокруг талии полотенцем, а сняв его и открыв воду, отвернулся к облицованной плиткой стене.

Синтия за все это время не удостоила его взглядом. Она уверенными движениями продолжала сушить волосы, в конечном итоге сделав себе завидную укладку. Несмотря на возраст, ее волосы все еще оставались объемными и блестящими. Они были окрашены в цвет, очень близкий к ее натуральному оттенку, и светлая полоска просматривалась лишь в миллиметре от кожи головы, где темно-рыжий не до конца прокрасил корни волос. Она отнесла фен в комнату, а МакКинток все еще продолжал мыться.

Синтия сняла махровый халат и, достав из сумочки флакончик духов, несколько раз побрызгала им воздух, создавая облако. Потом она вошла в это облако и покрутилась в нем несколько секунд, чтобы ее обнаженное тело впитало в себя аромат. Не надевая никакого белья, она накинула на себя шелковую атласную ночную рубашку зеленого цвета, доходящую ей до середины бедра. Наконец, она села в кресло и приняла томную позу.

Руки ее безвольно лежали на подлокотниках, голова была откинута на спинку кресла и слегка наклонена влево, правая нога была согнута в колене, а обнаженная ступня стояла на ковре, которым был покрыт пол, левая нога была вытянута вперед.

Отопление приятно согревало пространство комнаты той весенней ночью. Синтия закрыла глаза, расслабившись в этом тепле.

Через минуту МакКинток вышел из ванной, надев махровый халат, и направился в сторону пижамы, разложенной на кровати. Но оказался перед Синтией. Он смотрел на нее, сидящую в кресле, легкую как нимфа, прекрасную как распустившийся цветок, и вдыхал ее аромат. Порция адреналина пронзила его с головы до пят, и он упал на колени перед ней. Он нежно положил ей руку на левое бедро, слегка прикасаясь к нему. Ее кожа была невероятно гладкой, теплой и увлажненной. Он на несколько сантиметров переместил пальцы вниз по бедру и нежно поцеловал округлое колено. Другой рукой он погладил ее правое бедро и начал попеременно целовать то одну ногу, то другую. Шелк ночной рубашки заскользил вслед за поднимающейся рукой, пока не обнажился пах. МакКинтоку открылся ее лобок, который покрывали волосы, выбритые в форме прямоугольника, геометрически точного, верхняя часть которого начиналась в сантиметре от влагалища, а боковые вертикальные стороны – в двух сантиметрах от половых губ. Он поцеловал левую паховую область, потом направился к правой области, полукругом обходя точку Венеры на расстоянии примерно трех сантиметров и достигнув, наконец, правой стороны. Он смело прикоснулся губами к клитору, но ограничился одним поцелуем теперь уже сухих губ. Он поцеловал ей живот, гладкий, в тонусе, потом область вокруг пупка, а также и сам пупок. Положив руки на ребра, он принялся целовать область под левой грудью и наконец добрался до груди, теплой и пышной, затем поцеловал правую грудь, сладостно потершись об нее губами и носом.

В этот момент Синтия неожиданно открыла глаза и схватила его половой член сверху, словно это был электрический фонарик, заставив его подняться на ноги. Затем она сама встала с кресла и, продолжая манипулировать членом как рычагом управления, уложила МакКинтока поперек кровати с опущенными вниз ногами. Она сняла ночную рубашку и села на него сверху, с эрегированной грудью, потом раздвинула левой рукой большие половые губы, чтобы облегчить вход члена во влагалище, переплела пальцы за шей и начала ритмично двигаться вверх-вниз. Когда она опускалась полностью вниз, то поворачивала живот вперед, чтобы клитор терся о его кожу. Ритм был совершенным и правильным, с медленным опусканием и интенсивным подъемом.

МакКинток был словно в трансе и, положив руки на колени Синтии, смотрел на нее в исступленном восхищении. Она грациозно двигалась и вместе со своим женским самообладанием казалась божественным существом. Лаская ее взглядом, он заметил чуть ниже подмышек два тонких полукруглых шрама совершенно одинаковой формы. Сначала он не понял, что это значит, но потом вспомнил, как его друг, эстетический хирург, рассказывал ему однажды, что один из способов введения силиконовых протезов в грудь – это как раз через небольшой надраз в области ниже подмышек, чтобы скрыть шрамы. Значит, в этом и заключался секрет ее пышной и чувствительной груди. Но МакКинток не был разочарован. Напротив!

«Какая разница!» – подумал он. Если это было правдой, то он был счастлив наслаждаться результатом.

Эти груди танцевали перед его глазами, пока Синтия поднималась и опускалась с отсутствующим взором и полуоткрытыми губами. Негромкое продолжительное постанывание сопровождало завершение каждого опускания, пока она не начала увеличивать ритм, все быстрее, все сильнее ударяясь об него. Стон превратился в гортанное «оxxxx!» при каждом ударе. Когда удары стали совсем яростными, а тело Синтии напрялось от спазмов и покрылось потом, она расцепила сплетенные пальцы и издала пронзительный и продолжительный крик. Тело ее продолжало двигаться в оргазме, но теперь ей хуже удавалось координировать его движения.

МакКинток с изумлением смотрел на этот перформанс. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Он даже не предполагал, что женщина способна на все это.

Синтия затихла, оргазм закончился, и ее дыхание выровнялось. Она посмотрела на него глазами, метающими молнии, и отвесила ему жесткую пощечину по левой щеке.

– Сволочь! – воскликнула она, потом слезла с него и откинулась на спину на кровать, сразу же заснув.

МакКинток не смел пошевелить ни одним мускулом, оскорбленно рассматривая потолок, в то время как щека горела, словно от раскаленных углей.

Он кончил, еще в тот момент, когда Синтия только начала ускорять ритм.

Стояла уже глубокая ночь. Сон Синтии был легким, и она проснулась сразу же, едва ее мозг уловил изменение фонового шума. До сих пор комната оставалась практически бесшумной, но теперь в ней послышался голос, который что-то бормотал.

Медленно повернув голову, Синтия попыталась установить источник этого голоса и в оставленном включенным свете увидела МакКинтока, который разговаривал во сне. Он лежал в том же положении, в каком она его оставила, в распахнутом халате, а голос его становился все более отчетливым с каждым словом.

Песня моя к златострельной и любящей шум
Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
И на тенистых отрогах свой лук всезлатой .напрягает,
Стрелы в зверей посылая стелющиеся.

Синтия сразу же узнала Гимн Гомера под номером XXVII, названный «К Артемиде» и посвященный этой богине. Она очень хорошо знала его, потому что она любила все гимны, написанные в честь Артемиды.

МакКинток невозмутимо продолжил, словно рассказывал лекцию:

В страхе трепещут
Главы высокие гор. Густотенные чащи тесные
Стонут ужасно от рева зверей.
Содрогается суша
И многорыбное море.
Она же с бестрепетным сердцем
Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.

На самом деле исполнение было эмоциональным и выразительным. В голове МакКинтока эта песнь должна была быть запечатлена во всей интерпретации, которая была свойственна ему и которая вырывалась наружу во время этой бессознательной декламации.

После того, как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской...
Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
После этих слов Синтия начала вторить ему вполголоса:
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
Между бессмертными всеми отличных умом и делами.
Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.
Знаменитый и великолепный гимн был закончен, подарив ей глубокое удовлетворение.

Много лет назад она пыталась найти сведения о происхождении своего имени, придя, таким образом, к имени Артемида. Она была увлечена мифом, который она выучила наизусть, и ей очень льстило, что МакКинток способен воспроизвести его даже во сне.

Она села на кровати, обнаженная, и с улыбкой взглянула на спящего мужчину. Потом она взяла покрывало, лежащее рядом с подушкой, расправила его и аккуратно накинула на торс и ноги МакКинтока, затем легла под одеяло, выключила свет, повернулась на бок и снова погрузилась в сон.

О той их первой встрече думал МакКинток, закрывая за собой дверь офиса тем вечером.

Синтия изменила его жизнь, и с тех пор он начал чувствовать себя более полноценным и более счастливым мужчиной. Раз в неделю он ездил в Ливерпуль провести с ней ночь, и когда приходил установленный день, дела казались менее обременительными, к некоторым из них ему даже удавалось относиться философски. Обычно все проблемы, маленькие и большие, были для него преградами одинаковой важности, от которых необходимо как можно скорее полностью избавиться, и иногда это становилось навязчивой идеей. Но когда он знал, что вечером он увидит Синтию, его отношение к проблемам немного менялось. Он был более расслабленным, а менее сложные препятствия отходили на второй план. Их можно решить и на следующий день.

Он вышел из офиса и взял машину, выехав на Oxford Road, которая вела к университетскому комплексу на север. Потом он свернул направо на Booth Street East, а потом налево на Upper Brook Street. Небольшой отрезок пути, – и он снова свернул налево, чтобы подняться на пандус эстакады Mancunian Way. В это время движение было умеренным, а легкая изморозь увлажнила лобовое стекло машины. Но стеклоочиститель с легкостью привел видимость к идеальной.

С эстакады он мог видеть свой Манчестер – город, в котором он вырос и который он любил больше любого другого. Но он не мог много отвлекаться, поскольку эта дорога славилась большим количеством аварий. Мотор был уже достаточно прогретым, и кондиционер начал охлаждать воздух в салоне. Mancunian перешел в Dawson Street, и оттуда МакКинток свернул налево, на Regent Road. На круговом движении он проследовал прямо, на трассу M602, которая начиналась именно здесь, и он начал расслабляться.

Он включил авторadio и остановился на канале, где в тот момент передавали новости.

«... манифесты студентов на площади Tien An Men неустанно продолжаются. Третий день демонстраций привел к многочисленным стычкам с полицией. Многие студенты были арестованы, в то время как журналистов старались держать подальше. Было запрещено фотографировать или проводить видеосъемку. Настоятельное требование демократии, кажется, не подрывает твердую стену, которой правительство противопоставляет репрессии в качестве единственного ответа на мирные шествия по площади...»

«Бедные, – подумал МакКинток, – если они пройдут действительно плохо. Они хотят немного больше свободы, а получают удары палкой. Солдаты должны бить их палкой, иначе им нечего будет есть, и тогда их тоже будут бить палкой, или чего похуже. Китай далек от нас, во всех смыслах...»

В этот момент он вспомнил о встрече с Дрю.

Да, именно Дрю, который неожиданно вытащил из шляпы это его открытие вместе со своим чернокожим студентом. Как там его звали? Он не помнил. Зато он помнил о последствиях. Если это открытие в самом деле имеет коммерческую ценность, это было бы весьма полезно для университета. С тех пор, как руководство Говарда решило урезать фонды манчестерскому университету, чтобы большую их часть направить другим, он неустанно занимался тем, чтобы постараться сохранить университет на предыдущем уровне, что было практически невозможным. Любая деятельность предполагала расходы, и если эти расходы невозможно было покрыть доходами от этой деятельности, то он не имел права ее осуществлять. Это не

обсуждалось даже. Без апелляций. И приходилось отказываться. Цветок в петлице британской университетской системы увядал. Это было неслыханно и абсурдно, но это было именно так.

«Справедливость и равенство» – именно это было лозунгом Говарда, и на практике он слишком хорошо этого придерживался, этот ублюдок.

Огни Сальфорда мелькали по краям дороги, а изморозь превратилась в легкое капанье на стекло. Движение в противоположном направлении было затруднено теми, кто возвращался в город после рабочего дня. Он медленно ехал вперед, и количество автомобилей стало уменьшаться. Когда же он въехал на вершину Alder Forest, а трасса M602 перешла в трассу M62, он снова оказался на открытой местности.

Идея перемещения пакетов с помощью системы Дрю снова вернулась к нему. Может, это было вызвано документальным фильмом о мировой торговле, который он смотрел несколько дней назад. Там были показаны линии транспортировки для коробок различных размеров, постоянно наполненных и находящихся в непрерывном движении. Впечатляло, сколько товаров отправляется почтой или курьерами. Транспортировка, несомненно, являлась большим бизнесом, и владение абсолютно инновационным, немедленным, надежным и мало затратным методом могло бы стать очень выигрышным. И никакой конкуренции в этом случае. Технология была бы только в их руках, и они могли бы заработать все, что только бы захотели. Учитывая масштабы дела, у него было ощущение, что Университет смог бы спокойно оставаться на привычном уровне.

Конечно, как совместить чисто административное управление университетом с чисто коммерческим управлением, необходимым для международных перевозок, было пока неясным. Необходимо сначала изучить законодательство по этому вопросу, чтобы направить его на благо Университета. Он должен проконсультироваться с экспертами как можно скорее.

Он переключил авторацию на станцию, посвященную классической музыке, и некоторое время ехал, слушая Баха. «Пассакалья» в до минор была великим произведением, много лучше известной «Токката и Фуга» в ре минор, и он слушал ее с большим удовольствием.

Между тем, поселки вдоль трассы недолго освещали темноту сельской местности North West. МакКинток заметил лишь некоторые из них, поскольку был поглощен Рисли, Вестбромком, Рэйнхиллом.

В конце «Пассакальи» он выключил радио, чтобы удержать внутри себя ощущение возвышенности, которое ему передалось от музыкального шедевра. Это ощущение привело его в благодатное состояние, и он почувствовал себя превосходно. Усталость рабочего дня превратилась лишь в воспоминание, и когда он проехал Брэдгрин, автострада закончилась, и он въехал в Ливерпуль, свернув на Edge Lane Drive. Он чувствовал себя наэлектризованным от мысли о встрече с Синтией, о вечере и ночи с ней. Она была исключительной женщиной. Она давала ему все, о чем только может мечтать мужчина. Он нуждался в ней. Он любил ее до безумия.

Он ее хотел.

Глава VII

Дрю не мог заснуть.

Разговор с МакКинтоком взволновал его больше, чем он думал. Он считал себя достаточно толстокожим, чтобы позволить вербальной полемике затронуть себя, но напротив, вот он: растянувшийся на кровати и смотрящий в потолок, слушая тиканье часов, почти громовое в тишине ночи. Тех старых механических часов, к которым он был очень привязан. Он, который занимался преимущественно теоретической физикой, осуществляя необычные экскурсии по наиболее запутанным и абстрактным математическим методам с целью доказать своим студентам законы, управляющие Вселенной, он держал на туалетном столике будильник со стрелками и пружинным заводом. Будильник для него был надежной отсылкой к чему-то очень простому, что работает без особых трудностей, что будет всегда работать благодаря, возможно, старомодной технологии, зато понятной и легко воспроизводимой, что в его работе было полностью исключено. Он чувствовал необходимость в надежной гавани, где можно укрыться после тяжелого дня, проведенного в неосязаемой теории, и этой гаванью был будильник. Той ночью, однако, его тиканье не позволяло Дрю расслабиться, а, наоборот, усиливало взволнованный ход его мыслей.

В течение дня, между лекциями, он начал составлять список возможных коллег, с кем можно было бы заняться исследованием открытого феномена. Без сомнения, одним из них был Нобу Кобаяши, который со своими исследованиями высоких энергий уже, вероятно, располагал инструментами, необходимыми для данного исследования. Потом Дрю добавил также Радни Камаранду, математического гения, который доказал свою способность создать математическую модель сложного физического процесса за время, ничтожно малое по сравнению с тем, которое потребовалось другим специалистам. Поскольку изучаемый феномен, несомненно, был связан с манипуляцией пространственно-временной материей, такой физик высокого уровня, как Дитер Шульц также мог бы найти себе хлеб по зубам.

Кроме того, ему нужна была ключевая фигура в группе, кто-то, у кого есть интуиция видеть скрытое решение в огромном количестве сведений и гипотез. Кто-то, кто в нужный момент смог бы *понять* истинную суть феномена, мгновенно объединить доступные разрозненные элементы и указать коллегам путь.

Дрю знал только одного человека, обладающего такими качествами, но этот человек ставил его в серьезное затруднительное положение. Несколько работ по теории струн было опубликовано Ямин Новак, в которых ясно отразилась ее способность увидеть то, что другие даже не смогли предположить, а потому приравнять себя к сверхчеловеку. Дрю знал, что никто не смог бы сравниться с ней, и что, следовательно, она была именно тем человеком, который смог бы привести их к решению. Проблема была в том, что Новак была женщиной.

Дрю не умел адекватно общаться с женщинами, а потому боялся, что будет не в состоянии работать спокойно и продуктивно с ученым такого калибра. К тому же Новак была горда и непокорна, а ее независимый дух не позволял ей находить компромиссы с другими. Свое мнение она считала единственно верным и возможным. В случае конфликта она была способна все бросить, не заботясь о последствиях. Короче говоря, она была сложной женщиной, и Дрю не знал, как ею управлять. Но она была нужна ему. Поэтому она тоже была добавлена в список, последней строчкой в небольшой группе ученых, которые должны попытаться обнаружить закономерности, управляющие физическим явлением такого масштаба, что оно способно изменить историю человечества, если только они смогут понять его.

Дрю еще раз подумал о Кобаяши и высоких энергиях. Эксперимент, который Маррон проделал, не затрагивал какие-либо высокие энергии. Все происходило на рабочей поверхности лаборатории, которая включала в себя генератор в несколько тысяч Вольт, пару источников

питания низкого напряжения, электроды, улавливающие электроды, электромагниты и различные регулировочные приборы, помимо компьютера для контроля процесса. Дрю не казалось, что он так уж необходим для получения эффекта, но Дрю сказал себе, что они должны прийти к решению как можно скорее, а, значит, нужно выиграть время и пригласить лучших ученых.

«Как можно скорее...» – сказал себе Дрю. Но зачем? Чтобы дать МакКинтоку возможность начать его деятельность по международной курьерской службе ради финансирования Университета? Это его конечная цель, с горечью подумал Дрю. Он не мог в это поверить. На самом деле Университет мог иметь эксклюзивные права на использование системы транспортировки товаров, пока все остальные способы должны находиться в распоряжении других. Не могло быть по-другому для научного исследования такого масштаба.

Перемещение людей, например, методом известной «телепортации», часто присутствующей в фантастических историях, должно быть более революционным, чем перемещение предметов. Это позволило бы осуществить непосредственное и немедленное взаимодействие между индивидуумами, которые живут на большом расстоянии друг от друга. Рабочее совещание людей, разбросанных по миру, могло бы стать реальным за несколько минут до его начала, а по окончании встречи все могли бы в одно мгновение вернуться к своим делам.

Больной мог бы оказаться в руках лучших медиков независимо от своего обычного места пребывания и без каких-либо затрат времени и денег на возможные переезды.

Место работы и учебы могло бы быть любым с такой системой перемещения. Отец мог бы работать в Сиднее, мать – в Торонто, а сын учиться в Далласе, и при этом вечером они могли бы все вместе пойти в ресторан Венеции.

Образ жизни радикально изменился бы, а социальные последствия были бы такого масштаба, что ввели бы его в замешательство. Было ли правильным давать в руки человеку такой инструмент? Как бы он использовал его? Войны? Как бы он их проводил? Он был в ужасе от этой мысли.

Возможно, если бы такой метод перемещения, в самом деле, попал бы в распоряжение всех, он сам стал бы сдерживающим фактором индивидуальных амбиций каждого. Земля нашла бы новое равновесие и новую эру покоя, потому что человек стал бы более свободным в своих мыслях и передвижении.

– Какая утопия! – сказал себе Дрю. – Как можно думать, что благодаря этому открытию человек сможет стать лучше? Ни разу такого не происходило за всю историю человечества, независимо от доброкачественности инструментов в его распоряжении.

Нечего делать... Дрю понимал, что у него в руках находится нечто совершенно революционное, но вместо того, чтобы быть радостно возбужденным и наслаждаться славой, которую он мог бы снискать, он был полон уныния и горечи. Новое открытие, возможно, разрушит человечество, и исторические книги потом изобразят его, Дрю, как первого ответственного за то, чему он положил начало.

Зато... было также справедливым, что, несмотря на ошибки и свои бредовые идеи, человечество равным образом может пойти вперед. Конечно, оставив за спиной огромное количество невинных жертв, но эволюция могла бы выразиться, как в технологическом, так и в этическом прогрессе. Кто знает, смогли бы люди показать больше здравого смысла и уважения к прошлому. Дрю этому особо не верил, но кто он был таким, чтобы решать, что лучше для человечества? Он был лишь ученым, который случайно открыл неожиданный и удивительный феномен. Лучше даже сказать, что благодаря внимательности его студента феномен был обнаружен и теперь требует изучения. Без Маррона открытие никогда бы не было сделано, учитывая совершенно случайные события, которые произошли, и человечество не смогло бы узнать о нем и использовать его в хороших и плохих целях.

Дрю должен будет приложить все силы к его изучению и разработке теории, которая смогла бы объяснить феномен и сделать используемым. Он должен это науке, Маррону и себе.

Если МакКинток хочет использовать его для поддержки Университета, пусть использует. Манчестерский Университет для Дрю был всем: его работой в последние тридцать лет, престижной работой бок о бок с Нобелевскими премиями; его домом на много часов в день, пока он оставался в его стенах; уважением его коллег и студентов. Благодаря Университету он смог сотрудничать с другими такими же учеными, как он, связанными с самыми важными академиями мира. Он чувствовал себя в долгу перед ним и полагал, что должен подарить Университету хотя бы часть своего открытия.

Потолок уже не был погружен во тьму. Дрю бросил взгляд в окно и увидел, что рассвет уже коснулся ночи своими лучами восходящего над Манчестером солнца – прелюдия ослепительного восхода. Этот рассвет, за которым он наблюдал, вернул его к мысли о научной загадке, которую он со своими коллегами попытается превратить в такой же ослепительный восход высшего знания для человечества.

Он поднялся и почувствовал страшный голод. Приготовив себе питательный завтрак, он с удовольствием принялся за его поглощение, раздумывая меж тем о наилучшем времени созвона с коллегами, выбранными для исследования. Кобаяши нужно звонить сразу же, учитывая, что в Осаке уже вечер. Камаранда был следующим в очереди, поскольку работал в Райпуре, на северо-востоке Индии. Шульц в Хейдельберге и также Новак в Осло были наиболее близки к нему с точки зрения часового пояса, следовательно, им можно позвонить чуть позже.

Дрю оделся и вышел навстречу восходу, Университету и новому приключению, которое могло бы привести его к тому, о чем он даже не мог мечтать.

Глава VIII

Дрю явился в свой кабинет, пройдя пустые дворики и коридоры. Было еще слишком рано, чтобы встретить студентов, сотрудников и профессоров, но он уже не первый раз приходил в Университет в такую рань. Ему нравились такие моменты, когда он был один в здании, которое, казалось, спало холодным утром, словно распростертый Левиафан, отдыхающий, но полный сил и готовый в любой момент вскочить.

Дрю быстро отыскал номер Кобаяши и набрал его. Тонкий женский голосок ответил ему на японском:

– Moshi moshi.⁴

– Drew desu ga, Kobayashi-san onegaishimasu?⁵ – ответил Дрю на своем ужасном японском.

– Добрый день, профессор Дрю, – сразу же перешла на английский собеседница, узнав его. – Это Маоко. Профессор Кобаяши говорил мне о Вас. К сожалению, сейчас у него лекция, но она скоро закончится. Мне очень жаль, но я не могу пригласить его к телефону, профессор.

Дрю вспомнил, что когда он видел Кобаяши в последний раз несколько месяцев назад перед конференцией, тот говорил ему об этой очаровательной выпускнице, Маоко Ямазаки, которая стремительно шла вперед и получила диплом раньше предусмотренных сроков. Было приятно поговорить с такой одаренной персоной, и он тут же оценил ее тонкую воспитанность, которую японцы показывают при разговоре. Девушка действительно была расстроена, что не может передать трубку Кобаяши, а вовсе не притворялась, как это делают на Западе.

– Благодарю Вас, Маоко-san⁶. Не могли бы Вы быть так любезны, чтобы попросить его перезвонить мне при первой возможности? Это очень важно, – удовлетворенно ответил Дрю.

– Конечно, профессор. Можете оставить мне Ваш номер... Ох! А вот и профессор Кобаяши! Я сейчас соединю вас. Добрый день!

«Невероятно! – подумал Дрю. – Маоко знала, что Кобаяши вернется через несколько минут, но она все равно была опечалена. Западный человек просто сказал бы: «Подождите, он скоро придет». Нам действительно стоит многому поучиться у японцев по части воспитанности».

– Дрю-сан, друг мой! – весело начал Кобаяши разговор. – Что заставило тебя позвонить такому поедателю риса, как я?

– Привет, Кобаяши. Мне нужна твоя помощь в сложном исследовании. У тебя есть для меня время?

– Конечно, Дрю-сан. Я только что завершил работу по поводу ускорения частиц в проекте в Чибэ, и у меня есть несколько свободных недель. В чем именно тебе нужно помочь?

– Я открыл очень странное явление, которое требует глубокого изучения. Оно проявляется только при определенном количестве энергии, и я хотел бы понять механизм, который им управляет. Поскольку ты работаешь постоянно с уровнями энергии, которые мне интересны, я подумал привлечь тебя к исследованию. Что скажешь?

Кобаяши был польщен.

– Я горд, что ты обратился ко мне. С удовольствием принимаю твое приглашение. Но как ты думаешь осуществить исследование?

– Прежде всего, необходимо, чтобы ты приехал в Манчестер, и я смог показать тебе феномен и оборудование, которое его производит. Потом вместе с остальными учеными нашей группы мы должны постараться прийти к теории, которая смогла бы объяснить его функционирование. Ты согласен?

– Не сомневайся, Дрю-сан. Кто еще в группе?

– Камаранда по вопросам математики, Шульц по вопросам относительности и... эээ...
Новак по вопросам структуры материи.

– Новак? Ясмин Новак? – не сдержался Кобаяши, но потом взял себя в руки. – Дрю-сан, друг мой, ты ведь знаешь, что у меня были не самые приятные дискуссии с Ясмин Новак. Я не могу достичь согласия с ней. На последней конференции в Берне в конце моего выступления она поднялась и произнесла перед всей публикой: «Профессор Кобаяши, Вы действительно убеждены во всем том, что говорите? В Вашем выступлении я увидела, по крайней мере, три – *три!* – грубые ошибки в оценке...» Таким образом, она начала разбирать на кусочки мою работу с присутствующими учеными, которые слушали ее, будто она была оракулом, а я – дебютантом. Я прошу тебя, Дрю-сан, неужели нет другой альтернативы?

Дрю знал о выступлении Новак против Кобаяши, но нет, у него не было альтернативы.

– Нобу-сан, дорогой друг, ты лучший в своей области и никто не может тебя превзойти. У Новак сложный характер, но у нее исключительный мозг. И именно поэтому ей удалось найти в твоей работе некоторые моменты, которые она определила как «грубые ошибки», но которые на самом деле при нормальном рассмотрении оказались лишь деталями, которые нужно доработать. И мы нуждаемся именно в таком мозге, как ее. Думаешь, это возможно?

Кобаяши капитулировал.

– Ладно, Дрю-сан, мой друг. Я сделаю это ради тебя и науки. Однако я прошу тебя позволить мне взять с собой Маоко-сан. Она очень способная и к тому же поможет мне вынести Ясмин-сан.

Дрю ликовал.

– Отлично, Нобу-сан. Буду рад иметь в своей группе такую ценную студентку, как мисс Ямазаки. В ближайшие часы я проинформирую тебя о точной дате совещания в Манчестере. Благодарю тебя от всего сердца.

– Это я благодарю тебя, Дрю-сан. До скорого, Konnichiwa!⁷

– Konnichiwa, Нобу-сан!

Дрю был воодушевлен тем, что добился участия Кобаяши, несмотря на трудности, которые могут возникнуть, а решение привлечь Маоко, которой доверял коллега, могло стать выигрышной картой для приемлемого сосуществования в исследовательской группе.

Японская культура ставила женщину в придаточное к мужчине положение, поэтому было естественным, что Кобаяши не видел ничего хорошего в эмансипации Ясмин Новак. Маоко могла бы дать Кобаяши ощущение того, что он держит контроль, и одновременно она могла эффективно контактировать с Новак, как с научной точки зрения, так и с точки зрения человеческого общения, что приведет к миру среди участников и позволит реализовать проект.

Теперь Камаранда.

Телефон звонил долго, потом женский голос ответил на английском очень ленивым тоном:

– Алло.

– Это профессор Дрю из Манчестера. Могу я услышать профессора Камаранду?

– Он медитирует под баньяном, – сухо ответила женщина.

– Вы могли бы позвать его?

– Сейчас нет. У меня много дел.

Дрю нетерпеливо перешел в наступление:

– У меня к нему срочное дело. Идите и позовите его, *срочно!*

Совершенно не впечатлившись, она сказала еще более сухим тоном:

– Как только я смогу. перезвоните через час.

Дрю потерял терпение.

– Слушай, засранка, сейчас же иди и позови Камаранду! Иначе ты увидишь, как он отправит тебя спать на тротуаре.

Реакция ее была незамедлительной:

– Ублюдочный отпрыск долбанных колонистов! Твои родители истребляли здесь невинное население, включая женщин и детей... Вы нас эксплуатировали, пока не награбили достаточно, чтобы во всей красе предстать перед вашей продажной королевой. Если ты думаешь, что я подвину свою задницу, чтобы услужить тебе, можешь лопнуть, – и со злостью бросила трубку.

Дрю был взбешен. Он сидел с трубкой в руках и готов был ударить ею о письменный стол, как молотком, но он задержал дыхание, закрыл глаза и вскоре успокоился.

Он должен был попасть именно на внучку жертв колонизации этим утром! И на каком отличном английском она говорила! Она просто казалась родом из Бирмингема. Он не знал особо историю, но во времена Ганди, когда, очевидно, ее родственники подверглись английским репрессиям, Англией правил король, а не королева.

Но сейчас что ему делать? Эта девица могла бы встать между ним и Камарандой и даже не передать ему больше трубку. А ему надо спешить, проклятье!

К тому же женщина должна была видеть номер на дисплее и понять, что звонок идет из Великобритании. Именно поэтому она ответила на английском. Теперь она вышла из себя, и перезванивать было бы бесполезным и непродуктивным.

В тот момент вошел Маррон. В восемь была назначена встреча в кабинете Дрю, и молодой человек был пунктуален. Дрю пришла в голову идея.

– Привет, Маррон! Слушай, у тебя есть какие-нибудь друзья, которые сейчас учатся в Индии, в Райпуре?

– Добрый день, профессор. Дайте подумать... Ах, точно! Томас Четхэм учится там в аспирантуре. Я его хорошо знаю. А что Вам нужно?

У Дрю появилась надежда.

– Небольшое одолжение. Ты мог бы позвонить ему и попросить найти профессора Камаранду? Он найдет его под баньяном, где тот обычно размышляет над своими математическими проблемами. Нужно, чтобы он перезвонил мне как можно скорее по этому номеру.

Маррону показалась эта просьба немного странной, но зная эксцентричность Дрю, он не стал ни о чем спрашивать. Он нашел в своем мобильном номер друга и взялся за стационарный телефон Дрю, чтобы сделать звонок.

Четхэм сразу же ответил. У него как раз только что закончилась последняя лекция, и он был только рад прогуляться, чтобы найти этого корифея Камаранду. Он отыскал его именно под баньяном с сосредоточенным выражением гуру за медитацией и передал ему просьбу друга. Десять минут спустя телефон Дрю зазвонил.

– Дрю у телефона.

– Привет, Дрю. Это Камаранда. Я тебя слушаю, – индус был лаконичным человеком, который сразу переходил к делу без излишних прелюдий.

– Извини за беспокойство, но я хотел бы предложить тебе исследование очень необычного физического явления. Мне необходимы твои познания в области математических моделей, чтобы разработать теорию этого феномена. Ты с нами?

– Когда и где?

– Здесь, в Манчестере, как только сможешь. Я должен показать тебе, как он функционирует и...

– Завтра вечером по Гринвичу я буду там.

– Потрясающе! Спасибо, Радни. До завтра.

Дрю расслабился. Он вышел из переделки, в которую попал не совсем по своей вине, благодаря стараниям двух студентов. Они были хорошими, эти ребята.

– Спасибо за сотрудничество, Маррон. Пойдем, выпьем чаю.

Пока они шли по коридору к зоне отдыха, Маррон не смог справиться с любопытством.

– Профессор Дрю, извините мою назойливость, но мне кажется, что профессор Камаранда невероятно быстро согласился на это сотрудничество. Может, он даже уже пакует чемоданы. Как это возможно?

– Понятия не имею, Маррон. Может, он просто хочет сменить обстановку, – ответил Дрю, не рассказывая ему о той ведьме, с которой он говорил по телефону. Но, возможно, Камаранду оседлала эта женщина только потому, что она родственница кого-то, хотя и совершенно неподходящая в качестве сотрудницы. Вполне возможно, что математик находится в состоянии постоянных стычек с ней, а потому «сбежать» в Манчестер воспринимается им, как неожиданный путь к спасению. Если бы он рассказал Маррону о ссоре с этой женщиной, ему пришлось бы также объяснять причины ее ненависти. А поскольку студент был чернокожим, Дрю подумал, что лучше не обсуждать времена колонизации и все присущие ей мерзости, конечно не менее ужасные, чем те, которые коснулись африканского народа, депортированного в рабство. Маррон мог бы забеспокоиться или даже разозлиться, что было бы не очень полезно для атмосферы исследовательской группы. Некоторые вопросы лучше не ворошить.

Зона отдыха была оснащена всем необходимым для приготовления классического английского чая: несколько заварных чайников, чашек, плита для кипячения воды, основные виды чая, как в пакетиках, так и листового, различные приборы, сахар и большое разнообразие сладких пирожков. Тут также стояло молоко, которое добавлялось в конце приготовления чая.

По мнению православных ценителей оригинального чая, англичане испортили этот восхитительный напиток добавлением в него молока. Возможно, это справедливо, но если им так нравится, почему нет? У всех разные вкусы. Что же тогда должны сказать итальянцы на то, что американцы готовят пиццу на решетке?

Дрю вскипятил воду, налил в заварочный чайник и поболтал немного, чтобы согреть его внутри, потом вылил и положил внутрь листья *Darjeeling*, своего любимого чая. Одна ложечка на одну чашку и одна сверху, согласно традициям. Потом он добавил кипящую воду и оставил завариваться на четыре минуты – время, необходимое для идеальной, с его точки зрения, концентрации.

– И еще кое-что, профессор, – снова начал Маррон. – Какую оплату получают ученые, которые будут принимать участие в исследовании? Профессор Камаранда, например, просто принял предложение и уже завтра будет здесь. Кто оплатит переезд, пребывание, профессорские услуги?

– Манчестерский университет имеет годовые соглашения со многими другими университетами, согласно которым исследователи, передвигающиеся между академиями в рамках соглашения, будут получать оплату, как если бы они находились по месту работы. Расходы автоматически компенсируются, если они подпадают под предусмотренные типы исследований. Поскольку движение людей достаточно сбалансировано между различными университетами, годовой баланс это не затрагивает, но каждый Университет имеет свое вознаграждение с научной точки зрения благодаря вкладу умов, которые «иммигрируют» в тот или иной период.

– Понимаю. Следовательно, коллеги, которых Вы выделили, все из университетов, находящихся в рамках соглашения?

– Именно, Маррон. Когда вчера вечером я составлял список на рассмотрение МакКинтоку, первое, что я проверил, – чтобы это были университеты, входящие в соглашение. Он же должен посмотреть счета. Но независимо от экономического вопроса для ученых перемещение – это всегда прибыль с интеллектуальной и культурной точки зрения, поскольку непосредственное сотрудничество с коллегами из других академий всегда очень стимулирует и увлекает. Экспериментировать с различными методами рассмотрения проблем, сопоставлять даже очень далекие точки зрения, даже просто работать в совершенно другой среде, отличной от той, к которой привык, – все это позволяет найти новые концепции, которые обогащают науку и исследования, затрагивающие такое сотрудничество.

– В этом я не сомневаюсь.

Маррон взял коробку со сладостями, пока Дрю наливал чай в чашки. Они сидели за столиком и пили чай, следуя очень почитаемому среди англичан ритуалу и получая удовлетворение, выражающее одну из фундаментальных черт британского духа.

После паузы они вернулись в кабинет, и Дрю набрал номер Шульца. Этот ответил лично, что было достаточно странным, учитывая, что, насколько знал Дрю, немец всегда просил ответить своих учеников, а сам подходил к телефону, только если это было вопросом жизненной необходимости.

– Ja?⁸

– Это Дрю из Манчестера, Дитер.

– О, привет, Лестер. Как дела?

– Хорошо, спасибо. У тебя? Все борешься со своей лодкой?

Шульц примерно год назад купил подержанную лодку в плачевном состоянии. Теперь он пытался ее отремонтировать, чтобы иметь возможность поехать на рыбалку на реку Неккар.

– Тут все хорошо. А лодка все еще набирает воду. Я думал, что заделал все пробоины, но очевидно, какие-то все-таки остались. Но сейчас у меня нет времени поработать над этим. Все мои студенты разбрелись по обсерваториям Европы, чтобы изучить гравитационные волны. А я остался здесь, чтобы держать крепость.

– Ты не сопровождаешь их? – удивился Дрю.

– Нет. Они поехали с коллегой, который любезно согласился сопровождать их, – усмехнулся Шульц. – По крайней мере, такова официальная версия. Правда же заключается в том, что Хоффнер хотел пойти в отпуск в июне, но ему не светил отпуск до самого июля. Полагаю, что жена его шантажирует: у нее отпуск в июне, и она хотела, чтобы муж поехал с ней. Чтобы обрадовать его, я сказал ему, что подменю его в июне, если он поедет с моими студентами вместо меня. Он это сразу же одобрил. Лучше выполнить тяжелую работу в подземных лабораториях с начинающими студентами, чем попасть под мечь жены, – снова усмехнулся он.

– Понимаю. Очень понимаю Хоффнера, – вздохнул Дрю. – Однако, Дитер, я звоню тебе, чтобы попросить присоединиться к исследованию необычного экспериментального явления, которое мы открыли. Можешь?

Шульц на мгновение задумался.

– Посмотрим... Я должен приехать к вам?

– Да, это несомненно. Я должен показать тебе этот феномен в действии, а также аппаратуру, которая его производит. Более того, ты войдешь в исследовательскую группу, которую я с этой целью создаю, а поэтому мы должны работать вместе.

– Ладно. Когда нужно мое присутствие?

– Хм... – Дрю смутился. – Камаранда приедет завтра вечером.

– Завтра вечером?! – воскликнул Шульц. – Как я полагаю, неплохо, правда, Лестер? – Он поразмыслил несколько секунд, а потом сказал: – Сейчас у меня нет студентов, на лекциях меня может заменить Эберсбахер, он отлично справится. Согласен. Поговорю с ректором и постараюсь приехать в Манчестер послезавтра.

– Благодарю тебя, Дитер! Ты не пожалеешь, вот увидишь!

– Надеюсь, – усмехнулся Шульц. – Я не буду тебя спрашивать, кто будет еще, кроме Камаранды. Предпочитаю сюрпризы. До свиданья, Лестер!

– До свиданья, Дитер!

Шульц обожал сюрпризы, а также риск, который нынче заключался в последнем человеке, которому надо было позвонить: Ясмин Новак.

Дрю отправил Маррона в зал совещаний сделать фотокопии с некоторых изданий. Он не хотел, чтобы тот стал свидетелем возможных дискуссий между ним и норвежкой, а еще

не хотел, чтобы студент увидел своего профессора, униженным этой валькирией. Лучше не рисковать.

– Hallo?⁹ – услышал он мужской голос в телефоне.

– Это Дрю из Манчестерского Университета. Мне нужно поговорить с профессором Ясмин Новак.

– Здравствуйте, профессор. Она здесь, я сейчас передам ей трубку.

– Спасибо.

Дрю услышал вдали несколько фраз на норвежском языке, потом кто-то взял в руки трубку.

– Новак у телефона.

Норвежский акцент был только деталью в этом ледяном как снега Северного Полярного Круга голосе.

– Это профессор Дрю из Уни...

– Университета Манчестера. Я знаю. Мой сотрудник уже сказал мне. Что Вы хотели?

«Начинаем неплохо», – подумал Дрю. Он попытался говорить своим самым любезным тоном.

– Благодарю Вас за время, которое Вы мне посвящаете. Я звоню Вам по очень важному вопросу, который только Вы можете решить. Случайно я обнаружил абсолютно необычный физический эффект, сложность которого требует лучших умов, чтобы быть изученным и объясненным. Именно поэтому я позволил себе обратиться к Вам в надежде, что Вы смогли бы принять участие в исследовательской группе, которую я создаю с этой целью. Ваша способность обнаруживать и объединять известна во всем мире...

– Что за эффект? – Новак была совершенно нечувствительна к любезности Дрю и оставалась холодной, как и раньше. Однако она выказала заинтересованность эффектом, а это уже прогресс.

– Мне жаль, профессор Новак, но я должен хранить его в секрете, потому не могу сказать по телефону. Все сведения будут раскрыты только членам исследовательской группы. Очень надеюсь, что Вы захотите в нее войти, – Дрю все сказал. теперь была очередь Новак.

– Кто входит в состав группы?

Дрю был готов к такому вопросу, но все равно вздрогнул.

– Камаранда, Шульц и... – он замолчал, – Кобаяши, – закончил он на одном дыхании.

– Кобаяши? – повторила Новак. – Кобаяши? Ах, ах, ах! – рассмеялась она с чувством. – Отличный выбор, профессор Дрю! Будет приятно задвинуть этого некомпетентного накачанного мужика!

Дрю побледнел. Он никак не ожидал такой реакции. Норвежка радовалась только одной мысли схватить в лапы Кобаяши. Безумие. Эта женщина должна иметь солидные счета с мужчинами, чтобы так вести себя. Но как бы то ни было, она косвенно приняла предложение, а это было именно тем результатом, который Дрю даже не надеялся так легко получить. Он осознал, что отдает бедного Кобаяши в лапы Новак, но знал также, что Маоко, возможно, сможет сгладить трения. И тогда все пойдет не так сложно. Ведь все они были учеными, которые собирались изучать сложную проблему, а потому исследование должно стоять на первом месте.

– Возможно ли, чтобы Вы приехали в Манчестер послезавтра? – спросил Дрю, сделав вид, что проигнорировал выпад Новак.

Последовало мгновение паузы, а потом норвежка ответила почти любезно.

– Думаю, да. Я делегирую мои задания коллегам. Мне интересно посмотреть на феномен, о котором идет речь. – Потом арктический лед вернулся в ее голос. – Хотелось бы, чтобы это было нечто действительно уникальное, а не очередная клоунада, как прочие фальшивые открытия.

Дрю снова вздрогнул, но потом взял себя в руки.

– Вы не пожалеете, профессор Новак. Я Вам очень признателен за Ваше согласие. С нетерпением жду Вас. Еще раз спасибо и до скорого.

– До свиданья, – попрощалась она сдержано.

Дрю был на седьмом небе от счастья. Ему удалось создать команду, которая в кратчайшие сроки начнет работать над открытым феноменом.

Он позвонил Кобаяши, чтобы проинформировать его о дате встречи. Несмотря на то, что совещание должно было состояться очень скоро, японец сразу же подтвердил свою готовность присутствовать на нем.

Маррон вернулся со сделанной фотокопией, и Дрю рассказал ему о достигнутом соглашении с учеными, входящими в едва созданную исследовательскую группу.

– Профессор, – заметил студент, – я подумал о том, что когда мы покажем коллегам эффект, профессор Брайс не должна будет находиться в своем офисе, а мы должны будем вернуть все материалы, которые переместим так, чтобы она ни о чем не догадалась. Иначе будут жертвы, – сцена Брайс в кабинете ректора его явно тревожила.

– Да, ты прав, Маррон, – согласился Дрю. – У нас есть два выхода: или, с согласия МакКинтока, мы расскажем ей об эксперименте и попросим ее сотрудничать с нами, или мы сделаем все, когда ее не будет в офисе. В этом последнем случае мы, однако, должны будем попросить у ректора ключи от ее кабинета. – Он поразмышлял мгновение, а потом добавил: – Спросим МакКинтока, пусть он решает.

– Вы шутите? – воскликнул МакКинток. – Брайс и так воротит носом без этих последних новостей. Мы должны взять ее в игру, других вариантов нет. К тому же, это будет удобно, когда ты будешь проводить эксперимент над животными.

Дрю не задумывался над этим аспектом, но ректор был прав.

– Как Вы думаете, она доступна сейчас для небольшого совещания? – осведомился Дрю. Вместо ответа МакКинток позвонил секретарю.

– Мисс Уоттс, где в данный момент находится профессор Брайс? – Подождав несколько мгновений и выслушав ответ, он произнес: – Очень хорошо, спасибо. Вы можете пригласить ее сейчас в мой кабинет? Отлично. Спасибо еще раз.

Мисс Уоттс была примером эффективности. Умная, понимающая и бойкая, она была правой рукой ректора, и он относился к ней с большим уважением.

– Брайс только что вошла. Через несколько минут она будет здесь, – сказал МакКинток.

Дрю заметил, что у ректора под глазами образовались темные круги, будто он всю ночь не спал. Наверное, он провел ночь со своей подружкой. Он всегда так выглядел на следующий день. Дрю ему немного завидовал, но должен был признать, что он особо и не старался найти себе женщину. Очевидно, МакКинток был лучше него или просто более удачливым.

– Исследовательская группа соберется здесь в течение следующих двух дней, МакКинток. Мы намерены сразу же взяться за работу, – проинформировал его Дрю.

Ректор посмотрел на Маррона несколько мгновений, потом впервые с тех пор, как началось это дело, обратился к нему:

– Значит, ты студент Лестера, – задумчиво начал он. – Этот... – шутливо кивнул он на Дрю, – ... говорит, что именно ты заметил эффект, который производит оборудование. Это так?

Маррон смутился, в том числе и от застенчивости перед главной фигурой Университета.

– Хм... Да, мистер. Все было именно так. Благодаря уникальным характеристикам прибора, созданного профессором Дрю, а также благодаря нескольким счастливым совпадениям, у меня была привилегия наблюдать это явление. Теперь мы должны изучить его и вместе с исследовательской группой, созданной профессором...

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет широким шагом вошла профессор Брайс. В руках она держала чашку чая и, не произнеся ни слова, опустила в кресло, с грохотом поставив чашку сбоку на письменный стол. Потом она воззрилась на ректора, сверкая глазами.

– Итак? – гордым голосом спросила она.

МакКинток был привычен к провокационному поведению женщины, поэтому не обратил на ее настроение никакого внимания.

– Уважаемая профессор Брайс, Меган... – постарался он смягчить ее, назвав по имени, но она лишь подмигнула правым глазом и поджала губы, опустив уголки рта вниз. Потом она снова резко поставила чашку на поверхность стола, отчего горячие брызги попали на записи ректора и на маленькую старинную статуэтку амфоры, которая, скрестив руки, взирала на него еще более сурово.

– Да, Лохлэн, – издевательским тоном произнесла она.

МакКинток вздохнул.

– Нам необходима Ваша помощь для одного исследования.

– Если Вы потеряли ключи, попросите у служащего. У меня куча дел!

– Ради Бога, Брайс! – воскликнул МакКинток, ударив кулаком по письменному столу и заставив расплескаться чай из чашки профессора. Она испуганно вскочила со стула, а ректор снова произнес уже более жестко: – Если я позвал Вас, значит, нам нужна Ваша помощь, иначе я бы с удовольствием обошелся бы без Вас, поскольку у меня нет никакого удовольствия связываться с Вами, это ясно?!

Профессор побледнела как полотно и смотрела на него, не смея дернуть мускулом.

– Профессора Дрю Вы уже знаете, – произнес ректор более спокойно. – Это студент физического факультета, Джошуа Маррон. – Профессор бросила взгляд на студента, а потом снова изумленно взглянула на ректора. Он продолжил: – Ими открыт революционный физический феномен, который они намерены изучить вместе с исследовательской группой, состоящей из лучших ученых в мире, выбранных профессором Дрю. Поскольку исследование также затрагивает биологические формы, мы считаем, что Вы – самый подходящий человек для этого задания. Вы с нами? – решительно спросил он.

Профессор Брайс несколько мгновений сидела неподвижно, потом расслабила свое тело и впервые после того, как МакКинток ударил кулаком по столу, вздохнула. До сих пор она, похоже, не дышала.

– Извините, за мое поведение, господа. Ректор, Вы говорили об использовании биологических форм? С какой целью?

МакКинток взглянул на Дрю, который произнес с такой теплотой, будто ничего не произошло:

– Профессор, я должен предупредить, что это секретное исследование, – Брайс кивнула, а Дрю продолжил: – Мы в состоянии мгновенно перемещать предметы между двумя отдаленными местами. Те предметы, что Вы недавно нашли на своем кресле, появились там из лаборатории физики, где я и студент Маррон экспериментировали с только что открытым явлением. Извините за неудобства, которые мы Вам доставили, но мы не могли знать, где могли оказаться эти вещи. – Брайс широко распахнула глаза, но потом вновь стала внимательно слушать объяснения Дрю, который продолжил: – С группой ученых, которых я указал, мы постараемся создать теорию, которая объяснила бы обнаруженный феномен, следовательно, мы должны попробовать переместить также и живые объекты, растения и животные. Нам нужна Ваша помощь.

– Почему Вы обращаетесь именно ко мне? Есть много других достойных биологов, – спросила профессор.

– Инструмент, который производит эффект, имеет установленное направление, и этим направлением является Ваше кресло. Мы пока не знаем, как варьировать этими координатами,

следовательно, первая фаза эксперимента будет проходить с использованием именно Вашего кабинета. Вы нам поможете?

Выражение лица Брайс совершенно изменилось. Она теперь была радостная, как студентка на своем первом лабораторном исследовании. Может, это была настоящая профессор Меган Брайс: ученая, которая нуждалась лишь в том, чтобы бросить вызов, уйти от монотонности обучения студентов, которые не особо ее уважают и которым плевать на ее лекции?

– Конечно, профессор Дрю! – воскликнула она. – Но это будет стоить чего-то...

Дрю вопросительно посмотрел на нее, а она продолжил:

– Теперь я знаю, кому направить счет за испорченную юбку, – подмигнула она ему и вышла из кабинета.

Трое мужчин пребывали в молчании некоторое время, потом МакКинток изрек:

– На самом деле, она замечательная женщина. Вероятно, она постоянно живет в стрессе. Нужно понять ее. Сейчас я думаю, что этот проект позволит ей войти в благодушное расположение духа, и это будет очень удобно, как для нас, так и для нашего исследования.

– Аминь! – возвел глаза к небу Дрю.

– Как я понимаю, Лестер, – снова сказал ректор, – ты проверил, чтобы лаборатория, где ты проводишь эксперимент, была опечатана? Я официально закрыл ее, когда ты меня вчера попросил об этом.

– Это было нашим следующим пунктом назначения, – ответил Дрю, поднимаясь и следуя за Марроном. – Увидимся позже, когда приедут все ученые группы. Пока, Лохлэн.

– До свидания, ректор МакКинток, – попрощался со всем уважением Маррон.

Лаборатория была опечатана наклеенными на дверь печатями, а хорошо сделанное объявление заменило то, которое нацарапал Дрю в ночь открытия.

Профессор снял печати, и они вошли внутрь впервые с той ночи. Все было так, как они оставили. Множество физических лабораторий Манчестерского Университета при отсутствии такой печати использовались для проведения учебной деятельности. Поэтому, когда они вышли, Дрю вновь наклеил новые печати, взятые у секретаря.

Они вернулись в кабинет Дрю и провели там остаток дня за приведением в порядок дел, касающихся эксперимента, готовя таблицы и графики, а также небольшой доклад о проведенных действиях и полученных результатах, чтобы представить членам исследовательской группы общую, но исчерпывающую картину по теме исследования. Это было бы неплохой отправной точкой, но Дрю чувствовал, что предстоит еще длинная и сложная дорога.

Следующий день Дрю провел за своими обычными лекциями, в то время как Маррон провел время в своей комнате за учебой.

К вечеру в Манчестер прибыл Камаранда. Такси привезло его непосредственно к номеру, зарезервированному прямо в здании Университета. Потом он позвонил Дрю и сообщил ему о своем прибытии. Сходив поужинать, он отправился спать. Следующим утром в ожидании других ученых, которые должны были приехать, он отправился в *Sackville Park*, находящийся рядом с Университетом, и провел там время за размышлением на скамейке возле статуи Тьюринга¹⁰. Для него это было все равно, что сидеть под баньяном.

Кобаяши, Маоко и Шульц прибыли к обеду, а Новак – к вечеру.

Первое совещание было назначено на следующее утро, в девять, в экспериментальной лаборатории. Приключение начиналось.

Глава IX

Одни участники совещания сидели полукругом на стульях, другие – на табуретках вокруг рабочей поверхности, где прибор, сконструированный Дрю выступал анонимным прототипом некоторых экспериментов электродинамики. Профессор располагался рядом с микрометрическим регулятором, в то время как Маррон сидел за компьютером.

Дрю взял слово.

– Аппаратура, которую вы здесь видите, способна обменивать между собой две части, находящиеся на расстоянии друг от друга. На практике, то, что находится в пункте А, моментально меняется местами с тем, что находится в пункте В.

С этим заявлением Шульц широко распахнул глаза, являя собой образ человека, который вдруг открыл, что все его исследования в области теории относительности смутно это предвидели.

Камаранда оставался сосредоточенным, словно не прекращал свою медитацию, в то время как Кобаяши, усмехаясь, начал разглядывать генератор высокого напряжения и соединения между различными частями прибора. Маоко со своей стороны скептически рассматривала машину.

Новак наблюдала всю эту сцену в холодном молчании без какой-либо реакции, а Брайс, напротив, улыбалась в нетерпеливом ожидании.

МакКинток сидел с перекрещенными руками и ждал.

– Теперь мы продемонстрируем вам эффект. Наш пункт А находится на этой пластине, – продолжил Дрю, показывая в сторону. – Пункт В – это рабочее кресло профессора Брайс в ее кабинете в трехстах метрах отсюда. Мы установили телекамеру, направленную на кресло. Монитор сбоку от пластины подсоединен к телекамере.

Дрю взял из коробки блокнот из белого пластика и положил его на пластину.

– Смотрите на блокнот и на монитор сбоку.

Все направили свои взгляды на указанное место.

Тихим голосом Дрю скомандовал Маррону:

– Поехали!

Маррон нажал на кнопку, и блокнот моментально исчез с пластины, появившись в поле телекамеры, в воздухе, и сразу же упал на кресло профессора Брайс.

Присутствующие ахнули, пораженные. Некоторые вскочили на ноги и приблизились к пластине, с которой только что исчез блокнот.

Новак побледнела. Она стала еще более белой, чем ее типичная норвежская бледность.

Кобаяши больше не усмехался. Нахмутив лоб, он рассматривал прибор, в то время как Маоко стояла, в удивлении раскрыв глаза.

Шульц был доволен. Стоя перед рабочей поверхностью, он смотрел на монитор, будто там показывали рождение его первого сына.

МакКинток был доволен в предвкушении экономической выгоды для Университета, а Камаранда, казалось, уже медитировал над математической моделью того, что он только что увидел.

– Профессор Брайс! – воскликнул Маррон.

Все повернулись в сторону стула, где сидела женщина.

Она была без сознания, откинувшись на спинку, с запрокинутой назад головой и безвольно опущенными руками.

Ректор подскочил к ней и энергично потряс за плечо.

– Меган! Меган! – громко позвал он ее.

Брайс не реагировала, и тогда МакКинток дал ей две энергичные пощечины, снова позвав ее:

– Меган! Меган!

Женщина открыла глаза и вздрогнула, возвращаясь из обморока. Она была бледной, как полотно.

– Что... что случилось? – спросила она.

– Вы потеряли сознание, профессор Брайс, – ответил ректор. – Как Вы себя чувствуете?

– Лучше, спасибо. У меня немного кружится голова, но пройдет. У меня горят щеки. Не понимаю... – потеряла Брайс щеки.

МакКинток одарил ее улыбкой, а другие обменялись веселым подмигиванием.

– Маррон, срочно приготовь чашку чая для профессора. С большим количеством сахара, я прошу тебя, – сказал Дрю.

Студент направился в зону отдыха лаборатории и начал возиться с чайником.

– Вы завтракали сегодня, профессор Брайс? Может, у Вас упал сахар? – осведомился Дрю.

– Да, я завтракала, – ответила женщина. – Я потеряла сознание не от падения сахара, а от сильных эмоций, которые я испытала, увидев, как действует эксперимент!

Присутствующие смущенно посмотрели на нее.

– Но неужели вы не понимаете? – воскликнула Брайс. – С таким инструментом мы сможем отбирать образцы из недоступных мест, таких, как максимальные океанические глубины, ядро Земли, внутренности живых существ! И все это без каких-либо усилий. А подумайте о лечении болезней. Не надо будет больше резать живот человека, чтобы удалить неаккуратно опухоли. Достаточно должным образом настроить прибор на форму материала, который должен быть удален, и провести обмен. Опухоль просто исчезнет из тела больного. А он даже не увидит скальпеля. Мы стоим перед новой эрой в области биологии и медицины!

– Вот чай, профессор Брайс, – поставил перед ней чашку чая Маррон, который она с благодарностью взяла.

– Съешьте что-нибудь из этого, профессор, – вмещалась Маоко, предлагая ей печенья, которые находились в ее сумочке. – Они очень питательные.

– Спасибо, мисс Ямазаки, – согласилась Брайс. Взяв несколько печений, она сделала глоток чая, начав грызть их. – Действительно вкусные! Что они содержат?

– Только натуральные продукты, без красителей и консервантов, – невинно ответила Маоко. Она не стала уточнять, что основой была фасоль Адзуки, поскольку знала, что западные жители не особо ценят сладости, которые не содержат зерновой муки.

Профессор Брайс с удовольствием поглощала печенье, а другие меж тем расслабленно вернулись на свои места.

– Я как-то не подумал обо всех этих возможностях, – задумчиво вмещался МакКинток, который до этого момента думал только о перемещении объектов. – На самом деле, возможности применения очень широкие. Мы сможем произвести революцию в науке и технике с помощью этой системы.

– Мы здесь именно для этого, – повернулся ко всем Дрю. – Мы должны изучить это явление и сделать так, чтобы условия его работы были контролируемы. В экспериментах, которые мы провели с Марроном, нам удалось варьировать только с формой и размерами перемещаемой материи, но направление, то есть пункт В, до сих пор не варьировался, неизвестно почему. Раздаточный материал, что вы получили утром, содержит схему прибора и детальные данные каждого отдельно проведенного эксперимента с соответствующими установленными параметрами, микрометрическими установками, используемой энергией и полученным результатом. Теперь необходимо понять теоретическую основу явления.

– Чем должна была быть эта машина? – осведомился Кобаяши. – Почему она вообще была создана изначально?

– Я хотел поэкспериментировать с ионизацией газа с низкой энергией, – солгал Дрю, чтобы не раскрывать свои наивные попытки избавиться от гнета своей сестры относительно подстригания поляны.

– Понимаю, – сказал Кобаяши и начал листать раздаточный материал. – Этот генератор, – указал он на часть схемы, – ты пробовал заменить его и проверить, создается ли этот эффект?

– Совершенно нет, Нобу. Мы ничего не изменяли, чтобы не попасть под риск потери навсегда возможности успешно проводить эксперимент.

– Очень хорошо, Дрю-сан. Первое, что нужно сделать, – это создать точно такую же систему и посмотреть, как она функционирует.

Дрю об этом не подумал. Было очевидным, что именно это должно быть первым шагом.

– Маррон, сделай копию списка материалов и подсчитай стоимость. Некоторые части сделаны вручную. Я этим займусь лично, – сказал Дрю, взглянув на свою исследовательскую группу. – Коллеги, что вы обо всем этом думаете?

Шульц разговаривал с Камарандой. В тот же момент он замолчал и повернулся к Дрю.

– Лестер, кажется весьма странным, что тебе удалось создать такой потрясающий эффект таким простым способом. Подумай немного. Два века человек экспериментирует с электромагнитными полями, используя самые разные машины и самые изощренные методы. Удивительно, что за все это время никто так и не открыл этого явления.

– Я тоже удивлен, друзья мои. Следовательно, мы должны понять, почему это произошло, и таким образом мы поймем, почему другие до сих пор это не открыли.

– Там должно быть сильное искажение пространственно-временной ткани... – продолжил Шульц обсуждение с Камарандой. Оба подошли к доске и начали писать уравнения, рисовать графики с наклонными осями, стирать, исправлять и переписывать. Остальная лаборатория для них больше не существовала.

– Хорошо, уважаемые, – сказал МакКинток. – Напоминаю вам, что эта работа должна держаться в строжайшем секрете. Вы не должны никому о ней рассказывать ни при каких обстоятельствах. Я возвращаюсь в свой офис и жду от вас новостей. Спасибо за ваше сотрудничество, – поблагодарил ректор и вышел из лаборатории.

– Профессор Дрю, а Вы пробовали поместить образец в пункт В, оставив пустым пункт А, и активировать прибор? – впервые с начала совещания вмешалась в процесс Ясмин Новак.

– Еще нет. Можем сделать это сейчас. Профессор Брайс, Вы могли бы проводить меня в Ваш кабинет?

– Конечно! – весело ответила та. Чай и печенья сделали свое дело.

Они направились в кабинет Брайс, а Новак осталась в лаборатории изучать явление.

Оказавшись на месте, профессор Брайс взяла с кресла блокнот из белого пластика, который был перемещен сюда ранее, и внимательно на него посмотрела со всех сторон. Он казался абсолютно полным. Дрю осознал, что пока не знает точных координат пункта В, а лишь его приблизительное положение: немного выше сидения кресла. Следовательно, он не мог установить образец туда, куда он переместился из пункта А. Тогда Дрю посмотрел вокруг и увидел кусок полистирола, торчащий из коробки с реагентами, стоящей на полке кабинета. Он был длиной около пятидесяти сантиметров, шириной тридцать сантиметров и такой же толщины. Это очень подходило для его целей. Он положил его на кресло в вертикальном положении, так, чтобы пункт В находился четко внутри него.

– Я останусь здесь, чтобы переориентировать образец при необходимости, – сказала Брайс.

– Согласен. Будем связываться по телефону. И пожалуйста, стойте подальше от кресла. Брайс кивнула с улыбкой, а Дрю вернулся в лабораторию.

– Теперь попробуем переместить полистирол из В в А, – предупредил он.

Маоко закрыла раздаточный материал и подошла к компьютеру.

– Профессор, позвольте? – сказала она ему.

Дрю видел, что Кобаяши подошел к машине и, улыбаясь, рассматривал его микрометрические установки. Они уже прочитали весь материал и знали, как маневрировать прибором! Дрю был ошеломлен.

– Пожалуйста, – разрешил Дрю пылко.

Маоко села за компьютер, проверила параметры на экране и посмотрела на Кобаяши. Он сделал ей сухой знак кивком головы. Девушка нажала на кнопку активирования, и в то же мгновение кубик размером в пять сантиметров возник на пластинке, именуемой пунктом А.

Новак наблюдала за этим явлением в полном молчании.

– Профессор Дрю, спросите Брайс, заметила ли она что-нибудь в момент перемещения, – попросила она.

Во время проведения эксперимента Брайс находилась вне зоны поля зрения телекамеры, которая была направлена на большой кусок полистирола, находящегося в кресле. Его расположение было по-прежнему таким, в котором его оставил Дрю.

Физик взял телефон и набрал номер кабинета Брайс. Она тут же ответила:

– Да?

– Мы успешно переместили объект почти тридцать секунд назад. Вы заметили что-нибудь необычное? Звуки, вибрации или что-то другое?

– Совершенно ничего. Если бы Вы мне не сказали, я могла бы поклясться, что ничего не произошло. Но... – она вошла в поле видения монитора, взяла полистирол и положила его под лампу на письменном столе, чтобы хорошо его осмотреть. – ... да, с этой высоты есть точка, в которой свет проходит легче. Я бы сказала, что есть некоторая зона внутри примерно в пять сантиметров по боковой стороне.

– Отлично. Спасибо, профессор Брайс. Подождите мгновение, пожалуйста.

Он вопросительно взглянул на Новак.

– До сих пор мы обменивали твердое тело с воздухом, – произнесла она. – Попробуем обменять два твердых тела.

Дрю кивнул.

– Профессор, пожалуйста, поместите полистирол так, чтобы твердая материя находилась точно в пункте В.

– Хорошо.

Взяв маркер, Брайс нарисовала круг на поверхности блока, на высоте той точки, где находилась вынутая часть. Затем поставила блок, но повернув его на 180 градусов. Пункт В находился в нетронутой части образца.

Дрю взял из коробки железный кубик размером в пять сантиметров и положил его на пластину.

– Готово, – сказал он двум японцам.

Маоко нажала кнопку, и мгновение позже Брайс воскликнула в телефонную трубку:

– Работает! Блок потяжелел! Я видела, как немного осело кресло. Подождите мгновение.

Она приподняла блок и удостоверилась в некотором увеличении его веса. Осмотр на свету подтвердил, что в полистироле находился железный кубик, который попал туда из пункта А и был заменен на точно такой же полистироловый кубик, который теперь находился на пластине в физической лаборатории.

Непосредственно наблюдать этот последний обмен, видя пластину и монитор, было потрясающим для всех присутствующих. Когда Маоко активировала кнопку, два кубика просто поменялись местами, будто это была самая натуральная вещь на свете.

– У меня такое ощущение, что это явление связано с внутренней геометрией пространства, совершенно независимо от того, что в этом пространстве находится, – заметила Новак. Она подошла к Камаранде и Шульцу, сообщая о результатах последнего эксперимента вместе со своими мыслями. Оба ученых переглянулись, потом индус поднял плечи и полностью вытер доску. Они размышляли некоторое время, а потом снова начали писать вместе с Новак, которая периодически указывала им некоторые детали в уравнениях. Они вступали в короткие дискуссии, потом, чаще всего, изменяли уравнение и шли дальше.

Прошло несколько часов.

Брайс отправилась дать несколько лекций. Ее студенты в тот день задавались вопросом, что с ней произошло: она не была хмурой и требовательной, как обычно, а, казалось, пребывала в каком-то внутреннем радостном состоянии, о причине которого никто не мог догадаться.

Кобаяши и Маоко начали варьировать параметрами и микрометрическими установками на приборе согласно некой системе, которой придерживались Дрю и Маррон в ту тяжелую ночь. Дрю предоставил им огромное количество образцов для испытаний, и они провели множество операций. К середине дня Кобаяши поднялся на ноги и сердито выругался на прибор на японском, потом положил обе руки на рабочую поверхность и с открытой враждебностью уставился на аппаратуру. Но ничего не увидел. Прежде чем произвести последний обмен, они выставили очень сложные параметры, происходящие из большого количества записей и схем, перепутанных с множеством листов, разложенных по порядку на столе. Однако результат оказался неожиданным.

– Почему пункт В не смещается, проклятье?! – воскликнул Кобаяши.

Маоко нахмурилась, выражая очевидную неудовлетворенность. Она тоже поднялась и взяла в руки некоторые записи, чтобы пересчитать их в сотый раз в поисках ошибки.

– Ошибок нет, Кобаяши-сан, – сказала она через несколько мгновений. – Ощущение такое, словно есть вторая поляризованная пластина, которая содержит поле, всегда нацеленное на ту же самую позицию.

– Но других пластин нет, Маоко-сан! – упрямо возразил японец. – Есть нечто, чего мы не видим, нечто, что исчезает. И потом, где должна бы находиться эта вторая пластина, по-твоему?

Маоко посмотрела вверх, на потолок.

– Там, профессор, – показала она вверх.

– Дрю-сан! – воскликнул взволновано Кобаяши.

Дрю конструировал некоторые детали для того, чтобы сделать дубликат машины. Он длинными шагами приблизился к японцам.

– Я слушаю тебя, Нобу.

– Что внутри этого потолка?

Дрю посмотрел на него с открытым ртом.

– Внутри потолка? – удивленно спросил он. – В каком смысле: внутри потолка?

– Именно внутри потолка, – нетерпеливо ответил Кобаяши. Когда ему не удавалось решить задачу, он становился весьма грубым. – Может, металл, о котором ты знаешь? Большая, широкая металлическая плита?

Дрю непонимающе смотрел на него, потом неожиданно понял смысл того, о чем спрашивал японский коллега.

– Что в потолке, я не знаю, но я знаю, что над потолком! – воскликнул Дрю. – Научная лаборатория материалов. Пойдем и посмотрим.

В сопровождении Кобаяши и Маоко, Дрю покинул лабораторию и направился в сторону лестницы. Распахнув дверь другой лаборатории, они увидели несколько студентов за работой и направились в зону, находящуюся непосредственно над оборудованием.

Именно там, на полу находился оцинкованный железный лист толщиной в несколько миллиметров и шириной в два метра.

– Вот! – вскричал Кобаяши, указывая на боковую часть листа.

Маоко, увидев, кивнула в знак согласия, и тяжело выдохнула от напряжения последних часов работы.

– Мы не могли понять, почему пункт В никогда не смещается, чтобы мы не делали. Теперь ясно, – взволновано объяснила она. – Этот лист является второй пластиной по отношению к пластине пункта А. Они параллельны и имеют соответствующее нулевое напряжение, потому что она заземлена! – и она указала на ту же точку, на которую раньше показывал Кобаяши.

Глядя в направлении, которое указывал палец девушки, Дрю увидел, что борт оцинкованной металлической пластины прикасался к сливной трубе раковины лаборатории. Металлическая труба была соединена со сливной системой, которая уходила в землю. Поскольку земля имеет нулевое напряжение для многих электрических систем, эта пластина играла странную роль в эксперименте Дрю.

– Если бы эта пластина не была здесь или не была заземлена, мой прибор никогда бы не произвел тот феномен, который мы изучаем, – заметил Дрю. – Невероятно.

– Это *совпадения*, которые позволяют человечеству пойти вперед, мой друг, – довольно заявил Кобаяши.

Дрю повернулся к студентам, которые смущенно наблюдали за ними.

– Ты! – указал он на молодого человека с тревожным видом. – Срочно пойд и позови вашего преподавателя!

– Нет необходимости так горячиться, Дрю. Я уже давно здесь, – послышался из-за спин студентов спокойный и угрюмый голос.

– Ох, извини, Мортон, – смутился Дрю. – Случайно твоя пластина стала фундаментальным элементом эксперимента, который мы проводим внизу. Ничего, если она постоит здесь несколько часов?

– Без проблем, дорогой коллега, – ответил Мортон важно. – Делай, как тебе удобно. Но... – посмотрел он на него, усмехаясь, – ты должен мне стакан!

– Можешь рассчитывать на нас, Мортон. Спасибо!

Пока они возвращались вниз, Кобаяши немного поговорил с Маоко, потом обратился к Дрю:

– Теперь мы должны сделать вторую пластину, чтобы использовать ее на практике. Нужен квадратный лист в двадцать сантиметров и толщиной в миллиметр. Мы установим его на регулируемую подставку, начиная с десяти сантиметров над точкой А. Очевидно, что мы должны его заземлить, чтобы он вел себя с электрическим полем точно так же, как пластина в лаборатории научных материалов.

Дрю сразу же начал работать, и в течение часа вторая пластина была готова.

Кобаяши установил ее, как и планировал, а потом взял коробку с образцами в поисках предмета, который поместить в пункт А. Коробка уже была совершенно пустой: они использовали все, что было в их распоряжении.

– У тебя больше ничего нет, Дрю? – нетерпеливо спросил Кобаяши.

– Сейчас посмотрю... – Дрю огляделся вокруг, но ничего не найдя, взял пластиковый стаканчик с прозрачными кристаллическими иглами и протянул его японцу.

– Возьми это. Я, правда, не знаю, что это, но не думаю, что это что-то важное.

Кобаяши поставил стаканчик на пластину в точке А и, ничего не трогая, сделал знак Маоко. Она нажала на кнопку, и в тот же миг страшный взрыв потряс лабораторию.

Все в ужасе бросились на землю. Дрю не мог дышать и потому бросился к двери. Он распахнул ее, а потом рывком вернулся к остальным, чтобы помочь.

Новак лежала на полу лицом вниз без сознания. Шульц и Камаранда приходили в себя. Задыхаясь, они подняли норвежку. Индус взял ее подмышки, а немец – за ноги, и вынесли ее из лаборатории. Маоко с Кобаяши вышли сами, пытаясь вздохнуть воздуха.

Дрю уже почувствовал себя достаточно хорошо и бросился к Новак. Камаранда энергично тряс ее, а Шульц приподнял ей ноги, чтобы улучшить циркуляцию крови. Через несколько секунд женщина пришла в себя и с помощью коллег поднялась на ноги.

В то же самое время вокруг появилась куча людей. Дрю поспешил минимизировать волнения, чтобы не привлекать внимания к секретному исследованию.

– Перегорел блок питания, ничего страшного. Знаете, старая вещь, а денег купить новый, нет. Такое иногда случается.

Студенты и коллеги из других лабораторий согласно кивнули и, убедившись, что люди, которые оказались рядом в момент взрыва, чувствуют себя хорошо, вернулись к своим делам.

В тот же миг появилась профессор Брайс.

Она услышала взрыв издали, пока шла в лабораторию, потому ускорила шаг.

– Что вы натворили? – взволновано спросила она, глядя на них в помятых костюмах, с растрепанными волосами.

– Пока еще не знаем, – ответил Дрю, оглядываясь, чтобы убедиться, что вокруг нет чужих ушей.

Они с опаской вернулись в лабораторию. Рабочая поверхность была на месте. Дрю обошел кругом и неожиданно увидел кое-что!

В обеденной зоне взорвалась чаша с водой. Это была емкость объемом 10 литров, и от нее не осталось даже пластиковой оболочки.

Все вокруг, все металлические предметы были оплавлены и до сих пор дымились. Стена почернела, а на полу капли бесцветной жидкости были перемешаны с обломками поврежденного оборудования.

– Но что вы сделали? – снова спросила Брайс.

Камаранда, Шульц и Новак испытующе посмотрели на Дрю и двух японцев.

– Ну... мы сделали новую деталь для машины. Смонтировали ее и попробовали переместить новый образец. Вот и все, – неуверенно сказал Дрю.

Маоко и Кобаяши смотрели прямо перед собой.

– Образец? Но какой образец? – встревоженно поинтересовалась Брайс.

– Хм... – пробормотал Дрю. – На самом деле, образцы закончились, я посмотрел вокруг и нашел стаканчик с прозрачными кристаллами в форме игл... Как вот эти, – указал он на похожий стаканчик, стоящий на полке.

Профессор Брайс побледнела:

– Какой ужас! – вскричала она. – Это йодистое соединение бериллия!

Все непонимающе уставились на нее.

– Вы не понимаете? – снова вскричала она. – Йодистое соединение бериллия слишком гироскопическое и сильно взаимодействует с водой! Взаимодействие производит йодистую кислоту – одну из самых едких существующих кислот! Вы счастливы, что не пострадали. Как вам пришло в голову отправить их в воду?

Два японца продолжали молчать, но Дрю многозначительно посмотрел на них.

– Невозможно было предусмотреть, где окажется пункт В с новой пластиной, – начал Кобаяши слабым голосом. – Это был первый эксперимент, и на его основе мы сможем начать калибровать мерную шкалу для наведения цели.

Маоко холодно кивнула.

– Но вы хоть осознаете риск, который вы создали? – воскликнула Новак. – Этот образец мог оказаться в любом месте, в том числе внутри человека!

– И, – возразила ей Маоко, – может, Вы, великая ученая, имеете другое решение? Может Вы дали нам какие-то полезные подсказки по настройке машины? Нет! Следовательно, мы должны экспериментировать. И риск оправдан. Мы тоже были в этой лаборатории. Ваша, жителей Запада, проблема в том, что для вас смерть – это нечто худшее, что может случиться, а для нас, жителей Востока, – это повод для гордости! Умереть достойным образом, в том числе и на благо крупного дела, – это наша наивысшая ценность! – заключила маленькая японка с горящими глазами и сжатыми кулаками.

Новак собиралась возразить, но вмешался Дрю, чтобы успокоить их души:

– Успокойтесь, господа. На самом деле, я не вижу других путей исследования при отсутствии исчерпывающей теории. Другой вопрос – как йодистое соединение бериллия оказалось в физической лаборатории?

Никто ему не ответил, но профессор Брайс взяла стаканчик и забрала его с собой. В то утро она пришла с двумя стаканчиками, которые потом должна была отнести в свою лабораторию для проведения плановых опытов. То есть это она ранее поставила их на полку. Падение в обморок и последующая деятельность с обменом образцов между лабораторией физики и ее кабинетом заставили ее совершенно забыть о йодистом соединении бериллия.

Глава X

Маррон был счастливым.

Большую часть материалов, необходимых для создания копии машины, он нашел в других лабораториях физики и электронной инженерии, а остальное заказал у поставщика, находящегося недалеко от Университета и привез все это на своем велосипеде.

Все было помещено в коробку средних размеров и весом в несколько килограмм. Поскольку был уже полдень, он пошел пообедать в столовую Университета, поставив коробку рядом с собой.

Как и всегда, обед в столовой был для него возможностью встретиться с Шарлен. Едва она увидела его, запыхавшегося, с этой коробкой, как сразу же поняла, что стояло на кону. Возможно, это было как-то связано с его странным поведением в последние несколько дней. Эта загадочность, это внутреннее напряжение, которое было очень заметным, несмотря на все его усилия скрыть свое состояние, убеждали все больше, что парень прячет внутри какой-то большой секрет, который не может открыть даже ей.

Она попробовала потеребить его.

– Как дела? – начала она тревожно. – Я очень волнуюсь за тебя, Джошуа. Ты молчалив, больше не говоришь о твоей учебе и даже не пришел ко мне в комнату! – недовольно закончила она.

– О... хм... Извини, любовь моя, – попробовал ее успокоить Маррон, – я делаю один прибор, он немного сложный, и я очень сконцентрирован на этом занятии.

– То есть у тебя на меня нет времени? – возразила она, уязвленная.

– Нет, нет! – поспешил Маррон ее разуверить. – Речь идет об одном эксперименте... – он огляделся вокруг, чтобы посмотреть, не подслушивают ли их, – который только я должен провести. Если все пройдет хорошо, то это станет таким успехом в моей учебе, что никто не сможет со мной сравниться! – прошептал он ей на ухо.

Он не солгал и он не открыл никаких секретных сведений. Он чувствовал, что совесть его чиста, и надеялся, что его девушка будет удовлетворена его ответом.

– Ах, значит, вот что, – ответила Шарлен с ложным облегчением. Маррон был открытой книгой для нее, которая имела очень хорошую интуицию на ложь. Кроме того, изучая психологию, она занималась исследованиями выражений лица. Она была так увлечена этим процессом, что сама занималась изучением всех материалов, которые только могла найти, параллельно с курсами, предусмотренными программой факультета. Она ясно видела, что Маррон держит в руках что-то действительно стоящее, но это не было тем, во что он хотел заставить ее поверить. Это было нечто большее, много большее, чем возможность достичь блестящих результатов в учебе. Это что-то такое, что держало молодого человека на иголках и в то же время возбуждало его. Если он не хотел или не мог сказать ей об этом, значит, это что-то действительно очень и очень секретное.

– Значит, все в порядке, Джошуа. Это хорошо, – бесстыдно солгала она ему.

Маррон облегченно вздохнул и продолжил есть, веря, что она на его стороне.

Шарлен одарила его сияющей улыбкой и продолжила поглощать свой салат.

«Полагаю, что смогу сделать тебе отличный сюрприз, любовь моя!» – сказала она сама себе и начала строить план, как докопаться до истины. Она совершенно не переносила, чтобы ее парень что-то скрывал от нее.

Глава XI

Маррон закончил обедать ближе к часу дня, попрощался с Шарлен и отправился в лабораторию.

По пути он встретил профессор Брайс, которая была мрачной, а потому, когда Маррон ее поприветствовал, она полностью его проигнорировала.

Распахнув дверь, он понял, что произошло нечто серьезное. Вся одежда профессоров была испачкана и помята, а в лаборатории творился полнейший хаос. Едкий запах все еще исходил от металла, подвергнутого взаимодействию с кислотой, обеденная зона вся была в обломках, а вокруг валялось множество покореженных деталей оборудования. К счастью, сам прибор был цел, благодаря шкафу, который оградил его от взрыва.

Маррон заметил всеобщее недовольство и, прежде всего, открытую враждебность между Маоко и Новак, которые смотрели друг на друга, как две собаки. Дрю, увидев, как он вошел, позвал его:

– Мы создали взрыв, Маррон, – объяснил профессор мрачно.

Дрю рассказал об утренних событиях и описал аварию. Студент слушал его с возрастающим беспокойством.

– Профессор, это значит, что каждый обмен, который мы совершим отныне, будет проходить в условиях неизвестной точки В, – высказал Маррон свои страхи. – Это слишком опасно, мне кажется. Как мы можем продолжать?

– Сейчас мы этим и занимаемся. Как видишь, – показал Дрю на себя и своих коллег, – все мы нуждаемся в том, чтобы привести себя в порядок и пообедать. Ты нашел материалы?

Маррон кивнул и поставил на рабочую поверхность коробку.

– Отлично, Маррон. Ты уже обедал?

– Конечно, профессор.

– Превосходно. Тогда оставайся здесь на охране. А мы пойдем и перекусим, – позвал он остальных. – Господа, все согласны на паузу? – остальные энергично кивнули. – Согласен. Встретимся здесь... – он посмотрел на часы, – ...допустим, в шестнадцать часов.

Профессоры разошлись, а Маррон остался один.

Он постарался навести порядок вокруг, но это было сложно. Прежде всего, он распахнул окно, чтобы создать движение воздуха, который выветрил бы из помещения дым. Потом он надел пару перчаток и, взяв метлу и совок, собрал все обломки, валявшиеся на полу. Более мелкие частицы, возможно, впились в обшивку мебели и разлетелись в недоступные уголки помещения. Их нельзя было вытащить оттуда без того, чтобы все разобрать и превратить лабораторию в беспорядок. Эти частички еще годами будут находить уборщицы и студенты, которые придут сюда. Никто из них не узнает, как оказались в самых потаенных местах обломки ржавого металла и расплавленного пластика. А некоторые и вообще никогда не будут найдены. Они стали частью здания и молчаливым наследием эксперимента, о котором нельзя рассказывать, но который был промежуточным камнем в научном прогрессе.

Закончив убираться, Маррон полностью освободил рабочую поверхность и тряпкой, смоченной моющей жидкостью, натер ее до блеска, а потом разложил на ней принесенные материалы, аккуратно рассортировав их по типу. Не хватало лишь тех деталей, которые делал Дрю.

Маррон взял со стола компьютер с характеристиками, похожими на те, что использовались в эксперименте, и перенес его на чистую поверхность, потом инсталлировал на нем тот же *software*. Затем он ввел в него параметры, сохраненные на диске в ночь открытия.

Увидев, что доска была покрыта уравнениями, графиками и странными рисунками, он понял, что ученые попытались представить возможные конфигурации временно-пространственного искажения. Он постарался вникнуть в последовательность рассуждения ученых, но

осознал, что еще не достаточно подкован, чтобы понять все до конца. Он понял, что они начали, очевидно, с общей теории относительности, но дальнейшее развитие было туманным. К тому же там присутствовало большое количество исправлений, и из этого он сделал вывод, что эти поразительные умы отчаянно боролись, чтобы вникнуть в суть этого необыкновенного феномена. Явно выделялись три разных почерка, которые чередовались на доске совершенно случайным образом. Интуиция одного являлась решением проблемы, над которой завис другой, и изображение на доске представляло собой ясную картину того, как три профессора объединили свои знания, чтобы создать один супер-ум, где ни один из умов не превалирует.

Именно *это* было настоящим духом исследовательской группы, и Маррон был счастлив быть ее частью.

Он все еще рассматривал доску, когда появились Маоко и Кобаяши. Они оживленно разговаривали на японском диалекте, который он совершенно не понимал. Из тона их голоса и жестикюляции казалось очевидным, что Маоко хотела любой ценой что-то сделать, а Кобаяши старался ее сдержать.

Они увидели Маррона и прекратили дискуссию.

– Здравствуй, Маррон-сан, – поприветствовал его Кобаяши. – Здорово, что ты принес материалы для второй машины. Мы сразу же можем приступить к ее созданию. Эксперименты будут проведены позже, – выразительно посмотрел он в глаза Маоко, сделав ударение на слове «позже».

Девушка скривила гримасу и отправилась взять свой раздаточный материал, содержащий схему машины.

Маррон взял провода разных видов, винты, гайки и прочие запчасти для монтажа, потом положил на рабочую поверхность необходимые инструменты: клещи, отвертки, ножницы, кусачки, а также электрическую дрель для сверления отверстий.

Он и Кобаяши начали сверлить пластину стояка, а Маоко подсказывала им размеры. Потом они смонтировали стойки, которые составляли скелет прибора, прикрепили к ним некоторые детали и соединили их с коробкой, прикрепленной к пластине. Далее они с большой осторожностью приготовили соленоид, который создавал резонансный контур вместе с конденсатором, состоящим из двух выдвигающихся пластин, расположение которых регулировалось микрометрическим винтом. Они установили из друг от друга точно на трех миллиметрах – то же самое расстояние, как и для конденсатора на первичной машине.

После каждого этапа монтажа Маоко проверяла, чтобы соединения и установки абсолютно соответствовали проекту.

Далее они поместили генератор высокого напряжения на пластину подставки и подсоединили его к соединительной коробке и соленоиду. Параметры, которые изменялись в ходе экспериментов, действовали на напряжение, ток и форму волны, производимую генератором, поэтому они его подсоединили к компьютеру посредством кабеля связи.

Пока они прикрепляли к подставке две ионизационные сетки, пришел Дрю в сопровождении Новак, Шульца и Камаранды.

– Вижу, вы продвинулись вперед. Молодцы! – похвалил Дрю, разглядывая проделанную работу. Он принес коробку и протянул ее Маррону: – Здесь детали, которые я сделал сегодня утром. Мне не хватает еще пластины пункта А и вспомогательной пластины, – произнес он, нерешительно взглянув на Кобаяши.

Японец ответил ему пронизывающим взглядом.

– Машина должна быть абсолютно идентичной, Дрю-сан, – заявил он. – Если ее поведение будет таким же, как у оригинала, мы сможем сделать вывод, что Эффект Обмена – это научная реальность, воспроизводимая и используемая, иначе ты должен будешь неизбежно предать забвению все, что до сих пор было сделано.

Норвежка, индус и немец уже были у доски, все вместе сконцентрированные на особом равнении. Дрю оказался не у дел, и других альтернатив не было. Он отправился к верстаку для механических работ и занялся изготовлением обеих пластин.

Когда он принес их Кобаяши и коллегам, то увидел, что все остальное было уже готово. Маоко управляла Марроном в окончательных настройках микрометрического расстояния¹¹.

– Чуть больше... еще... нет, слишком! – японка с помощью цифрового микрометра отмеряла пространство между сетками ионизации. – Немного назад... еще... понемногу... остановись! Еще чуть-чуть, но совсем чуть-чуть... внимание... и... стоп!

Маррон немедленно остановил руку на микрометрическом винте, не поворачивая его. Маоко перевела дух и снова подошла к рабочей поверхности, чтобы повторить размеры и проверить их соответствие схеме.

– Четыреста тридцать семь микрон. Отлично. Зафиксируй винт.

Маррон несколько раз открыл и закрыл ладонь, чтобы размять мускулы, потом медленно подошел к микрометрическому винту и с большой аккуратностью зажал фиксирующее кольцо на винте. Он задержал дыхание, чтобы случайно не сдвинуть винт, а потом, отстранившись, взглянул на Маоко.

Японка ни на секунду не отводила глаз от микрометра.

– Хорошо, – заявила она, строго глядя на дисплей инструмента, потом посмотрела на Дрю. – На наш взгляд, – сказала она, глядя на Кобаяши, который кивнул ей, – эта настройка, возможно, самая критическая согласно проекту. Во время выработки энергии, которая активирует обмен, сетки производят особое ионизационное поле, которое порождает вторичный эффект в окружающем пространстве, соединяется с пластинами в пункте А, первой и вспомогательной, и каким-то образом вызывает сам обмен.

– Компьютер передает генератору высокого напряжения импульс энергии, длящийся полсекунды, – продолжил Кобаяши. – Мы выявили, что варьирование параметром длительности мало влияет на функционирование. Эффект всегда идет тем же образом при условии, что длительность составляет по крайней мере десятые доли секунды. Выше этого порога не происходят изменения в результате обмена. Допустим, ионизированное поле сеток достигнет оптимальной интенсивности, когда оно установлено на минимальной длительности. Установим К22 на 1123,08В, а расстояние между сетками поставим на 437 микрон. Другие установки системы варьируют обмениваемые размеры и форму, в то время, как с координатами назначения необходимо экспериментировать, начиная с новой точки В при том, что вспомогательная пластина смещена в эту лабораторию.

– Хорошо, – хмуро кивнул Дрю. – Продолжим.

Они смонтировали пластину А и пластину А2, как они называли вспомогательную пластину, и Маоко проверила снова все соединения и установки.

Маррон сел за компьютер, запустил необходимую программу и попробовал соединиться с генератором. Все отлично работало. Он вопросительно повернулся к остальным.

Дрю был как на иголках. Все было готово, чтобы проверить вторую машину, но он действительно опасался, что обмен может произойти с использованием внутренностей человека. Это было бы крахом, трагедией для карьеры и для будущего науки. Да и для жертвы, по правде говоря.

Кобаяши смотрел на него, как смотрел бы самурай на собрата, который собирается ради гордости покончить с собой. Дрю презрительно посмотрел на своего друга, но он ничего не мог с этим поделать. Он не боялся только за себя, он боялся и за всех остальных тоже. Маоко поставила кулаки на бока, склонила голову и в раздраженном ожидании уставилась в сторону. Маррон нервно смотрел на него.

Дрю все еще не мог решиться, но потом собрался с духом:

– Хорошо, – решительно сказал он. – Попробуем.

Маоко подошла к компьютеру и многозначительно посмотрела на Маррона. Он с ходу понял и сразу же поднялся, но все равно не испытал освобождения от ответственности. Маоко села на его место и молниеносно ввела все необходимые параметры, потом взглянула на Дрю.

– Образец, пожалуйста, – произнесла она сухим голосом, который хлестнул словно ветер вершину горы Фудзи.

Дрю посмотрел вокруг, потом взял маленькую призму из стекла и положил ее на первую пластину.

Маоко посмотрела на Кобаяши, который в последний раз проверил оборудование, чтобы убедиться, что все на месте, и кивнул ей.

Японка поднесла палец к кнопке активации, перевела взгляд на образец и сделала движение, чтобы нажать кнопку, когда крик Новак остановил момент.

– Остановись! – закричала она, бросившись к рабочей поверхности вместе с Шульцем и Камарандой. – Не активируйте машину. Остановитесь!

Маоко убрала палец от клавиши и с ненавистью посмотрела на Новак.

– Мы поняли насчет координат, – продолжила норвежка. – Это непосредственно связано с расстоянием между первой и второй пластиной и подчиняется математической функции, которую мы потом обсудим. Проблема в том, что нет особой установки с длиной Планка.¹²

Дрю изумленно посмотрел на нее.

– Что именно Вы имеете в виду?

– Имею в виду, что некоторые ваши пресловутые параметры влияют на координаты направления, но только если они установлены на точном значении и согласно комбинациям, четко определенным, – триумфальным тоном заявила Новак. – До сегодняшнего утра направление было зафиксировано на кабинете профессор Брайс только потому, что соответствие дистанции между пластиной А и железным листом на этаже выше не изменялось подходящей комбинацией параметров. Когда вы создали новую и маленькую вспомогательную пластину, эксперимент проходил тем же образом, но при меньшей дистанции между пластинами уменьшилось расстояние направления обмена. Мы создали примерную функцию, которая в состоянии объяснить это поведение. К счастью всех, в ваших экспериментах вы еще не обнаружили критические комбинации. Есть три параметра, K9, K14 и R11, которые, по нашему мнению, составляют триаду смещения. Триада смещает пункт В из позиции, связанной с расстоянием между пластиной А и пластиной А2 и скорректированной функцией, которую я только что упомянула, в произвольную позицию в пространстве. И когда я говорю «произвольная», я имею в виду «повсюду».

Камаранда и Шульц энергично закивали.

– Вы хотите сказать... – пробормотал Дрю.

– Я хочу сказать, уважаемый профессор Дрю, что изменяя должным образом триаду, мы можем устанавливать пункт В в какую-либо известную позицию пространства, – закончила Новак с горящими глазами и воодушевленным выражением.

Дрю стал лиловым. Он затаил дыхание во время объяснения ученой, и теперь ему не хватало воздуха.

Маррон покрылся холодным потом, когда понял сказанное, а Кобаяши с Маоко удовлетворенно усмехнулись. Кто знает, почему.

– Длина Планка входит в уравнение смещения, определяя дискретные позиции для пункта В, – объяснил Шульц. – Это значит, что, например, мы можем поместить пункт В на поверхность Юпитера с координатами на широте 30 градусов на север и долготе 125 градусов на восток, но ни метра вперед, назад, вверх или вниз. Более близкое альтернативное направление могло бы быть в ста километрах. Я только привел пример, позаботьтесь об этом лучше, потому что реальные цифры мы еще должны получить, а также необходимо экспериментировать с триадой.

– Следовательно... – попытался взять слово Дрю.

– Следовательно, – перебил его Камаранда, – если машина, которую вы только что собрали лишь ненамного отличается по конструкции или регулировке, дистанция будет смещена так, как мы того ожидаем. Вместо зоны, которая сейчас повреждена чашей воды, пункт В будет в другом месте, и величина смещения будет пропорциональна длине Планка, согласно функции, которую мы получили.

– Машина идентичная! – воскликнула Маоко с ненавистью, но Кобаяши положил ей руку на плечо, чтобы успокоить ее.

– Сетки ионизации находятся на расстоянии 437 микрон gap^{13} , – сказал японец. – Микрометр, используемый для установки гар, имеет разрешение в 1 микрон, следовательно, значение точно может быть в диапазоне между 436,5 и 437,4 микрон¹⁴. Предположим, что гар равен 436,9 микрон. Где будет пункт В?

Новак, Камаранда и Шульц подошли к доске, стерли необходимую часть и написали функцию на основе реальных данных. Уравнение было сложным и требовало нескольких минут, потом Шульц записал на листок результат, и они втроем вернулись к остальной группе.

– Если предположить, что мы не затрагиваем триаду, – заявил немец, – то оставив те же параметры, пункт В оказался бы приблизительно на расстоянии 18,6 метров от банки с водой. Мы еще не можем точно установить направление смещения, следовательно, стоит иметь в виду сферу, радиусом 18,6 метров, центр которой располагается там, где стояла банка с водой. То есть, новый пункт В окажется в любой точке на поверхности этой сферы.

Дрю посмотрел за окно.

Теперь уже было темно. По улочкам университетского городка около лаборатории ходило мало людей. На верхних этажах, вероятно, уже вообще никого не было, впрочем, как и в близлежащих окрестностях. Поверхность воображаемой сферы проходила также под землей, однако. Могли ли там проходить газовые трубы? Дрю полагал, что нет. Удручающее чувство беспомощности, смешанное со смирением, овладело им. Ему казалось, что внутри у него застрял осколок, который мешает дышать. Он подошел к двери, открыл ее и вышел на вечерний воздух своего Манчестера. Он глубоко вздохнул несколько раз, а другие наблюдали за ним.

Мог ли он попросить у МакКинтока разрешение на осуществление такого эксперимента? Нет. Шотландец тогда бы всех поставил на ноги, и потом стало бы уже невозможно контролировать весь этот переполох.

Он должен взять на себя ответственность, а также связанные с ней риски.

Он вернулся внутрь и повернулся к Шульцу.

– Каким бы был радиус воображаемой сферы в случае, если интервал сетки ионизации был бы 436,5 микрон? Или 437,4?

– Примерно 62 километра в первом случае и 15 во втором, – посчитав, ответил он. – А если бы интервал был 436,99, то сфера имела бы радиус всего в несколько метров, в пределах наших тел, – добавил Шульц.

Дрю на секунду прищурил глаза, потом погрузился в своего рода оцепенение.

Как он мог экспериментировать с такой широкой толерантностью?

Не мог. Но в то же время он не имел альтернатив.

– Попробуем, – сказал он серьезным тоном, наклонив вниз голову и глядя пустыми глазами в пол.

Все расположились у рабочей поверхности вокруг второй машины. Новак покрылась холодным потом, Маррон отошел подальше, будто это могло хоть как-то защитить его. Маоко еще раз проверила систему, потом нажала решительно клавишу.

Некая красная плотная масса появилась на месте стеклянной призмы, подсыхая и начавшая медленно капать вниз на пластину.

Кап.

Кап.

Все присутствующие побледнели.

Дрю вырвало там, где он стоял, и он тут же упал на колени сверху того, чем его вырвало. У Новак подогнулись колени, и она прислонилась к полке, белая, как полотно. Камаранда и Шульц окаменели, а японцы даже глазом не моргнули.

Маррон шокировано раскрыл рот и глаза. Но через несколько секунд он взглянул на красную массу, заметив кое-что. Он подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть.

Это было нечто, похожее на кашицу.

Он взял клещи и осторожно опустил их в массу. Подождав мгновение, он соединил щипцы инструмента на некой твердой части. С большим вниманием он вытащил щипцы и положил образец на рабочую поверхность. Остальные следили за его движениями словно в *трансе*, кроме Дрю, который все еще оставался на коленях.

Маррон рассматривал несколько мгновений объект, потом взял стеклянную баночку и наполнил ее водой из близлежащего крана. Потом взял щипцами образец и положил его в воду. Несколько раз он встряхнул его, чтобы обмыть, и вода в баночке стала красной. Затем он медленно вытащил щипцы, вытаскивая очищенный предмет. Его лицо расплылось в улыбке, а сам он издал вздох облегчения.

Профессор, – позвал он. – Профессор Дрю...

Дрю покачал головой, сжав плечи, словно не хотел знать.

– Профессор, – снова позвал Маррон. – Все в порядке, профессор. Подойдите и посмотрите сами.

Дрю с трудом встал и неохотно поплелся к рабочей поверхности. Он посмотрел на то, что вызвало его тошноту.

Маррон держал щипцами кусок красного пластика, к которому была приклеена этикетка.

– Это томатный соус, который я ежедневно кладу в мой бифштекс, – объяснил студент. – Столовая Университета заказывает его прямо из Италии, у одного домашнего производителя. Он стоит в холодильнике в двадцати метрах на восток отсюда. Она очень вкусная, знаете? – закончил Маррон. – Ароматизированная оригано. Это моя любимая приправа.

Глава XII

Маоко возвращалась в свою комнату, шагая по университетским улочкам, мягко освещенным фонарями в викторианском стиле. Вечерний воздух был свежим и бодрящим после такого тяжелого дня, как этот. Девушка была уставшей, но в то же время возбужденной полученными результатами.

Невероятно, что всего за день они сумели собрать вторую работающую машину и наметить теорию явления. Дрю создал отличную группу. Этот исключительный союз сразу достиг отличного результата.

Маоко была счастлива, что Кобаяши взял ее с собой. Она могла быть очень полезной исследовательской группе, и это наполняло ее гордостью. К тому же, ей удалось настроить интервал сетки ионизации с ошибкой всего в 0,1 микрон – значение экстремально маленькое, учитывая, что она использовала микрометр с разрешением в 1 микрон.

Она подошла к своей двери, которая находилась в изолированном крыле комплекса, повернула ключ в замке и открыла дверь. Шагнув внутрь, она услышала быстрый топот сзади и резко обернулась. В темноте появилась Новак, которая смотрела на нее яростно сверкающими глазами.

– Мисс Ямазаки! – грубо обратилась она к ней. – Как Вы позволили себе так вести себя со мной сегодня? Вы всего лишь студентка! – она стремительно пересекла порог. – За много лет преподавания я ни разу не встречала такой наглой особы, как Вы! – продолжила она с презрением. – Может, в Вашей стране поедатели риса привычны к тому, чтобы им кидали в лицо рыбу, но на Западе ффффф...!

Маоко ударила ей рукой по губам, с силой захлопнув их. Другой рукой она сжала ей правое запястье, глядя прямо в глаза норвежке. Они были ненатурально распахнуты. Маоко, не моргая, смотрела, а ее черные зрачки казались невероятно расширенными и излучающими гипнотические флюиды, которые проникали в глаза Новак и парализовали ее.

Маоко ногой толкнула дверь, закрывая ее, а потом, по-прежнему глядя на норвежку, убрала руку от ее рта.

Новак стояла неподвижно с полукрытым ртом и расширенными глазами.

Маоко медленно сняла с ее плеча сумку, потому взяла за левое запястье, приложила к правому, и перекрестила их, крепко сжав рукой. Не отводя глаз, свободной рукой она залезла в мешок с соломой, прислоненный к шкафчику, и достала оттуда рулон джутовой веревки. Ощупью она нашла свободный конец, потянула за него и ловко сбросила на землю весь рулон.

Очень медленно она несколько раз обернула веревкой одно запястье, потом другое, и, наконец, перекрестила веревку на обоих запястьях вместе, закрепив все двойным узлом.

Новак стояла неподвижно.

Маоко немного затянула веревку на запястьях норвежки, приподняв их над животом.

Потом она побудила ее сесть на колени и другой рукой подняла рулон, быстро прицелилась и мастерски накинула веревку на стальной крюк, вмонтированный в потолок, с которого свешивалась старомодная лампа. Взяв другой конец веревки и натянув его двумя руками, она начала медленно поднимать связанные руки Новак вверх. Она поднимала их до тех пор, пока руки норвежки не оказались выше головы и не вытянулись. Новак издала мучительный стон, но сразу же замолчала, продолжая смотреть перед собой отрешенным взглядом.

Маоко подтянула веревку еще, медленно, но жестко. Руки теперь были вытянуты максимально и начали поднимать вес тела. Новак начала смиренно, не переставая, стонать, а лоб стал покрываться потом.

Маоко подняла еще, пока ноги норвежки не поднялись под углом в шестьдесят градусов над полом. В этом положении Новак она привязала свободный конец веревки к сушилке для полотенец, вмонтированной в стену сбоку от раковины на кухне.

Взяв из мешка с соломой моток более тонкой веревки, она крепко связала лодыжки Новак, потом поднялась и взглянула на свою работу.

Норвежка свешивалась с потолка, вытянутая вертикально, и опиралась точно на пальцы, единственные, касающиеся пола. Она больше не стонала. Теперь она медленно дышала, задыхаясь, а все ее тело было покрыто потом от мышечного напряжения. Блузка выбилась из юбки, открыв часть потного живота.

– Неплохо, – сделала самой себе комплимент Маоко.

Закрыв на ключ входную дверь, она взяла куртку и туфли и отправилась в ванную, а потом приготовила себе японский чай. Смакуя вкус своих печений, она опустилась в кресло, прихватив книгу. Это был очень длинный и сложный день. Ей необходимо было расслабиться. Горестные переживания героя книги перенесли ее в фантастический, но очень реальный мир. Японцы обладают особой чувствительностью к запахам, деталям и уровню поверхностного самоанализа. Особенно женщины постоянно прислушиваются к себе и глубоко взаимодействуют с окружающей средой.

Мидори была студенткой, влюбленной в Нобору – молодого рыбака, который жил в прибрежном селении в ста километрах от нее. Они познакомились в парке год назад в момент цветения сакуры¹⁵ и безумно влюбились друг в друга. Каждая мысль о ней была мыслью о нем. Они так глубоко понимали друг друга, что считались теперь единым созданием. Но у Нобору была тяжелая работа. Он глубокой ночью уплывал в море со своими напарниками, чтобы ловить рыбу, а море часто было буйным. Однажды один парень выпал из лодки. Он кричал в ночи, но никто не мог его увидеть. Они кидали на голос разные предметы, чтобы спасти его, но волны отдаляли этот голос все дальше и дальше. И наконец наступила тишина. Слышался только равнодушный неистовый плеск волн сбоку о борта лодки и шелест сетей, брошенных в море.

“ Ты с нами, Рю,

Ты с нами.

Каждую ночь мы будем приходить к тебе на черное море.

И мы пойдем, что ты там и ты ждешь нас

С твоими крепкими руками.

Ты поднимешься на лодку, как пена волны,

И с нашей стороны вместе с нами поднимешь сети,

Как это было в прошлые ночи,

Когда твои глаза и твоя улыбка

Наполняли нас радостью от встречи с бурей.. ”

Нобору

Этот стих Нобору посвятил своему потерянному другу и послал его в одном из многочисленных писем Мидори. Она плакала. Из-за него, из-за Рю, хотя она даже его не знала. Нобору был поэтом с нежной и чувствительной душой, но его жизнь не позволяла ему развивать должным образом свой талант.

Она плакала еще и потому, что была дочерью из благополучной семьи, которая имела возможность учиться и путешествовать, но была вынуждена скрывать свои отношения, поскольку родители никогда бы не приняли ее свадьбы с бедным рыбаком. У Нобору не было семьи. Его бросили родители, едва он родился, и он переходил из рук одного опекуна к другому, пока не дорос до того возраста, когда мог работать. Доходы села, где он жил, основывались на рыбной ловле, и быть рыбаком было его неотвратимой судьбой. Он не мог ей даже звонить, потому что родители Мидори могли бы обнаружить их связь. Он писал ей через однокурсницу, которая передавала их письма друг другу.

В тот день, когда они встретились впервые в парке, около них скакал воробей, клевал что-то на земле и время от времени посматривал на них. Мидори в тот момент была убеждена, что птичка будет их связным. Каждый вечер она выходила в сад и шла на встречу с воробьем и говорила ему, что передать Нобору, а потом слушала его непрерывное щебетание, которое содержало сообщение от ее далекого молодого человека. Затем она поднималась ночью и открывала окно, совершенно бесшумно, а ветер обдувал ее, тот самый ветер, который, думала она, надувал паруса и взъерошивал волосы ее любимого в тот самый момент.

«Эх, Мидори, Мидори», – подумала Маоко, – «как ты романтична. И грустна.»

Она оглянулась на норвежку, чтобы посмотреть, как она себя чувствует.

Можно сказать, неплохо. Та закрыла глаза и тяжело дышала. Время от времени она слегка шевелила пальцами, чтобы поправить равновесие. В таком положении она пребывала уже полчаса.

– Пойдем спать, *gaijin*¹⁶, – сказала она. – Пора.

Она отложила книгу и молча подошла к Новак. Казалось, что та ее не замечает.

Маоко взяла обеими руками натянутую веревку там, где она была зафиксирована на полотенцесушителе, и решительно потянула ее на несколько сантиметров. Норвежка сразу же открыла глаза и издала носовой стон. Горло у нее пересохло. Маоко потянула за веревку еще секунд двадцать, а потом отпустила. Новак громко выдохнула через рот и склонила вперед голову, помотив ею справа налево, вверх и вниз.

Маоко пододвинула стул, стоящий сзади Новак, а затем развязала веревку и начала ее постепенно отпускать. Новак опускалась все ниже, и тогда Маоко подтолкнула ее в сторону стула, чтобы усадить на него. Когда Маоко полностью отпустила веревку, Новак распласталась на стуле со связанными на коленях руками, согнутыми ногами, связанными лодыжками и головой, откинутой на спинку.

Маоко наполнила стакан водой и, приподняв ей рукой голову, дала сделать несколько глотков. Потом она поставила стакан и развязала ей лодыжки, затем запястья, освобождая конечности.

Следы от веревки были темно-красного цвета и достаточно глубокими. Маоко начала массажировать ей запястья аккуратными движениями, чтобы разгладить бороздки. Сначала норвежка немного постанывала, но потом успокоилась, почувствовав, как возвращается кровообращение. Маоко целую минуту делала массаж рук, а потом перешла к ногам. Закончив, она взяла сумку и надела ей на плечо. Пока она надевала ей сумку, Новак аккуратно накрыла своей рукой ее руку с выражением благодарности и замешательства на лице.

Маоко посмотрела ей в глаза.

– Иди спать, Новак.

– Я... – попыталась сказать норвежка нерешительно.

– Иди спать, Новак, – повторила Маоко, выдергивая свою руку и открывая дверь.

Новак мгновение стояла в нерешительности, потом медленно подошла к порогу, положила руку на косяк и обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Маоко.

На лице японки было нарисовано некое загадочное выражение.

Норвежка отвернулась и неуверенными шагами направилась в сторону своего номера.

Глава XIII

– Но как ты испачкался?! – воскликнула Тиморина Дрю, взглянув на своего брата, вошедшего в дом.

Дрю впервые за этот вечер посмотрел на себя.

После испытания второй машины, из-за чего на пластине появился томатный соус, он отправил всех по домам и отмыл пол лаборатории от своих рвотных масс. Он никого не смог попросить сделать это, даже уборщиц. Как он объяснил бы случившееся? Он бы в любом случае выглядел отвратительно. А так никто не придет полюбопытствовать, что случилось.

Потом Дрю стер желтую массу с пиджака и рубашки. Брюки были безнадежно испачканы. Они от колен до самого низа были покрыты отталкивающей желтой массой. Дрю не слишком хорошо отряхнулся и в результате был весь вымазан. Темный костюм оказался в плачевном состоянии, и его сестра заставит его за это заплатить.

– Я простудился. Мне нехорошо. Что я могу поделать? – солгал он в попытках оправдать себя.

– Ах, неужели? – послышался снисходительный ответ сестры. – Я только что закончила чистить *другой* костюм, который ты, не сказав ни слова, оставил сегодня днем на кровати!

Дрю вздрогнул. Ах да. Был другой костюм, который испачкался во время взрыва.

Тон сестры стал еще более укоризненным:

– Тот костюм был запылен и помят. Ты должен понимать, что требуется *время* на стирку и глажку пиджака и брюк, рубашки и галстука. Ты, очевидно, не осознаешь этого, иначе ты не стал бы его переодевать! – показала она на костюм.

Дрю не ответил и медленно пошел в ванну, чтобы раздеться. Он снял с себя все. Потом положил белую рубашку и майку в стиральную машинку. Он никогда не стирал, потому ему требовалось разобраться в том, как функционирует машинка. Он повернул колесо программирования до режима «хлопок» и настроил цикл. Потом положил пиджак и брюки в ванну и смыл душем рвотные массы. Затем включил холодную воду, потому что, как он знал, она позволяла избежать усадки одежды. Он надеялся, что все сделал правильно. Оставив все в ванне, он принял душ, а потом направился в спальню и надел пижаму. Именно в тот момент произошло озарение. Стиральный порошок! Он не положил стиральный порошок. Он побежал в ванную комнату, но было слишком поздно! Тиморина находилась там и смотрела через стекло барабана, качая головой. Потом перевела взгляд на Дрю, продолжая с упреком качать головой.

– Иди спать, Лестер. Я позабочусь об этом, – сказала она.

Дрю вздохнул и вернулся в свою спальню.

Если бы Тиморина только знала, что случилось в тот день в лаборатории! Обмороки, взрывы, ужас и сомнения. Но еще и триумф науки! Шаг навстречу новой эры в истории человечества. Он знал, что был идеалистом, но внутренне чувствовал, что теперь они двигались в направлении успеха, а эти происшествия были ничем по сравнению с громким успехом, который ждал их впереди.

Он лег в кровать и слышал, как Тиморина чистит щеткой костюм, чтобы привести его в порядок. Да, нужно было сделать именно так. Но он откуда это знал? Он думал о физике, о стратосферических верхушках мысли, о достижениях ума, о завтрашнем совещании по поводу исследования...

Дрю погрузился в сон, оставив свет включенным.

Ему снилось, что он находится в желтой комнате, потом сразу в красной, потом снова в желтой и снова в красной, непрерывно перемещаясь между ними без каких-либо видимых переходов, с нарастающей скоростью, все быстрее и быстрее, пока у него не начала кружиться голова, и он перестал видеть что-либо. На заднем фоне ему слышался гул воды, смешанный

с возбужденными голосами, которые безудержно говорили, но он ничего не понимал, что они говорят. Он был призраком в этом вихре цветов и звуков, взволнованный, неспособный думать или делать что-либо. И вдруг неожиданно он проснулся.

Будильник неистово звонил, ударяя молоточком по латунному колоколу и перемещаясь по тумбочке из-за вибрации, производимой действующим механизмом.

Дрю сел на кровати, весь в поту, возбужденный, совершенно не понимая, где он, хватая воздух ртом и размахивая руками. Лишь спустя несколько секунд он начал приходить в себя. Он потряс головой, чтобы привести мозг в рабочее состояние, и посмотрел на будильник. И вовремя, потому что он как раз достиг края стола и готов был упасть. Дрю подхватил его и нажал на кнопку отключения звонка. Несколько минут будильник лежал на его коленях, потом он вернул его на тумбочку и поднялся. Было полвосьмого. Собрание было назначено на девять, следовательно, у него было время принять спокойно душ, чтобы смыть с себя весь этот пот. Затем он хорошо позавтракал и вышел из дома. К счастью, Тиморина уже поливала свои цветы в саду позади дома, поэтому ему удалось избежать встречи с ней. Избежать еще один выговор.

Все собрались в лаборатории, включая МакКинтока.

– Какова ситуация? – осведомился ректор.

Дрю уверенно взял слово:

– Потрясающая, не побоюсь использовать этот эвфемизм. Вчера моим коллегам, – произнес он, обводя широким жестом других ученых и даже Маррона, – удалось за один день наметить основную теорию явления, создать прототип машины и произвести многочисленные успешные эксперименты по обмену.

МакКинток был искренне впечатлен.

– И когда мы сможем начать использовать машину в практических целях?

– Мы на этапе разработки основной теории, которая требует совершенствования, – уточнил Дрю. – Вы не должны требовать от нас многого прежде, чем мы сможем сконструировать машину больших размеров.

Шульц и Камаранда переглянулись, на мгновение нахмурившись, но МакКинток ничего не заметил.

– Хорошо. Спасибо вам. Дрю, я возвращаюсь в офис и жду новостей.

– Хм, минуточку, МакКинток, – остановил его Дрю.

Ректор уже стоял в дверях и вопросительно обернулся.

– В одном из вчерашних экспериментов мы случайно, – я повторяю: случайно, – получили в обмен часть упаковки томатной пасты из местной столовой, – объяснил Дрю. – Необходимо изъять всю испорченную пачку, прежде чем кто-то ее обнаружит и задаст вопросы.

– И все? – веселясь, спросил ректор. Он подошел к внутреннему телефону и позвонил своей секретарше. – Мисс Уоттс? Это я, добрый день. Могли бы Вы быть так любезны и дать мне срочно ключи от столовой? Напротив двери столовой, спасибо. Да. Спасибо еще раз.

Потом он взглянул на студента.

– Маррон! – позвал он его по фамилии после секунды размышления. Маррон сразу же вышел вперед, гордый, что ректор вспомнил его фамилию. – Иди за мной! – добродушно распорядился МакКинток.

Они вышли и направились к столовой. Через несколько минут приехал служитель на велосипеде и передал ректору ключи, а потом быстро уехал туда, откуда прибыл.

– Вот, – вложил МакКинток ключи в руки Маррона. – Открой, возьми то, что надо, хорошо закрой и сразу же верни ключи моей секретарше. Все ясно?

– Конечно. Спасибо, ректор МакКинток.

Ректор попрощался с ним и отправился в свой кабинет, напевая себе под нос.

Маррон вошел внутрь и сразу же нашел упаковку с томатной пастой. Она была повреждена лишь слегка, к счастью. Он взял ее и увидел, что внутри соуса была призма. Тогда Маррон вытер все, используя бумажные салфетки, которые имел с собой, потом закрыл дверь и отправился в приемную МакКинтока, чтобы вернуть ключи.

Как жаль, что этот соус испортился. Он был очень вкусным...

Войдя в лабораторию, Маррон увидел, что атмосфера там царил довольно мрачная.

– Проблема здесь, – говорил Шульц, показывая на раковину. – Триада смещения определяется параметрами K9, K14 и R11, но функция, которая этим управляет, показывает ясно, что энергия, необходимая для обмена, увеличивается в кубической пропорции к расстоянию.

– Я вижу, – констатировал Дрю, глядя на функцию. – Вы посчитали какие-то практические случаи?

– Мы с Камарандой не спали до двух ночи, чтобы понять поведение системы, но нам это пока не удалось. Пока, чтобы произвести обмен на расстоянии 100 километров, нужны 64 киловатта, что немного. Но чтобы произвести обмен на 200 километров, необходимы уже 512 киловатт. Это энергия, которую использует средняя мануфактурная фабрика.

– А для 1000 километров нужны будут 64 мегаватт¹⁷, – добавил Камаранда. – Необходима маленькая электростанция.

– Вот почему система обмена проходит просто на маленьких дистанциях. Для 300 метров отсюда до кабинета профессора Брайс использовалось всего 2 милливатта, – быстро посчитал Дрю, записывая на доске. – Меньше, чем нужно для мерцания LED.

– Это отлично подходит для небольших расстояний, диагностических или терапевтических, – вмешалась Брайс.

– Ну да, – ответил Дрю. – Но длинные дистанции вне досягаемости. Как исследование Вселенной.

Он вздохнул, опустив руки вдоль тела. МакКинток, однако, был бы доволен, потому что одно лишь лечение людей принесло бы кучу денег, но Дрю-то был физиком, и его коллеги изначально приоткрыли двери целого мира. Теперь он подошел к перспективе воображаемых исследований, спустившись с небес на землю. Он не мог с этим смириться. Ему надо найти другое решение.

– Мы только в начале, – заявил он. – Если мы будем настойчивы, может, мы найдем несколько факторов, которые позволят нам исключить это ограничение.

– Этим мы и занимаемся, – сухо сказала Новак.

Брайс заметила, что норвежка в тот день носила блузку с длинным рукавом, закрывающим запястья.

«Странно, – подумала она. – Вчера она была с короткими рукавами. Для нее, привычной к холодному климату, английский март должен казаться жарким. Кто знает, почему она переделась».

Женщина не могла не заметить эти детали.

Маоко между тем внимательно разглядывала доску, скрестив руки. Кобаяши в сотый раз изучал раздаточный материал и каждый раз проверял несколько расчетов, производя записи на листок.

– А что если пока мы углубленно изучим теорию, экспериментируя с биологическими формами? – предложил Маррон.

Дрю посмотрел на профессора Брайс.

– Начнем с растений. Я позабочусь об образцах, – кивнула она и вышла.

– А я пока пойду и раздобуду инструмент более точный, чем микрометр. Нам надо отрегулировать вторую машину, – сказал Дрю, направляясь в лабораторию метрологии.

Маррон начал подготавливать первую машину, пока два японца занялись второй. Они общались на родном языке по поводу некоторых технических деталей, пока ожидали нового измерительного прибора.

Через полчаса Брайс положила на пластину А первой машины лист зеленого салата.

Они активировали машину, и лист переместился туда, где была банка с водой. Биолог взяла его и посмотрела в портативный микроскоп, который носила с собой. Через несколько минут она подняла глаза от окуляров.

– Кажется, все отлично. Прожилки, стомы, клетки... Насколько я вижу, все на месте.

Дрю удовлетворенно кивнул.

Они попробовали с цветами, корнеплодами, грибами и даже с маленьким бонсаем, растущим в горшке. Все предметы оставались целыми после перемещения.

Тем временем Маоко подрегулировала промежуток между сетками на второй машине, используя более точный инструмент.

Они положили зерно фасоли на пластину второй машины и провели эксперимент. Фасоль оказалась примерно в трех метрах слева от банки с водой – точное расстояние между двумя машинами.

Брайс быстро проверила зернышко и нашла его в отличном состоянии.

– Перейдем к мясу, – сказала она.

Она уже принесла его, извлекая из сумки бифштекс, упакованный в термическую пленку.

Маррон жадно посмотрел на нее. Он уже был голоден к одиннадцати утра. Профессор Брайс с угрюмой улыбкой взглянула на студента и передала ему пустую сумку, чтобы он положил ее куда-нибудь. Парень подмигнул ей, шутливо изображая разочарование.

Брайс взяла нож в кухонном уголке лаборатории и отрезала кусочек бифштекса квадратной формы стороной примерно в 4 сантиметра. Толщина составляла примерно восемь миллиметров.

Они переместили кусок с помощью второй машины и исследовали его в микроскоп, удостоверившись, что все в порядке.

Маррон попробовал его.

– Вкус тот же самый. Консистенция тоже. Я бы сказал, что перемещение никак его не испортило.

– Так и должно быть, поскольку теория говорит о том, что машина обменивает непосредственно два объема в пространстве независимо от их содержания, – прокомментировал Дрю. – Что скажете, если попробуем с животной формой?

Профессор Брайс несколько мгновений раздумывала над этим, потом решила:

– Да, попробуем. Мы должны будем провести анализ по молекулярной биологии на уже перемещенных образцах, чтобы быть совершенно уверенными, но до сих пор полученные результаты подтверждают теорию обмена в пространстве. – Она поразмышляла еще несколько минут. – Исходя из биоэтических соображений, попробуем с формами, лишенными нервной системы. Если что-то пойдет не так, они, по крайней мере, не будут страдать. Увидимся после обеда, – сказала она и вышла.

Дрю и остальные сконцентрировались на теории в поисках решения проблемы мощности.

– Что-то ускользает от нас, – сказал Шульц. – Как мы поняли к настоящему моменту, активация машины создает сверхпространственный коннектор между объемами пространства, тянущийся от пластины А до пластины В. Коннектор подчиняется времени Планка¹⁸, и в этот момент два пространства меняются местами.

– Если он действительно сверхпространственный, тогда мы деформируем очень плотное пространство, – вмешался Кобаяши. – Только так оправдывается необходимость такой большой мощности, повышаемой с расстоянием.

– Кажется, так, – согласился Шульц.

– Попробуем кое-что представить, может, нам это поможет, – вмешался Камаранда. Он принял кафедральный тон, будто давал лекцию своим студентам. – Все мы живем в пространстве, которое считаем трехмерным, имеющим длину, ширину и высоту. Мы знаем, что тяжесть деформирует пространство, и это уже приводит нас в затруднение, потому что мы не можем понять эту ситуацию. Используем классическое подобие эластичной ленты, которая представляет трехмерное пространство. Если мы положим на эту ленту предмет, то он ее деформирует, прогибая под своим весом. Чем более тяжелым будет предмет, тем больше будет деформация, то есть прогиб ленты. Под весом мы подразумеваем *массу*, которая не зависит от тяжести, но ее *порождает*. Таким образом, мы видим, что увеличение массы приводит к увеличению деформации. Если мы положим на ленту второй объект меньшей массы, он скатится, приблизившись к предмету с большей массой. Такое поведение мы определим, как *гравитационное притяжение*. На самом деле предмет с меньшей массой тоже деформирует пространство в свою очередь, следовательно, происходит гравитационное притяжение в сторону более тяжелого предмета, но в меньшей степени. По аналогии с эластичной лентой, которая двумерна, мы можем понять концепцию деформации пространства под силой тяжести. Она деформирует ленту перпендикулярно поверхности ленты, добавляя фактически размер к его геометрии. Предположим теперь, что мы возьмем нашу эластичную ленту и положим ее на гелевую пластину, которая, как мы знаем, является твердым эластичным коллоидом, легко деформируемым. Машина, с которой мы экспериментируем, расположена в трехмерном пространстве, которое представлено эластичной лентой, и, по-видимому, когда она активируется, то непосредственно приближается к гелевой пластине, являющейся дополнительным аспектом. Заметьте, что деформация порции геля создает канал, или Коннектор, который своими концами воздействует на эластичную ленту, то есть пространство, и обменивает между ними порции пространства, с которыми она соединена. После обмена Коннектор рассеивается, а гель возвращается к своему нормальному состоянию. – Камаранда сделал паузу после долго объяснения, а потом продолжил дальше свои рассуждения: – Очевидно, гель очень плотный, следовательно, требуется много энергии, чтобы сделать его жидким. По каким-то причинам, которых мы не знаем, Коннектор определяется только временем Планка, хотя воздействие энергии значительно большее, чем воздействие времени. За него мы принимаем полсекунды, верно? – спросил он, оборачиваясь к Кобаяши, который кивнул ему в ответ. – Должно быть что-то, что препятствует существованию Коннектора во времени, превышающим время Планка. Если бы он держался дольше, что бы случилось? Возможно, два пространства успели бы обменяться еще раз? Или это повлекло бы за собой постоянный обмен пространствами? Я не думаю, чтобы это являлось проблемой для геометрии пространства. Просто, дезактивируя машину, два пространства остались бы в последней достигнутой конфигурации. Может быть также, что если бы Коннектор длился дольше времени Планка, случился бы парадокс, свойства которого на данный момент я не могу представить, и только некий неизвестный закон природы вмешивался бы, чтобы помешать этому.

Все молчали, раздумывая над рассуждениями индийского математика.

Через несколько минут Новак вскочила на ноги, побледнев.

– О, Боже! – воскликнула она взволнованно.

Все испуганно посмотрели на нее.

– Нет никакого парадокса, – мрачно продолжила она. – Есть ошибка, однако!

Она подошла к доске и стерла часть с таким трудом найденных уравнений, будто они были написаны каракулями какого-то злостного студента. Она нарисовала эластичную ленту сверху, соединив два ее конца.

– Это Коннектор, как мы его назвали, – показала она на провод. – Он только что включен и начался обмен. Мы в нулевом времени процесса. Объем пространства А стартует и входит в коннектор. Как и в какой форме – мы не знаем. Но он начинает двигаться к противоположному концу. Одновременно объем пространства В делает тоже самое со своей стороны и начи-

нает двигаться к противоположной стороне Коннектора. Проходит время Планка, и два пространства прибывают в место назначения, выходят из Коннектора и оказываются на месте друг друга. Мы во времени 1, и процесс закончен. – Она сделала эффектную паузу. – Но между временем 0 и временем 1, – сказала она голосом с нарастающей интенсивностью, – что находится на месте этих пространств, которые перемещаются по Коннектору? – закончила она истерическим криком.

На мгновение все были неподвижны.

– Нет... – произнес Камаранда со стеклянным взглядом.

– Напротив, да! – закричала она еще громче. – Нет Ничего! – жестко добавила она.

У Дрю волосы встали дыбом.

Кобаяши открыл рот и снова закрыл.

Лицо Шульца больше походило на маску, сделанную в момент отсутствия всякого выражения.

Маррон смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

Маоко, напротив, с довольным видом и странной улыбкой смотрела на Новак.

– Ничего – вы это понимаете? – продолжила норвежка. – И вероятно, именно там оказывается вся та энергия, которая вытекает из расчетов. Энергия, которая выходит из нашего мира, нарушая его энергетическое равновесие. Это нарушение постулата Ловозера, согласно которому ничего не создается и ничего не разрушается, но все трансформируется. И, возможно, именно поэтому Коннектор может по максимуму поддерживаться на время Планка, иначе Ничего поглотило бы всю энергию, которая вокруг него. Если бы у него было больше времени, возможно, оно бы забрало бы всю мировую энергию!

В лаборатории наступила могильная тишина.

Это было похоже на лед темноты, более глубокой, чем может себе представить человек. Лед, который кристаллизировал их ум и сознание.

Новак стояла рядом с доской с мелом в руках.

С минуту никто не двигал ни одним мускулом. Потом Кобаяши подошел к доске, взял мел и сделал несколько расчетов на свободной поверхности доски.

– Нет, – сказал он, наконец. – Так не может быть. Функция триады показывает, что мощность увеличивается только в кубической пропорции независимо от объема обмененного пространства. Предположим, мы сделаем этот объем постоянным, тогда он определит, сколько энергии, которую мы используем для эксперимента, поглотит «Ничего», пока два пространства направляются к своим точкам назначения. Я не вижу, почему, увеличивая дистанцию обмена при постоянном объеме, Ничего должно увеличивать свою поглощающую способность.

Новак смотрела на него широко раскрытыми глазами, усиленно размышляя. Через несколько бесконечных секунд она поморщилась, бледнея еще больше.

– Нет... нет... Это безумие, непостижимо, – пробормотала она. – Не может быть.

– Что такое, профессор Новак? – обеспокоенно спросил Кобаяши.

– Это! – показала Новак на нарисованный на доске Коннектор. Все непонимающе посмотрели на доску. – Но вы не понимаете? – закричала она. – Мы деформируем именно Ничего! Коннектор формируется в Ничем! Сделан из Ничего! Пространство А входит в Ничего и появляется в точке В, которые оказывается в пункте А, проходя через Ничего!

Это повергло присутствующих в тотальную прострацию. Земля словно уплыла у них из-под ног. Будто все предельно понятные вещи, все основы, на которых базировались их знания, неожиданно разлетелись на куски.

– Но как может... как может нечто, что существует... – отважился произнести Дрю, – нечто, что существует... войти в Ничего, прекращая существовать, и *появиться* из Ничего, начав снова существовать, как и раньше, но в другом месте?

Новак положила себе руку на лоб и прислонилась к доске. Казалось, что у нее закружилась голова. Маоко подошла к ней и, взяв под локоть, подвела к близстоящему стулу. Потом она поднесла ей стакан воды, который норвежка приняла с благодарным взглядом.

– Это вопрос исключительно философский, – ответила Новак Дрю тихим спокойным голосом, пока пила. – Или лучше скажем, что *был бы* вопросом исключительно философским, если бы мы не стояли перед лицом экспериментального проявления манипуляции Ничем. Ничто не существует и не может быть даже определено, иначе его определение сделало бы *Ничто* существующим. Но мы им манипулируем. Я чувствую, что это так. Я не вижу других решений. При увеличении расстояния обмена увеличивается длина Коннектора, состоящего из Ничего и сделанного из Ничего. Поскольку очевидно, что Ничего поглощает с максимальной эффективностью энергию, которая ему подается, отсюда следует вывод, что Коннектор поглощает всю энергию. При увеличении длины Коннектора, увеличивается также чрезмерность энергии, необходимой для управления и сохранения Коннектора в течение времени Планка. Коннектор производит обмен, да, но по недостижимой цене на мизерных дистанциях.

Снова молчание, но в этот раз на лицах Дрю, Шульца, Камаранды, Маррона и Кобаяши ясно читалось восхищение гениальной интуицией Новак. Они увидели, что ум этой женщины обнаружил то, что они не могли видеть, и привел их туда, куда они не могли прийти. В то же время их лица выражали отчаяние от поражения, потому что эти догадки приводили к непреодолимым препятствиям.

– Это крах... Чистое крушение, – пробормотал Шульц, качая отрицательно головой.

Прошло пару минут, потом спокойно и беспечно Маоко села на угол рабочей поверхности рядом с сидящей Новак. Она посмотрела на нее сверху вниз и сказала дружеским тоном, удивив присутствующих, которые даже не заметили стакан воды, который она ей предложила:

– Профессор Новак, Ваше заявление говорит о том, что не существует никаких практических решений проблемы, поскольку наш мир является изолированной системой, а машина существенно потребляет энергию извне этой системы, нарушая ее энергетическое равновесие.

Новак кивнула.

– Но если вместо того, чтобы считать наш мир изолированной системой, посчитать его просто закрытой системой¹⁹, помещенной внутри большей системы, Вы не думаете, что мы могли бы без затруднений изучить ее поведение?

Новак изумленно уставилась на Маоко широко раскрытыми глазами.

Никто не смел говорить, учитывая масштабность такой гипотезы.

Через несколько мгновений Шульц поднялся с нахмуренным лбом и подошел к доске, взяв с собой ручку и лист бумаги. Он перенес на бумагу все написанные уравнения, потом полностью вытер доску. Затем он начал усиленно писать мелом, начав с фундаментальных уравнений термодинамики, заменяя его составные части теми результатами, которые они получили в своей теории.

Дрю с Марроном тут же оказались рядом с ним, чтобы помочь, а Камаранда, встав за его спиной, внимательно следил за математической частью его работы. Кобаяши сосредоточенно смотрел на доску, на которой появлялась новая потрясающая форма концепции мира.

И никто не заметил, как сидящая на рабочем столе в нескольких метрах сзади них Маоко нежно поглаживала своей маленькой ручкой светлые волосы Новак, лаская ее.

Глава XIV

К двум часам дня профессор Брайс вошла в лабораторию, принеся с собой коробку, из которой то и дело раздавались неожиданные звуки.

Все сразу же осознали, что никто так и не выходил из лаборатории, не ходил обедать. Кто-то писал на доске уравнения и корректировал графики, кто-то на свободных столах неистово писал на листах бумаги и что-то считал, пользуясь калькулятором. Время от времени кто-то листал раздаточный материал, сверял данные и вносил их в свои уравнения, а потом шел дальше в своих исследованиях.

Брайс поставила коробку на полку и села в уголок в ожидании. Она понимала, что нужно подождать подходящего момента. Об этом говорили изнуренные лица коллег, неистово работающих с крайней сосредоточенностью.

Камаранда стоял у стола, склонившись над листом бумаги. Он закончил последние расчеты и записал результаты на лист. Потом быстро произвел еще какие-то расчеты, кивнул, поднялся и направился к Шульцу, прихватив свой лист.

– Энтропия равна 415J/K^{20} .

Шульц записал значение в функцию на доске.

– Кобаяши, у тебя есть результат по энергии?

Японец заканчивал вычисления очень сложного интеграла. Он поднял руку, призывая подождать несколько минут, пока он проводил расчеты на калькуляторе. Потом он записал результаты на листок, еще раз проверил и, поняв, что все правильно, изрек:

– 163000 Дж^{21} .

Шульц внес также и эти значения. Потом свои результаты работы сообщили Дрю и Маррон.

– Речь идет о толщине покрытия, равного двум миллиардам световых лет. Это лучшее приблизительное значение, которое мы можем тебе дать на настоящий момент.

Немец записал результат уравнения на график некой сферы, покрытой концентрической оболочкой.

Новак, стоявшая у доски с Шульцем, начала расписывать уравнение с только что полученными данными.

Из-за стола поднялась сияющая Маоко и подошла к доске с раздаточным материалом в одной руке и со своими пометками в другой. Указав пальцем на таблицу в инструкции, она сказала:

– Есть! Параметр R_6 ! – триумфальным тоном воскликнула она. – Он составляет 190 микровольт.

Шульц написал $190 \cdot 10^{-6}$ вместо x в формуле и произвел расчеты. Потом он застыл в ожидании Новак, которая вскоре представила ему некоторые результаты своих расчетов. Шульц внес их вместе со своими данными в новое уравнение.

Несколько минут он судорожно проводил вычисления под наблюдением своих коллег и, наконец, получил конечный результат. Уравнение теперь было сокращено до нескольких факторов и робко ждало последних шагов, чтобы узнать результат.

Он протер покрасневшие глаза, очерченные черными кругами, глубоко вздохнул и продолжил расчеты. Оставалось найти последнее число, которое он написал справа, будто не видя его.

Он не мог этому поверить.

Но это было именно так.

Новак кивнула, а за ней Камаранда и Дрю. Маоко и Кобаяши победно улыбались, глядя то на доску, то на коллег. Маррон обессиленно облокотился на стол.

– Термодинамическая система уравновешена, – заявил Шульц формально. – Принимая Вселенную за закрытую термодинамическую систему, помещенную внутрь оболочки толщиной в два миллиарда световых лет, и устанавливая параметр R_6 , рассчитанный мисс Ямазаки, мы можем определить триаду перемещения за счет обмена объемами пространства, среди которых известна любая точка Вселенной, с интервалом, определенным длиной Планка. Теперь обмененный объем входит в уравнение, используемое в предыдущей ситуации, но необходимая максимальная мощность для обмена объема, равного одному кубическому метру на расстоянии 10 миллиардов световых лет, составляет 5 гигаватт. Это, конечно, огромная мощность, но необходима специальная электростанция, но она доступна и достигаема.

Профессор Брайс подошла к ним.

– Могу я узнать, что произошло?

– Мы переделали концепцию вселенной, – сказал Дрю эмоционально. – Своеобразное функционирование машины обмена заставило нас развить модель, на которой до сих пор основывалась наука. Отныне термодинамическая система должна рассматриваться, как состоящая из толстой оболочки, внутри которой находится наша Вселенная. Оболочка и наша Вселенная могут обмениваться энергией в двух направлениях, при этом сохраняя постоянным энергетический баланс. Закон сохранения энергии сохраняется в такой модели, где оболочка является простой метафорой, позволяющей управлять термодинамикой внутри системы и заставляющей ее функционировать. С пространственно-временной точки зрения оболочка не является физической единицей, поскольку в реальности она приближается на пространственном уровне к пространственно-временной материи известной Вселенной. Это позволяет машине функционировать, потому что каждая точка нашей Вселенной является близлежащей к точке оболочки. Когда машина активизируется, пластина А приближается к близлежащей точке на оболочке, как если бы открылась некая дверь, и порождает канал перемещения, который мы назвали Коннектор. Другой его конец находится в другой точке нашей Вселенной, установленной заданными нами параметрами. Поворотный параметр, R_6 , приводит к тому, что обмен объемами между пространствами А и В может осуществляться с использованием доступного количества энергии.

Биолог поняла только в общих чертах речь Дрю, но ей этого хватило. Важно, что все функционировало.

– Мы должны дать название этой новой модели, – заметил Маррон.

– Правильно! – согласился Камаранда, гуру математических моделей. – Я предлагаю назвать ее просто *Система*. Это просто для запоминания и быстро для произношения.

– Я согласен, – сказал Дрю. – Что скажете? – обратился он к другим.

– Для меня нормально, – ответил Шульц, и другие тоже поддержали его.

– Отлично, – произнес Дрю. – Теперь все-таки всем надо перекусить! – распорядился он.

Маррон был последним, кто покинул лабораторию. На пороге двери он обернулся и посмотрел на доску, где красовалось конечное уравнение по расчету мощности. Оно было невероятно простым по сравнению с невероятными усилиями, затраченными на его поиск, и выглядело так²²:

$$P=1000 \cdot \sqrt[4]{d} + V \cdot e^{\frac{9\sqrt{d}}{-36}}$$

где:

P = мощность, в Ватт,

d = расстояние обмена, в метрах,

V = объем обмена, в кубических метрах.

Брайс уже поела, следовательно, осталась в лаборатории проверять работы своих студентов. Все остальные широкими шагами направились в университетскую столовую, измученные и голодные.

Войдя и увидев почти пустой зал, Маррон вспомнил, что, не приходя обедать в положенное время, он не может встретить Шарлен. Может, она рассердится, но он надеялся объяснить ей, что занят своим важным и секретным исследованием, и она простит его.

В столовой все еще был неплохой выбор блюд, и все хорошо поели. Они разделились на несколько столиков, чтобы сбросить напряжение этого тотального погружения в науку, проводя бок о бок несколько часов подряд. Ели они почти в полном молчании, а те немногие фразы, которыми обменивались, носили расслабляющий характер.

После неспешного обеда они вернулись в лабораторию лишь к четырем часам. В тот день они совершили революцию в науке, поэтому не было причин спешить.

Войдя, они обнаружили Брайс, которая депрессивно качала головой, оставляя многочисленные красные линии в тетрадях своих учеников. Она повернулась в сторону вошедших коллег и помахала в воздухе исписанным листком.

– По мнению этого студента, 15%-ый водный раствор хлорида натрия – это взрывоопасная смесь, если ее нагреть до 38 градусов по Цельсию при атмосферном давлении. Продукты реакции, которые он посчитал, настолько неправильные, что я даже не знаю, стоит ли позволять ему проводить дальнейшие эксперименты, предусмотренные программой курса. Я боюсь, что он начнет состязаться с одним моим знакомым специалистом по неожиданным взрывам, – подмигнула она Дрю.

Физик снисходительно улыбнулся ей и непринужденно сел на стул, перекрестив на животе руки и глядя на Брайс с безмятежным выражением внутреннего покоя.

– Профессор Брайс, Ваш студент, может, является непризнанным гением, который лишь должен найти свою дорогу, – иронично сказал он.

– Да. Дорогу... агрикультурную! – пошутила биолог. – Спокойствие, остался еще месяц учебы до экзамена, и я поздравлю его!

– Что Вы принесли, профессор? – осведомился Дрю.

– Инфузорию-туфельку, – ответила она, беря коробку с полки. – Как вы знаете, это одноклеточное животное, питающееся бактериями. Мой экземпляр имеет длину примерно в 300 микрон, следовательно, хорошо видим в портативный микроскоп, который я взяла с собой.

Она вынула прозрачный ящик из коробки. Внутри была ванночка с водным раствором.

– Это единичный экземпляр, помещенный в питательный раствор. Если обмен его не повредит, то он продолжит питаться, как обычно.

Она протянула Дрю коробку, на которую пристально смотрел Кобаяши. Японец показал на вторую машину, чтобы Дрю положил образец на ее пластину.

Они освободили зону точки В и положили под скамейку, покрытую полотенцем, чтобы принять перемещенный туда образец и избежать его отскока и падения на землю.

Не изменяя никаких параметров, Маоко произвела обмен.

Прозрачный ящик материализовался там, где они и ожидали. Маррон взял его и протянул Брайс, которая сразу же поместила ящик под микроскоп. Прищурив глаза, она несколько секунд смотрела в окуляры, потом воскликнула:

– Питается! Он отлично себя чувствует! – Она еще раз взглянула взволнованно в микроскоп. – Фантастично! И... момент... но посмотрите, какое совпадение! – она подождала еще секунду, затаив дыхание, потом воскликнула: – Он размножился! Отлично. Это явное доказательство, что обмен совершенно на него не повлиял. Посмотрите сами, – улыбаясь, сказала она Дрю.

Физик посмотрел в микроскоп, наведя фокус, и увидел две маленькие инфузии-туфельки, которые упорно барахтались в питательном растворе.

Он отошел от микроскопа, давая возможность посмотреть другим, которые хотели взглянуть на первую животную форму, перемещенную с помощью машины.

Это было историческим моментом.

Все возбужденно улыбались и поздравляли друг друга.

Этот день станет камешком в истории человечества.

– Что еще есть внутри? – спросил Дрю, показывая на коробку.

Брайс вытащила еще ящик с червяком, другой ящик с лягушкой и, наконец, клетку, внутри которой маленький хомяк бегал туда-сюда по соломенной подстилке.

– Червяк! – сказала Брайс, протягивая Дрю соответствующий ящик. Он взял его, мгновение посмотрел на красного кольчатого червя, который весело извивался.

– Хорошего путешествия, – доверительно пожелал Дрю червячку.

Обмен.

Отлично.

Червяк прибыл в нужную точку, веселый, как и прежде, к великому удовольствию экспериментаторов.

Теперь машина и теория, которая ее объясняла, заслужили полное доверие, поэтому они сразу же перешли к лягушке. Та спокойно сидела в своем ящике и успешно переместилась в точку В, подпрыгнув немного после падения на скамейку. Брайс предложила ей муху, поместив ее в ящик через отверстие, и лягушка, сразу же схватила ее, выбросив язык.

– У зверька хороший аппетит, а? – иронично заметил Дрю.

– Теперь попробуем с млекопитающими, – сказала сияющая Брайс, поднимая в воздух клетку с хомяком. – Пойдет? – спросила она у Дрю ради формальности.

Он указал ей на пластину А, и Брайс помпезно посадила хомяка на клетку.

Маоко нажала кнопку активации.

Клетка осталась, а освобожденный хомяк появился в точке В и упал на полотенце. Затем он спрыгнул со скамейки и быстро ринулся в противоположный угол лаборатории.

– Иииииииии! – резкий крик прорезал воздух лаборатории, и из шкафа выскочила девушка, бросившись к ближайшему стулу, и запрыгнула на него. Она приложила руку ко рту, продолжая кричать: – Ааааааааааааааа!

Все шокировано уставились на нее. Наконец, Дрю пришел в себя и воскликнул:

– Но кто это? – спросил он, открыв рот.

Хомяк спрятался под шкафом, скрывшись от всех, и девушка прекратила кричать.

– Шарлен! – воскликнул Маррон совершенно ошеломленно.

– Кто? – спросил Дрю.

– Ээээ... Это Шарлен. Ээээ... моя девушка, – сказал Маррон, становясь пунцовым от смущения.

– Что? – угрожающе прищурил глаза Дрю. – Твоя *девушка*? – тяжелым тоном повторил он.

– Ну да... Моя девушка, – сказал Маррон, подходя к Шарлен и помогая ей слезть со стула.

Девушка с опаской бросила взгляд туда, где прятался хомяк, а потом быстро метнулась к двери.

– И куда это вы направились, мисс? – остановил ее Дрю громким голосом.

– Я хочу уйти отсюда! Сейчас же! – вызывающе ответила ему девушка.

– Не сейчас! – преградил ей путь к двери Дрю.

Маррон был не в себе. Он приложил руку ко лбу, продолжая качать головой. Он слишком много учился и даже не знал, чью сторону принять: Шарлен или Дрю. Это было скандалом, и он чувствовал, что вся ответственность лежит на нем.

– Профессор Дрю, прошу Вас, позвольте Вам объяснить...

Дрю проигнорировал его.

– Что Вы здесь делаете? – сурово спросил он Шарлен.

– Я... – начала девушка, но смутилась и покраснела. Она знала, что поступила неправильно. – Я лишь хотела посмотреть, чем занимается мой парень, – искренне сказала она, а в голосе послышалась горечь. – Несколько дней я вижу, что его мысли где-то витают, он возбужден, задумчив. Я подумала, что он что-то скрывает и *лжет* мне! – закончила она, глядя ему прямо в глаза.

Маррон возвел глаза к небу и развел руками, пораженный.

– Что я мог сказать тебе? – попробовал он объяснить. – Мы проводим эксперименты и...

– Что Вы видели, мисс? – резко прервал его Дрю, поворачиваясь к Шарлен.

– Я... – начала она, запинаясь. – Я... видела. Я видела то, что происходило.

Все в лаборатории окружили девушку и враждебно смотрели на нее. Все кроме Маррона, который бессильно стоял в стороне.

– Хорошо, – изрек Дрю. – Теперь яичница сделана. Вы с этого момента будете частью этой исследовательской группы. Вы, я так понимаю, студентка. Студентка чего?

– Психологии, – осторожно ответила Шарлен.

– Хорошо, мисс Шарлен, студентка психологии, – Дрю посмотрел на дверь за ее спиной, чтобы удостовериться, что она хорошо закрыта. – Сегодня Вы присутствовали при эксперименте системы перемещения материи из одного места в другое мгновенным и совершенно революционным методом. Учитывая Ваше обучение в прямом смысле гуманистическое, смею предположить, что Вам неинтересны научные аспекты этого эксперимента, но я предоставлю Маррону удовольствие объяснить Вам их в случае необходимости. Феномен был открыт случайно Вашим молодым человеком при случайном использовании машины, мной сконструированной. Люди, которых Вы видите здесь, – указал он на присутствующих, – были приглашены мной ради открытия механизма функционирования машины и создания теории на его основе. И это было сделано. Сегодня мы экспериментировали с растительной и животной формами, – при этом слове «животный» Шарлен бросила нервный взгляд на шкаф, под которым прятался хомяк. – Мы обнаружили серьезные подтверждения теории. Вы находитесь среди самых блестящих светил науки. Представляю Вам профессора Шульца, физика Гейдельбергского университета.

Шарлен пожала руку профессору, который ответил ей крепким и искренним пожатием.

– Профессор математики из Райпура, Камаранда. Профессор Кобаяши, физик в области высоких энергий, из Осаки, – с каждым пожатием руки Шарлен чувствовала, как возрастают, словно полноводная река, внутри нее эмоции от присутствия среди них. – Профессор Новак, физик Университета в Осло. мисс Ямазаки, выпускница профессора Кобаяши, – Маоко осмотрела Шарлен критическим взглядом, потом с теплотой обменялась с ней пожатием. – Профессор Брайс, биолог нашего Университета, – продолжил Дрю, – а также я, профессор Лестер Дрю, физик и куратор твоего молодого человека.

– Я горжусь знакомством с вами, – взволнованно произнесла Шарлен. – Прошу вас, простите, что проникла в лабораторию и создала вам проблемы. Но постарайтесь понять меня, я не знала, что затевает Джош, и... мне просто ударило в голову. Извините еще раз.

– Что сделано, то сделано, – сказал Дрю. – Но сейчас Вы должны отдавать себе отчет в том, что все виденное Вами и все, о чем Вы еще узнаете, отныне должно держаться Вами в секрете. В абсолютном секрете, это понятно? Ректор МакКинток лично участвует в этом проекте, и он отдал распоряжение хранить секрет. Вы никогда – я повторяю: никогда – не должны ни с кем говорить об этом. Это ясно?

– Да. Ясно. Я поняла, – ответила Шарлен, все еще немного опечаленная, но гордая тем, что стала частью этой группы.

– И потом, – произнес Дрю, подмигивая ей, – психолог может быть нам полезен!

Шарлен улыбнулась, а Брайс взяла ее под локоть и потащила в сторону шкафа, где прятался хомяк.

– Хорошо, мисс аспирантка факультета психологии, Шарлен, невеста студента Маррона, в качестве знака посвящения в это секретное предприятие Манчестерского Университета Вы должны помочь мне поймать беглеца, – и она взяла в руки картон.

Шарлен побледнела.

– Ох, нет! Я не могу!

– Как Вы сказали, простите? – посмотрела ей угрожающе в глаза профессор Брайс.

– Ох... Ну... – Шарлен понимала, что это было платой за ее наглость. – На самом деле, это всего лишь маленькая... маленькая мышка... – дрожащим голосом пролепетала она.

– Это хомяк, не мышь, – язвительно поправила ее Брайс. – И многие семьи держат их в качестве домашних животных, следовательно, Вам не стоит его бояться. Возьмите картон за другой угол и приложите этими двумя сторонами к шкафу, – показала она ей, куда поставить коробку. Потом сама опустилась на пол и вытянула руку в сторону свободного края, прислонясь к стене и оставляя лишь маленькое отверстие для выхода. Затем она засунула руку под шкаф и пошарила ей, потом провозгласила: – Ах, пойман! – и медленно вытащила руку из-под шкафа, поднялась на ноги, показывая всем первого в мире млекопитающего, перемещенного с помощью машины.

Хомяк чувствовал себя преотлично, судя по его поведению.

Шарлен сделала несколько шагов назад, испуганная видом животного, несмотря ни на что.

Брайс поместила хомяка в коробку с образцами, которая уже была полна цветов для дыхания перемещенных экземпляров.

– А теперь, не хотите ли вы объяснить мне, что случилось при последнем эксперименте? – спросила она, обращаясь к коллегам.

– Все просто, профессор, – ответил Кобаяши. – В ходе проведенных с успехом экспериментов, мы не заметили, что клетка была больше объема того пространства, который машина должна перемещать. Клетка является кубом со сторонами в 8 сантиметров, а мы настраивали машину на 4 сантиметра. В результате только хомяк внутри этого объема был перемещен вместе с кусочком пола клетки. Остальное осталось на пластине А.

– Вы хотите сказать... – напряженно прошептала Брайс, – что если бы хомяк не входил в эти 4 сантиметра, была перемещена только часть животного? А другая часть осталась бы в клетке?

– Да, именно так, – подтвердил Кобаяши, даже не смутившись.

Брайс вздохнула.

– Значит, все прошло хорошо, – задумчиво произнесла она. – Однако это каждый раз риск. Понимаете, что на этическом уровне эксперименты над животными проводятся только, если нет других альтернатив. С такими вдохновляющими результатами выполненных ранее экспериментов я даже не предполагала, что что-то может пойти не так. Потому я положила клетку на пластину совершенно легкомысленно. Этот хомяк счастливчик! С той скоростью, с какой он передвигается, он мог быть в любом месте во время обмена. Я счастлива, что все прошло хорошо! – закончила она, постукивая по коробке, где зверек активно бегал туда-сюда.

Меж тем Маррон подошел к Шарлен. Он отвел ее в сторону и спросил:

– Но скажи мне кое-что. Как ты вошла в лабораторию, что тебя никто не видел?

– Я не встретила тебя на обеде, – ответила она. – И была обеспокоена. Вечером, пока я шла в библиотеку, я увидела, как ты шел в столовую в компании этих людей. Я наблюдала за тобой издали и видела, как вы вошли сюда. Я прошлась по зданию и нашла открытое окно

из туалета. Я пролезла туда и спряталась за шкафом. И видела эксперименты. Остальное ты знаешь.

– Из туалета ты пришла, – влюбленно улыбнулся ей Маррон. Он ласкал ее взглядом. – Как в полицейском фильме серии В, – весело усмехнулся он.

– Именно так, хитрюга! – насмешливо ответила Шарлен, слегка ударив по ногам.

– Господа, на сегодня хватит! – громко заявил Дрю. – Я бы сказал, что лучше и быть не может. Спасибо всем. Увидимся завтра!

Группа стала расходиться, и каждый направился в свой номер.

Закончился еще один исторический день.

Глава XV

Мидори выглянула в окно и посмотрела в невидимую даль.

Там был вишневый сад, в том парке, где она встретила своего любимого Нобору.

Близился закат, и девушка начала писать своему молодому человеку.

«Сегодня я совершенно уставшая.

Лекция по истории средневекового японского была невыносимой. Какая мне разница до той эпохи? Есть настоящее, в котором я живу. Есть настоящее, в котором я не могу встретить тебя. У меня сердце болит от тоски по тебе.

Через две недели будет экзамен по истории, а я никак не могу сосредоточиться на материале. Будет тяжело, я это чувствую. Мои родители будут задаваться вопросом, почему после хорошей университетской учебы я так заметно слетела вниз.

Нет, это несправедливо. Ни по отношению к ним, которые любят меня и надеются, что я займу хорошее положение в обществе, ни по отношению ко мне, поскольку, если я не завершу успешно учебу, я смогу выполнять только какие-нибудь унизительные обязанности, временные и плохо оплачиваемые. Почему женщину в Японии так ущемляют? Это какое-то военное общество, находящееся под властью мужчин, которые все решают, а женщинам позволяют только смотреть на прозрачный потолок, с которого они управляют нашими жизнями.

А я хочу остаться в тени.

Я выучусь, да. Выучу эту историю, да, получу диплом и стану преподавательницей, буду хорошо зарабатывать, и тогда мы сможем пожениться. Ты сойдешь с этой лодки и не будешь больше бедным. И сможешь пойти учиться, как и я, и станешь поэтом. У тебя есть талант Нобору, и ты должен получить образование».

Мидори оторвала ручку от листа и провела рукой по глазам, чтобы вытереть слезы, которые обильно текли по ее лицу. Она ужасно страдала. Но все же оставалась сильной и разумной. Она умела бороться.

Маоко взяла платочек и промокнула глаза. Страдания Мидори взволновали ее. Эта мучительная любовь лилась потоком со страниц романа и проникала ей прямо в сердце, заставляя каждый раз плакать.

Вздыхнув, она перевернула страницу, но именно в тот момент услышала стук в дверь. Едва слышный, робкий стук.

Удивленная, она взглянула на часы под светом абажура: было почти десять вечера. Кто это мог быть в такой час?

Она поднялась с кровати, положила книгу и направилась к двери. На ней не было глазка, поэтому она подкралась к ней очень осторожно.

– Да? – спросила она, не открывая.

– Новак, – последовал простой ответ.

Маоко возвела глаза к небу, вздыхая, но зажгла основной свет, открыла дверь и позволила норвежке войти. Потом она повернула в замке ключ и предложила ей последовать за ней.

Ясмин Новак явилась в светло-коричневом пальто с шотландским узором отличного пошива. Коричневая обувь на низком каблуке и волосы, собранные в хвост. Сумки не было.

Она остановилась, войдя внутрь, и подождала, чтобы Маоко вошла следом, потом начала расстегивать пальто, размеренно, пуговица за пуговицей сверху вниз. Дойдя до низа, она взяла обеими руками борта пальто на уровне груди и симметрично распахнула их.

Она была совершенно голая.

Маоко знала, что норвежцы весьма раскрепощенные, но она никак не ожидала, что настолько.

Новак распахнула борта пальто еще шире, пока оно не начало соскальзывать с плеч. Оно мягко скользнуло на спину, и, когда уже готово было упасть на пол, она взяла его в руки, сложила пополам и повесила на спинку близстоящего дивана.

Глядя в глаза японке, она протянула вперед руки, перекрестив запястья.

Маоко невинно посмотрела на нее, потом на ее запястья: на них еще остались следы веревки, обмотанной предыдущим вечером. Это доставляло ей огромное удовольствие, поскольку являлось доказательством ее обучения шибари – японскому веревочному искусству. Она занималась этим параллельно с учебой в университете, учитывая его эстетическое содержание, которое это древнее искусство представляло. Она хотела стать Наваши, маэстро. Тогда Маоко могла бы реализовать изысканную скульптуру, артистично используя веревку на изучаемом теле Новак, которая не догадывалась, что Маоко знала шибари, тем более – что она пришла сюда в качестве модели для этого вида искусства.

Нет, норвежка явно хотела чего-то другого, и она просила ее об этом с горящими глазами, обнаженным телом, которое она безудержно предлагала взору Маоко.

У нее была светлая кожа, как и подобало ее происхождению, и светлые волосы, которые рассыпались по плечам в простой стрижке «каре». Лицо было слегка подкрашено, зажимая светло-голубые правильно посаженные глаза, обрамленные светлыми ресницами и пастельными тонами теней. У нее был маленький немного вздернутый нос, тонкие светло-розовые губы без помады. Правильный подбородок с небольшой впадиной вместе с линией губ создавали дерзкое выражение. Скулы едва прослеживались, а щеки были подтянутые и гладкие. Уши были маленькими и правильно очерченными, а шея, длинная и стройная, отлично гармонировала с лицом.

Плечи были пропорциональны фигуре женщины ростом примерно метр семьдесят, а подтянутое телосложение показывало, что она регулярно занимается спортом.

Грудина и ребра рисовали совершенную фигуру, с небольшой и очень женственной грудью, которая вела к тонкой и чувственной талии. Живот был подтянут явно тренировками на велосипеде или бегом. Ноги выглядели не менее прекрасными: пропорции голени и бедра были идеальными и демонстрировали потрясающую мускулатуру бедер и икр. Узкие лодыжки довершали эту завидную картину.

Маоко посмотрела на длинные худые руки, в тонусе, как и все остальное, дойдя до тонких и изящных пальцев. Она взяла в руки узкие перекрещенные запястья и повела ее за собой к кровати.

– Сними обувь, – спокойным, но суровым голосом сказала она.

Новак подчинилась, потом Маоко встала сзади и заставила Новак встать на колени на кровати в самый ее центр. Она взяла ее за руки и завела их за спину, скрестив запястья рукой.

– Разведи колени, – снова приказала Маоко.

Новак подчинилась.

– Еще, – добавила Маоко.

Новак развела ноги еще больше, вытянув их.

– Хорошо, – сказал Маоко. Колени были на расстоянии метра друг от друга.

– Подними грудь и голову. И смотри вперед.

Норвежка выпрямилась, в том числе с помощью рук, вытянутых назад, которые Маоко все еще держала скрещенными в запястьях.

Она гордо подняла голову и уставилась перед собой.

– Не двигайся, – приказала японка.

Она медленно отпустила руки и отошла от кровати. Новак не двинулась ни на миллиметр.

Маоко подошла к шкафу, стоящему за Новак, а следовательно, вне поля ее зрения, и взяла желтый *шарфик* из тонкого шелка, вернулась к кровати и обмотала *шарфиком* два раза

перекрещенные запястья норвежки. Первый узел был простым. Она затянула его и подкрепила связку вторым узлом.

Новак ровно дышала в ожидании, аккуратно сохраняя позу, которую ей приказала принять Маоко.

Пижама Маоко состояла из кофты и длинных штанов белого цвета с персонажами *Kawaii*²³. Она сняла пижаму и осталась в нижнем белье белого цвета.

Затем вернулась к шкафу и из сумки из лаборатории вытащила пару латексных перчаток. Она надела их с громким шелчком. Потом легкими движениями села на кровать на колени, сзади Новак. Положив руки на лодыжки норвежки, чтобы еще лучше зафиксировать ее позу, она положила также и ее руки на лодыжки. Новак поморщилась и издала едва слышный стон, но сразу же взяла себя в руки, оставаясь неподвижной.

Симметричными движениями Маоко провела руками по бокам, поглаживая их. Они были упругими и твердыми. Потом она стала подниматься выше по спине, проводя пальцем по позвоночнику. Продвигаясь вдоль позвоночника, она проводила пальцем по каждому позвонку, а затем по каждому ребру, надавливая на них с одинаковым усилием, что стимулировало чувствительность каждой кости, а Новак покрывалась мурашками. Холодный пот покрыл ее лоб и спину, но она, сжав зубы, не двигалась. Маоко улыбнулась про себя, оценив реакцию норвежки, а также ее самоконтроль.

Руки добрались до основания шеи. Она интенсивно повторяющимися движениями стала массировать шейные позвонки, лопатки и, по-прежнему надавливая на кожу, протянула руки вперед, к грудной клетке. Медленно-медленно она провела ими вверх, собрав в ладони грудь. Когда указательные пальцы Маоко натолкнулись на соски, она небрежно, с тем же давлением, проследовала дальше, с силой вжав их внутрь. Потом она шире отвела указательные пальцы от среднего, позволив соскам вернуться в исходное положение. Они стали жесткими и возбужденными, и Маоко прекратила возбуждать их. Несколько секунд она оставалась без движения, изящно держа их. Новак была покрыта потом и прерывисто дышала, напрягшись до предела. Японка медленно сжала указательный и средний палец, сжимая соски. Норвежка расширила глаза и раскрыла рот, не в силах сдержать стон.

– Ооооох!

– Молчи! – приказала ей Маоко.

Новак замерла с раскрытыми глазами и ртом, продолжая покрываться потом.

Японка медленно раскрыла пальцы, оставляя соски, которые были сдавлены у ореолы, где пальцы сжимали их. Они эластично вернулись к изначальному размеру за несколько секунд.

Маоко подождала несколько мгновений, потом снова сжала их. В этот раз сильнее, почти до конца зажимая пальцы. Новак резко закрыла рот и сжала зубы, задержав дыхание, но не издав не звука. Маоко выпустила соски, и им потребовалось чуть больше времени, чтобы вернуться к исходному состоянию. Подождав еще немного, она снова сжала пальцы с еще большей силой. Она держала их так несколько секунд, пока Новак оставалась напряженной с расширенными глазами и с побелевшими от напряжения губами.

В конце концов, Маоко начала постепенно раскрывать пальцы, миллиметр за миллиметром, и соски оставались сжатыми несколько секунд. Малу-помалу они вернулись обратно, пока норвежка обливалась потом, а к тонким жилам возвращалось болезненное кровообращение.

Маоко оставила в покое ее грудь и скольльзящим движением спустилась к бедрам и бокам, проведя руками по тонкой талии, остановившись там, откуда она начинала.

Несколько мгновений она дала ей отдохнуть.

Дыхание Новак стало ровным, а пот начал высыхать.

Тепло комнаты в тот мартовский вечер было комфортным для этого обнаженного тела. Свет абажура на прикроватном столике был белого холодного цвета, подходящий для чтения благодаря увеличенному контрасту с печатными страницами, в то время, как люстра в центре

комнаты излучала теплый желтый свет. Бледное тело Новак равномерно окрашивалось желтым, приобретая теплый и приятный оттенок, а белый цвет абажура падал на три четверти сзади, создавая тени между лопатками и ягодицами. Неподвижная норвежка являла собой скульптуру в музее, освещенную точечными светильникам. Она была прекрасна.

– Теперь посмотрим, – сказала сама себе Маоко с насмешливой улыбкой.

Она медленно провела руками в сторону живота, держа сжатыми пальцы. Она не нажимала, а лишь слегка касалась поверхности, чтобы чувствовать пальцами мускулы, которые поддерживали живот. Она неумолимо продвигалась к паху, а Новак снова начала покрываться потом и с трудом дышать, оставаясь в неподвижной позе. Она поместила средние пальцы каждой руки в соответствующую паховую складку и соединила пальцы над влагалищем, держа поднятыми указательные пальцы. На полминуты она застыла в таком положении, а норвежка за это время сделала только несколько вдохов: ее сердце быстро пульсировало с такой мощностью, что Маоко могла слышать его удары в грудной клетке. Она опустила указательные пальцы на влагалище и аккуратно начала расширять большие половые губы. Сквозь тонкую кожу чувствовалось тепло тканей, влажных от возбуждения. Она расширила губы, пока вход во влагалище не раскрылся полностью. Новак была объята спазмами, сердце неконтролируемо билось, как сумасшедшее. Она ощущала себя распростертой, беззащитной, и испуганно ощущала, как воздух вливается в открытое влагалище и циркулирует внутри, еще более холодный, усиливая ощущение уязвимости, которое она испытывала. Она не знала, что будет дальше, но по-прежнему оставалась неподвижной.

Маоко держала ее в таком положении целую минуту, связанную и неподвижную, полностью покрытую потом, с застывшей на лице маской, в самой интимной позе, открытой и оставленной на обозрение миру.

Неожиданно Маоко отпустила указательные пальцы, позволив половым губам резко сомкнуться: они издали резкий влажный звук, похожий на шлепок руки о мокрую поверхность. Она убрала руку от половых органов Новак и сняла перчатки, вывернув их наизнанку. Потом она слезла с кровати и пошла выбросить их.

Норвежка не двигалась.

Маоко вернулась на кровать и развязала запястья, кладя шарфик на тумбочку. На руках не осталось никаких следов, поскольку они были лишь ненадолго слегка связаны. Новак по-прежнему оставалась совершенно неподвижной, как и во время того, когда ее руки были связаны.

– Сядь на корточки, – приказала Маоко, кладя ей пальцы на бока и глядя на нее. Норвежка выпрямилась из своей позы, руки свободно висели вдоль боков.

Маоко взяла с кровати подушку и положила ее на диван.

– Укладывайся, – сказала она. Она взяла ее за плечи и помогла лечь животом вверх.

Взяв ее за запястья, она положила руки на голову так, чтобы они находились на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга ладонями вверх. Потом она дала ей в руки *шарфик*.

– Сожми его. И смотри в потолок, – сказала она. – Раздвинь, – попросила она, положив руки на бедра, и развела ей ноги почти на шестьдесят сантиметров, повернув ступни в сторону кровати.

Японка вернулась к шкафу и надела другую пару перчаток, потом пошла на кухню и взяла из ящика пару палочек для еды²⁴.

Новак из-за угла выглянула на Маоко, но как только та вернулась, норвежка устремила взгляд в потолок.

Японка села на диван справа от Новак и оценивающе посмотрела на нее. Начиная с ног, она поднималась все выше по ногам, прошла по паху, животу, груди, лицу, добравшись, наконец, до рук с *шарфиком*. Пот полностью высох. Еще раз убедившись, что Новак смотрит в потолок, она склонилась над влагалищем.

Большим и указательным пальцами левой руки она развела половые губы непосредственно вблизи клитора. Орган показался из крайней плоти. Он был маленьким, но хорошо видным, розового цвета и напряженный от возбуждения. Маоко взяла палочки в правую руку и пару раз свела их кончики, в результате чего послышался сухой деревянный щелчок, потом она поднесла их к влагалищу и сдавила ими клитор, словно это была какая-нибудь креветка.

Она сжала их немного, чтобы хорошо закрепить, и остановила руку в таком положении. Клитор был зажат между палочками, словно в щипцах. Она посмотрела на лицо Новак. Она продолжала пристально смотреть на потолок, но глаза ее расширились, а лоб покрылся потом. Губы были полуоткрыты и словно говорили молчаливое «охххх».

Удовлетворенная самоконтролем норвежки, Маоко с большим вниманием подвигала кончиками палочек, описывая круг против часовой стрелки, деформируя клитор. Движение составляло всего несколько миллиметров, но шесть тысяч нервных окончаний, что находятся в органе, породили волны удовольствия в мозгу норвежки.

Новак ахнула, а ее пресс заметно дернулся.

– Контролируй себя! – прошипела Маоко.

Норвежка замерла, потом медленно расслабила пах и с силой сжала шарфик в руках, сделав из нее отдушину для крайнего напряжения, ее охватившего.

Японка продолжила три круговых вращения по часовой стрелке, потом три против часовой стрелки, чтобы сбалансировать стресс клитора. Во время этого Новак полностью покрывалась потом. Она сильно сжимала шарфик, чтобы лучше себя контролировать, и ее напряженные бицепсы были явным доказательством ее напряжения.

Маоко без остановки продолжала круговые вращения против и по часовой стрелке. Клитор уже стал темно-красного цвета и совершенно возбужденным.

Через пару минут Маоко увидела, что лицо норвежки стало пунцовым, а дыхание учащенным. Брюшной пресс непроизвольно сжимался, а изо рта Новак вырывалось мычание, громкость которого увеличивалось. Она была на грани оргазма, и тогда Маоко неожиданно развела палочки и отпустила клитор. А также половые губы, которые закрылись.

– Аааааах, – простионала Новак носовым голосом из-за того, что возбуждение неожиданно прервалось. Она была разочарована и встревожена тем, что ей не позволили дойти до кульминации. Она подняла голову и гневно взглянула на Маоко, сидящую на своем месте.

– Хорошо! Вниз! – крикнула она, кладя руку на лоб и заставляя лечь обратно.

Новак вернулась в исходную позу. Сердито хмыкнув в знак протеста, она расслабилась и снова уставилась в потолок, взяв *шарфик*. Лицо вернулось к нормальному цвету, а пот быстро высыхал.

Маоко немного подождала. Когда Новак стала достаточно спокойной, она положила ей левую руку на пах и начала гладить его легкими круговыми движениями, отмечая гладкую кожу и мышцы в тонусе. Новак успокоено закрыла глаза. Она ровно дышала, спокойная, вдыхая носом и выдыхая через полуоткрытый рот. В состоянии полудрема она даже расслабила руку с *шарфиком*.

В этот момент Маоко аккуратно ввела средний палец правой руки во влагалище, держа руку ладонью вверх. Норвежка, казалось, не отреагировала. Тогда Маоко добавила туда указательный палец и надавила его немного вверх. Новак открыла глаза, взгляд ее был пустым, почти отсутствующим. Маоко надавила еще немного, и безымянный палец и мизинец ее маленькой руки также вошли во влагалище. Новак все больше открывала глаза по мере того, как Маоко вводила руку внутрь нее. Странно, но она не начала покрываться потом, а только бледнеть, пораженная неопишутыми ощущениями, которые испытывала.

Рука Маоко продолжала продвигаться по вагинальному каналу, который покрывался смазкой от возбуждения, и большой палец тоже вошел внутрь. Вход во влагалище раскрылся

и сомкнулся вокруг руки, расширившись по максимуму, примерно на восемь сантиметров. Надавив еще, Маоко полностью ввела туда руку, и влагище сомкнулось вокруг ее запястья.

Теперь Новак словно онемела. Веки ее закрылись, и она не показывала никаких видимых реакций. Она, казалось, полностью отдалась во власть это самой интимной части своего тела, полностью выражая его признание.

Широкими движениями Маоко начала гладить пах, чтобы успокоить его. Она остановила левую руку в центре живота и слегка нажала на него, а потом подвигала внутри норвежки указательным и средним пальцем навстречу передней стенки влагища. Она медленно и долго двигалась по кругу, исследуя костяшками пальцев внутреннее пространство, пока наконец не нашла то, что искала. Шероховатая зона, размером не больше монетки, расположенная на симметричной оси влагища. Новак имела точку G²⁵, и Маоко ее нашла.

Норвежка отреагировала незамедлительно.

– Аах! – воскликнула она громко, хватая шарфик и сдерживая пресс.

Маоко ее даже не отругала. Она начала водить пальцем по точке G туда-сюда, слегка нажимая и поддерживая ритм в одну секунду. Другой рукой она надавливала на паховую область, чтобы зафиксировать ее. Новак начала поднимать голову от кровати, сжимая тело и открыв рот в виде буквы O, а с губ срывался стон «Оооох...». Она оставила шарфик и вытянула руки, положила их на матрас и с силой сжала. С каждым движением пальца внутри нее норвежка поднимала и опускала голову и тело.

Маоко продолжала стимулировать точку и позволяла Новак свободно двигаться. Это было именно то, чего она хотела: она довела ее до этого состояния, чтобы она взорвалась в оргазме, который может испытать женщина.

Теперь лицо норвежки исказилось и стало красным и покрытым потом. Красным была также шея, на которой вздулись пульсирующие артерии. Вместе с сухожилиями, бьющимися в спазмах, они представляли собой хороший материал для уроков анатомии каждый раз, когда она поднимала грудь. Тело блестело от пота, а под пахом на простыне расплывалось пятно вагинальной жидкости.

Маоко согнула немного пальцы и, вместо того чтобы использовать подушечки, как она это делала до сих пор, она начала проводить по точке G ногтями. Это были ногти ученой, привычной проводить ручные работы: средней длины и не острые. Она решительно провела ими по чувствительной плоти Новак, еще и еще, пока та спазматически сжимала матрас и задыхалась. Несколько секунд спустя норвежка неожиданно откинулась назад и со всей силы дико закричала.

Маоко была начеку и сразу же закрыла ей рот левой рукой, чтобы этот пугающий звук не вырвался из ее квартиры.

Пресс Новак напрягался и расслаблялся в бешеном темпе с разрушительной энергией того оргазма, который она никогда в своей жизни еще не испытывала. Крик продолжался, подавляемый рукой японки.

Маоко ждала.

Спустя несколько секунд сокращения мышц тела Новак начали уменьшаться. Крик почти прекратился, и норвежка медленно опустила голову на кровать. Она отпустила матрас и вытянула руки вдоль тела. Маоко убрала руку от ее рта и продолжила гладить пах. Очень аккуратно она начала убирать правую руку из влагища. Рука легко выскользнула из канала, покрытого вагинальной жидкостью и имеющего растянутую стараниями Маоко мускулатуру. Через несколько секунд Маоко окончательно вытащила руку и проверила, что перчатка не порвалась даже там, где она использовала ногти. Это ее удовлетворило, потому что для всех японцев гигиена является основой любой практики, и они неотступно ей следуют.

Она посмотрела на Новак. Та лежала на кровати с отсутствующим взглядом, обращенным к потолку. Дыхание успокаивалось, лицо постепенно возвращалось к нормальному оттенку,

пот быстро высыхал. Через минуту она спокойно заснула с полуоткрытым ртом и головой, слегка склонившейся вправо.

Маоко аккуратно слезла с кровати, чтобы не разбудить ее. Она выбросила пару перчаток, погасила основной свет и одела пижаму. С крайней осторожностью она достала покрывало и укрыла им норвежку, чтобы та не замерзла. Потом она подошла к шкафу и взяла с полки плед. Включив лампу на прикроватном столике, она направилась к дивану. Там она растянулась на боку и укрылась пледом.

Несколько минут она задумчиво смотрела в темноту, а потом заснула.

Глава XVI

Дрю покинул лабораторию вместе с остальными и направился в сторону дома. Стояла почти непроглядная темнота, и ему хотелось только отдохнуть и завершить этот адский, хоть и успешный день. Спокойствие и скромная жизнь зрелого преподавателя физики неожиданно перевернулась этим невероятным открытием. За последние дни он пережил невероятные события в ускоренном ритме, а грандиозность событий усиливала эмоции. Он за всю жизнь не переживал ничего подобного.

Когда он шел по переулку, взгляд его случайно упал на строение, где находился кабинет ректора.

«Надо рассказать ему» – подумал Дрю.

И хотя он был очень уставшим, Дрю направился в его сторону. Свет проникал из окна МакКинтока. Дрю прекрасно знал, что тот часто работал сверх рабочих часов. Мисс Уоттс уже давно ушла, поэтому Дрю постучал непосредственно в дверь кабинета ректора.

– Войдите, – ответил тот уставшим голосом. – Эх, это ты, Дрю! Входи, друг мой, – и это «друг мой» было искренним, как заметил Дрю. Может, МакКинток и не был только управленческой машиной, работающей в поисках денег. Или да? В этом случае, это редкое дружеское обращение было бы только благодарностью за огромный заработок, который ректор получит от открытия Дрю и Маррона, и которые еще надо будет обсудить.

Конечно, доходы пошли бы в Университет, но МакКинток был идеалистом, и сделать организацию, которой он управлял, процветающей было смыслом его жизни. До такой степени, что он буквально идентифицировал себя с Университетом, а значит, благополучие Университета было его благополучием. Именно поэтому он работал там, хотя все уже ушли домой, занимаясь управленческими вопросами, которыми можно было бы с тем же успехом заняться следующим утром, но ректор хорошо знал, что завтра могут произойти какие-нибудь неприятности, а это, как в цепной реакции, породит новые проблемы, поэтому лучше ничего не оставлять на потом.

– Мы сделали это, МакКинток, – сообщил Дрю пылко. – У нас есть базовая теория, и мы можем определить энергию, нужную для Обмена на разных расстояниях и для разных объемов.

– Отлично! – оживился ректор. – И как далеко мы можем пойти?

– Повсюду, – просто ответил Дрю, садясь.

– То есть в Пекин, в Москву, в Анкоридж? Куда хотим?

– Туда и еще дальше.

– То есть как еще дальше? – пришел в замешательство МакКинток. Он мгновение подумал. – На Луну? – иронично спросил он.

– На Луну – не проблема для этой машины, – безмятежно ответил Дрю. – Обмен может быть произведен с любой известной точкой Вселенной.

МакКинток не имел ни малейшего представления, насколько огромна известная Вселенная, поскольку не знал саму Вселенную. Для него Луна и планеты солнечной системы и были всей Вселенной, которую он знал.

– Вселенная огромна, МакКинток. На данный момент считается, что ее размеры составляют примерно девяносто три миллиарда световых лет. Представь сферу такого диаметра.

МакКинток с глупым видом посмотрел на него. Что он мог знать о световых годах?

Дрю понимал, что должен объяснить. Он не хотел, но было надо.

– Световой год – это расстояние, которое луч солнца проходит за год. Поскольку луч несется со скоростью примерно триста тысяч километров в секунду, за год он пробегает более девяти тысяч миллиардов километров.

МакКинток вытаращил глаза. Девять тысяч миллиардов километров. Расстояния, которыми он привык мыслить, были те, которые он проезжал на автомобиле. Десять километров. Сто, двести. Или чуть больше.

Девять тысяч миллиардов километров. Он не мог представить себе подобной дистанции.

– Хорошо, – продолжил Дрю, с улыбкой наблюдая недоумение ректора. – Как мы знаем, Вселенная в девятьсот три миллиарда раз больше этих девяти тысяч миллиардов километров, следовательно, больше восьмисот тысяч миллиардов миллиардов километров.

МакКинток смотрел на Дрю пустым взором.

– Не переживай, МакКинток. Я тоже не могу представить себе такую дистанцию. Никто не может. Это нечеловеческое расстояние. Важно то, что на математическом уровне это такое же число, как все остальные, а потому поддается обработке. И что еще более важно – это то, что с нашей машиной мы сможем изучить любую область нашей Вселенной, какую захотим. Это важно. Подумай о научном прогрессе. Обо всех жемчужинах знания, что нас ждут. Это невероятно, что именно мы это открыли, но это успех, и я безмерно счастлив жить в этой новой эре, которую мы открываем.

МакКинток молчал. Он должен был переварить то, что услышал. Он чувствовал себя угнетенным грандиозностью этих дистанций, этих скрытых знаний, о которых говорил Дрю. Он словно был раздавлен под этой массой, что на нем стояла.

– Но... На уровне повседневного применения? – нерешительно спросил он.

– Ах, действительно! – ответил Дрю. – Могут быть созданы маленькие машины, которые позволят применять их в медицине. С их помощью можно будет удалить из тела злокачественные опухоли без нарушения целостности тела. Биопсия станет простым сеансом, ничего травматичного. Подумай, что это значит. Достаточно будет настроить машину на нужные координаты в пространстве, форму и размеры того, что нужно вырезать, активировать кнопку – и этот участок тела окажется вне его. А вместо него туда будет внедрен физиологический раствор или что-то вроде этого. Я не медик, потому не могу говорить о деталях. Об этом подумают специалисты.

Он намеренно опустил вопрос перемещения живых существ, надеясь, что ректор не вспомнит об этом.

Наивный.

– Скажи мне, Дрю, – насел на него МакКинток испытующе, – насколько могут быть большими перемещаемые объекты?

«Ах» – подумал Дрю, догадавшись о последствиях.

– Ну, – уклончиво сказал он. – Пока мы еще не знаем до конца, – и это было правдой. – Нужно создать большую машину и посмотреть, что удастся сделать, – и это тоже было правдой. Он сжал кулаки на коленях, спрятанных под столом. Ему не нравилось лгать, поэтому он пребывал в страшном затруднении.

– Ах, понимаю, – медленно и серьезно произнес ректор. Он хорошо знал людей и понимал, когда собеседник что-то скрывает. – Случаем, – небрежно спросил он, – вы не проводили эксперименты с живыми существами?

«Спокойной ночи», – сказал сам себе Дрю, решив предпринять последнюю попытку.

– Почему ты спрашиваешь? – попытался он.

– Из любопытства, – ответил МакКинток мрачно. – Из окна я видел Брайс, шедшую с коробками, и спросил себя, нет ли там подопытных кроликов для твоей лаборатории. Знаешь, у меня было ощущение, что там, в этих коробках, происходило какое-то движение. Что скажешь?

– Ладно. Нельзя ничего скрыть, МакКинток, – сдался Дрю. – Мы провели эксперименты по обмену растений и животных, и все прошло отлично, по крайней мере, как мы заметили, – он сдержал глубокий вздох. – Я не хотел скрывать этого, но хотел иметь время для дальнейших экспериментов, прежде чем делать выводы.

– Понимаю, – в этот раз ректор кивнул с пониманием и оценкой правильности действий Дрю. – Однако, в теории, *теоретически*, ты думаешь, было бы возможным перемещать людей? – спросил он, глядя в глаза физику.

Дрю не умел изворачиваться, поэтому не стал темнить:

– Да, в теории, да. Когда у нас будет подходящая машина, когда мы проведем с ней необходимые эксперименты, и если будет законная возможность сделать это, мы сможем перемещать людей, – заключил он на одном дыхании.

МакКинток был доволен. Усталость дня исчезла, будто ее унесло дуновение ветра. Он поднялся на ноги и повернулся к письменному столу. Потом протянул руку Дрю и горячо пожал ее.

– Потрясающе, друг мой. Невероятно и потрясающе, – похвалил он его искренне.

– Спасибо, МакКинток. Теперь, однако, я пойду домой. Я совершенно изнурен. До завтра.

– Пока, Дрю. До завтра, – попрощался с ним ректор, глядя, как он, немного сгорбленный, выходит из кабинета.

Дрю пришел домой и сразу отправился в душ.

Крайнее напряжение дня смывалось вместе с грязными струями, и он вдруг почувствовал волчий голод. Его сестра уже приготовила ужин, что соответствовало такому совершенному и пунктуальному человеку, как она, и они вместе принялись поглощать ужин, болтая о том, о сем.

– Как поживает твоя подруга из Лидс? – осведомился Дрю. – Ты теперь ездешь к ней каждые выходные. Видимо, у вас масса общих интересов! Кстати, как ее зовут?

Тиморина приподняла правую бровь, удивленная таким неожиданным интересом к ее личной жизни. Очень редко Дрю спрашивал ее что-либо, касающееся ее лично, поскольку был полностью погружен в свою работу и исследования.

Она удивилась, но заметила, что в тот вечер брат пребывал в достаточно эйфорическом состоянии.

– Сегодня ты весел, Лестер, – заметила она. – С чего бы это?

– Отличные результаты в исследовании. А такое случается нечасто, – объяснил он, не углубляясь в детали. – А твоя подруга?

Тиморина поняла, что Дрю хочет лишь поболтать, и его энтузиазм в ее отношении порожден лишь внутренней радостью от успеха в исследовании, о котором они говорили.

– Дженни – человек, каких мало, – начала она, улыбаясь. – Я встретила ее на одной художественной выставке несколько месяцев назад. Оказалось, что у нас много общих любимых авторов, поэтому я решила продолжить общение с ней. У нее есть несколько ценных картин и замечательная коллекция книг по теме. Когда мы встречаемся, то всегда находим детали, о которых поговорить. Уверю тебя, что для увлеченных искусством каждая картина предлагает многочисленные темы, детали, которые раньше не замечал, а вот теперь они вдруг возникли перед глазами. Мы начинаем анализировать детали, и нам нравится обсуждать соответствующие аспекты. Это может быть техника, цель художественной особенности, состояние души автора. Это истинное удовольствие разговаривать с ней. Она образованная и умная, очень интересный человек, – закончила она, контролируя интонацию своего голоса.

– Однако! Поздравляю! – порадовался за нее Дрю. – Очень ценная дружба. Я счастлив за тебя, – произнес он, накаливая последнюю картошку на вилку и поднимая ее в воздух. – Почему же ты не пригласишь ее к нам в следующий раз? У нас тоже есть несколько красивых картин, чтобы показать ей, – сказал он, отправляя в рот последний кусок картошки.

– Наши картины не относятся к тому типу, который мы обсуждаем, – соврала чистосердечно Тиморина. – Когда мы перейдем к экспрессионизму, тогда и приглашу ее. У нее есть

также хорошая коллекция и этого стиля. Посмотрим, – по-прежнему улыбаясь, проговорила она.

Никогда бы она не сказала ему о Клиффе. Она безумно была влюблена в этого мужчину, с которым познакомилась в музее, и ей казалось, что если она о нем расскажет, это разрушит картину чистоты и совершенства, которую имел о ней ее брат. Она не знала, как вести себя с ним, потому что если это был первый раз за все ее пятьдесят лет, когда она была так влюблена, то она могла бы поделиться этим счастьем со своим братом. Они всегда жили вместе после смерти родителей, и не было ни одного дня, когда Лестер остался бы без ее заботы о нем. Он был рассеян, да, всегда думал только о своей физике, но он постоянно демонстрировал ей словами или поведением, как она совершенна, важна и необходима ему. Как она могла что-то скрывать от него?

Но пока лучше так. Она боялась, что если она раскроет так быстро свою историю любви, всего лишь через несколько месяцев после ее начала, то потерпит неудачу, и это будет еще более страшной трагедией. Для нее, прежде всего, для ее образа и для ее брата, которому она не хотела причинять беспокойство.

Она не хотела думать о строгом религиозном воспитании, лживом и репрессивном, в котором она жила. Ей было внушено не смотреть и не думать о молодых людях, потому что «они – источник греха и падения». Но она это сделала, или должна была сделать, пока ее одноклассницы флиртовали с мужчинами у нее на глазах, образовывали пары, расставались, обменивались партнерами и, становясь взрослыми, женились и создавали семьи. А она не смогла. В шестнадцать лет один парень заставлял ее сердце биться сильнее. Она ночами плакала в своей кровати, отчаянно прижимая к себе подушку, будто прижимала его, заливая ее слезами в полной тишине. Потому что она не должна была позволить услышать рыдания своей матери, которая легким сном спала в соседней комнате. Несколько дней спустя этот парень связался с ничтожной блондинкой из другого класса, моложе на год. Когда Тиморина узнала об этом, это стало для нее ужасным ударом. Она не смогла поймать момент, и какая-то другая девушка сделала это вместо нее. А теперь было слишком поздно, и злость овладела ей. Она повернулась спиной к миру, к родителям, к себе самой. Целые дни она пребывала во власти внутреннего гнева, сосредоточившись на учебе и гимнастике, которой занималась. Когда же буря закончилась, она решила никогда больше не смотреть на мужчин, потому что это могло бы причинить ей новые страдания, новое разочарование и отчаяние. Нет, хватит с любовью, хотя она ни разу еще не занималась ей серьезно.

Она стала преподавателем гимнастики и начала свою карьеру в одной общественной школе. Она умело игнорировала и отклоняла годами все предложения и построила себе отличную репутацию старой девы. Ее не тяготило одиночество. У нее был брат, о котором она заботилась, заслуживая его уважение, а также дом, который требовал ее внимания.

В тот день в музее Лидс, случилось то, что, она думала, никогда не может произойти. Она рассматривала картину, на которой был изображен морской пейзаж, когда один господин лет пятидесяти встал рядом с ней перед картиной, рассматривая изображенную сцену и комментируя ее глубоким голосом, словно разговаривая с самим собой.

– Эта голубая вода, которая рассеивается в отблесках заката, потрясающая.

Тиморина удивленно повернулась к нему. Она думала в точности то же самое.

– Есть нечто в технике, что ускользает от меня, – неосознанно ответила она.

– Мне кажется, это масло. Возможно, он просто добавил какие-то необычные пигменты, – размышлял мужчина в голос, держась за подбородок правой рукой и кладя левую руку на живот, согнув ее в локте.

– Возможно, – ответила Тиморина. – Однако эффект необычен. Видите здесь? – приблизилась она к картине, показывая на точку. Он тоже подошел ближе и посмотрел туда, куда она показывала. – Рядом с лодкой оттенок слабее. Если бы это был масляный пигмент, думаю, он

был бы использован на всей области моря, в то время как лодка, касающаяся заката, кажется самостоятельным пятном.

Мужчина с восхищением посмотрел на нее.

– Вы правы. Я и не заметил, – ответил он с энтузиазмом. – Вы специалист, кажется. Мои Вам комплименты. А что Вы думаете о пляже?

Они начали живую дискуссию о картине, обсуждая технику, период, к которому она относилась, психологию художника, качество холста и даже освещение того крыла музея, которое они считали недостаточным для правильного наслаждения картиной.

Через два часа смотритель музея пригласил их к выходу, потому что музей закрывался. А они до сих пор даже не представились друг другу. Но после такого разговора мужчина протянул ей руку:

– Клифф Брэндон. Для меня это было удовольствием.

– Тиморина Дрю, – ответила она, горячо пожимая ему руку. – Для меня это тоже было удовольствием.

– Я так проголодался! – сказал он, открыто улыбаясь.

Она смотрела на него и не могла не наслаждаться его искренним и симпатичным лицом.

– Я тоже страшно проголодалась, – весело ответила она.

Полчаса спустя они сидели в итальянском ресторане, находящемся недалеко от музея, и наслаждались огромными порциями лазаньи. Они продолжили говорить об искусстве, а потом неосознанно начали говорить о себе. Он был одиноким, разведенным много лет назад, без детей. Жена оставила его ради другого после долгих лет брака, потому что «ей нужны были новые стимулы», как она сказала.

Тиморина удивленно приподняла брови, задаваясь вопросом, как можно оставить такого симпатичного мужчину, и она вдруг поняла, что, несмотря на то, что они только что познакомились, она чувствовала себя с ним на одной волне. Тепло наполняло ее изнутри, а руки почти начали дрожать. Она никогда не испытывала ничего подобного раньше, и потому бросила на ветер свою клятву целомудрия. С легкой улыбкой она посмотрела ему в глаза.

– Ты далеко живешь? – напрямую спросила она.

– А я не знал, как спросить это у тебя, – ответил он. – Мне так хорошо с тобой, что...

– Шшшшшш, – прервала его Тиморина, поднося указательный палец к губам и заставляя его тем самым замолчать. Она поднялась и направилась к кассе. Но он поспешил обогнать ее, чтобы оплатить счет.

Примерно час спустя, примерно в полдевятого вечера, их одежды упали на пол возле кровати Клиффа, а Тиморина попрощалась со своей девственностью.

Вспоминая тот роковой вечер несколько месяцев назад, Тиморина почувствовала сильное напряжение, но постаралась скрыть его от своего брата. Частично она сказала ему правду – о музее, живописи, разговорах о технике картины. Единственное, что было неправдой – это человек, который ее интересовал. Теперь она будет сдерживать себя. Позже, возможно, если все сложится, она расскажет все брату.

Она поднялась и начала убирать со стола. Дрю помог ей, а потом направился к своему креслу. Он уже собирался сесть, как вдруг передумал.

– Слушай, ты не против, если я выпью пива?

– Нет, что ты! Только не задерживайся долго. И не пей много, – предупредила она.

– Не волнуйся, – ответил он нежно.

Дрю направился в свою комнату и быстро надел спортивный костюм. Потом спустился вниз и попрощался с сестрой.

– До скорого, пока!

– Пока.

Как только дверь закрылась за Дрю, Тиморина села в кресло. С улыбкой во все лицо она взяла трубку телефона и набрала номер.

Она звонила Клиффу.

Дрю направился в свой любимый паб. Он располагался на узкой улочке недалеко от Университета, и Дрю каждый раз шел до него пешком, чтобы подышать воздухом этого старого деревянного заведения с жесткими скамейками и пивными кружками. Ему нравился его старый стиль с тусклым светом в теплых тонах прошлого века. Посетителями в основном были зрелые мужчины, как и он, но иногда приходили некоторые молодые пары, которые ценили хорошее пиво, выпиваемое правильным способом и в правильном месте.

Воздух был свеж, и Дрю вдыхал его полной грудью, с каждым шагом набираясь новых сил. Он обожал свой Манчестер, он был частью этого города и чувствовал, что город является частью его.

И что за встречу приготовил ему его Манчестер?

Шульца, который шел ему навстречу, потеряно глядя вокруг себя, передвигаясь вразвалочку. Когда он проходил под фонарем, его фигура немецкого воина появилась из тени, словно робкий обитатель мрака, чтобы через несколько метров вновь скрыться в темноте.

Дрю весело усмехнулся над комичностью момента. Он помахал рукой и крикнул:

– Дитер! Друг мой!

Шулец посмотрел в его сторону и прищурил глаза.

– О! Дрю! – узнал он его через мгновение. – Друг мой, я так счастлив видеть тебя! Я ищу какое-нибудь симпатичное местечко, чтобы поужинать, но никак не могу сориентироваться. Что посоветуешь?

– Никаких советов, только приглашение! Я иду в мой любимый паб, а там также готовят отличные блюда типичной британской кухни. Я уверен, что ты сможешь удовлетворить твой аппетит самым лучшим образом и залить его отличным пивом. Вот так! – взял он его под локоть, увлекая в направлении паба.

– О, спасибо, Лестер! – одобрил Шулец, охотно следуя за ним. – После лаборатории я вернулся в свой номер и признаюсь тебе, что одетым упал на кровать. Я сразу же погрузился в глубокий сон и проснулся только некоторое время назад совершенно голодный. Я рад, что встретил тебя.

– Я тоже рад. Пиво в компании – это самое лучшее, что можно придумать для уставших мужчин после такого дня, как был у нас, – подмигнул он Шульцу, идя по Sackville Park.

– Кстати, к вопросу об уставших мужчинах. Посмотри вон туда, – показал Шулец вперед.

Дрю взглянул в направлении, указанном другом, и увидел в пятидесяти метрах темную фигуру, которая сидела на скамейке Тюринга, сбоку от статуи гения.

– Тебе не кажется...? – спросил Шулец.

– Да, – подтвердил Дрю, прищуриваясь. – Да, это он.

– Камаранда, – кивая, проговорил Шулец.

Они в молчании направились к индусу и остановились напротив него.

Камаранда был погружен в медитацию, как и следовало ожидать. Прошло несколько секунд, когда он заметил их присутствие. Он поднял взгляд и посмотрел на них. Улыбка раскрасила его лицо кофейного цвета, и он поднялся, не произнося ни слова, и пошел с ними в направлении паба.

Таверна *Ole Sinner* располагалась в отдельном здании, которое выходило на небольшую слабоосвещенную улицу. Желтый фонарь освещал вход в паб, а на деревянном столе сбоку от двери была прислонена доска с большой грубо высеченной надписью. Надпись была темно-красного цвета, слегка выцветшая от времени, как впрочем и дерево. Эту табличку каждый день выносили на тротуар.

Интерьер паба относился к восемнадцатому веку. На двери висело большое латунное кольцо, что создавало ощущение, что прежде чем войти, надо постучать в него, а уж потом открыть дверь. Но ничего этого делать не надо было. Как только трое мужчин показались у входа, дверь открыл хозяин заведения в фартуке и с усами в стиле эпохи промышленной революции. Он радушно поприветствовал их и провел за свободный столик. Шульц и Камаранда были удивлены, и Дрю пришлось объяснять им секрет.

– Над дверью есть фотосенсор. Когда кто-то приближается на расстояние трех метров от входа, камера активирует звонок внутри, и хозяин идет открывать дверь. Он всегда в движении и обычно приходит вовремя. Либо ты сталкиваешься с ним, едва переступив порог. Знаете, так приятно, когда тебя встречают с удовольствием.

Коллеги энергично закивали, садясь за стол. В мире, где индивидуализм становился преобладающей философией жизни, где отсутствие интереса к прошлому теперь было обычной практикой, а уважение к другому не было присуще даже детям, найти место, где тебе были рады и с удовольствием прислуживали тебе, буквально радовало сердце.

Дрю радостно улыбнулся, глядя на своих компаньонов, с удовольствием берущих меню. Он же взял лишь листок с пивом, хотя и так знал, что будет заказывать.

– Что посоветуешь, Дрю? – спросил Шульц, тяжело садясь на массивный деревянный стул. Он был очень голоден.

Камаранда пробежал глазами список, освещенный слабым светом помещения.

– Да, что посоветуешь? Ты здесь хозяин дома, – присоединился индус.

– Я уже поужинал, потому возьму только пиво. А вам советую стейк *Balmoral*. Это бифштекс, поджаренный на сковороде с грибами, виски, соусом и разными специями. Он очень вкусный и питательный.

Оба поискали это блюдо в меню и прочитали подробное описание.

– Бесспорно, прекрасно, – сказал Камаранда первым. Шульц согласно кивнул и закрыл меню, откладывая его в сторону.

– Я возьму *old ale*, – сказал Дрю. – Это темное, солодовое, 6 градусов. Думаю, что оно отлично подойдет также и к вашим блюдам.

Шульц, великий почитатель пива, истинный немец, сразу же оценил совет. Камаранда поддержал его. В этот момент появился хозяин, чтобы принять заказ. У него был блокнот квадратных листов и заточенный карандаш. Дрю сделал заказ на всех, и официант ушел.

Помещение было наполовину заполненным, всего семь-восемь столиков, почти все занятые людьми их возраста. Однако был один столик, за которым сидели две девушки за большими кружками темного пива и полупустыми тарелками. Они казались иностранными студентками Университета. С темными волосами и латинскими чертами лица они были похожи на итальянок или испанок. Так подумал Дрю, но потом его осенило. Это именно так! Он видел, как они прогуливались по улочкам Университетской территории в последние месяцы, и однажды он встретил их, когда они говорили с его коллегой, преподавателем английского. Видимо, они были там по поводу изучения языка.

«Хорошо, – сказал сам себе Дрю, – хорошо, что они молоды и умеют наслаждаться тонкостями английского языка».

Эти две девушки вызвали у него чувство радости. Он ощущал, что между ними был мостик, что однажды новое поколение будет принимать из рук в руки от них его культуру, продолжая этот фундаментальный труд, который был наиболее ценным достижением человечества: распространение знаний, прогресс науки.

Он был погружен в эти мысли, пока Камаранда и Шульц говорили между собой. Через мгновение появился официант с тяжелым подносом, наполненным заказанными блюдами.

Он поставил поднос на угол стола и расставил блюда и пиво. Один вид этих блюд возбуждал аппетит, а перед кружками пива просто невозможно было устоять. Трое мужчин взяли свои кружки и подняли их, звонко соприкасаясь.

– За новую Вселенную! – воскликнул Дрю громко.

– За Систему! – воскликнул Камаранда.

– За нас! – добавил Шульц с энтузиазмом.

За соседними столами тоже подняли бокалы, присоединяясь к тосту.

Они жадно выпили этот божественный нектар, крепкий, свежий, вкусный, а потом два гостя приступили к своим блюдам.

Это был их праздник.

Это был их вечер.

Они этого заслуживали.

Глава XVII

После ухода Дрю МакКинток остался в офисе один. Невероятные новости о только что проделанной работе в отношении возможностей машины все перевернули вверх дном внутри него. Он не мог больше сосредоточиться на своих делах, потому что продолжал размышлять о возможностях использования революционного прибора. Лечение болезней непосредственно внутри тела, перемещение предметов на невообразимые расстояния, перемещение *людей*! Ему казалось, что он дождевой червь, который только что высунул голову из-под земли впервые и увидел, насколько прекрасен мир вокруг. Им овладело ощущение безграничности, и он буквально задышался, стоя на пороге бесконечности.

Он силился завершить последние значимые детали работы, которую ему утром передала мисс Уоттс для окончательного редактирования. Его чувство долга было неизменным даже в такой волнующий момент, и именно это сделало его тем, кем он стал.

Он написал последнюю заметку и положил ручку на письменный стол, но потом его вдруг осенило.

Он быстро вскочил, уперев руки на стол, и сказал сам себе: «Почему нет?»

Чтобы отпраздновать такое грандиозное событие, он решил отправиться к Синтии, хотя сегодня не был их день. Конечно, он не сможет открыть ей истинный мотив этого неожиданного визита, но она однозначно будет рада его видеть, и они проведут вместе потрясающий вечер.

Он поспешно запер кабинет, сел в машину и влился в поток, направляющийся в Ливерпуль. К счастью, ему везло с зеленым цветом светофора, и он достаточно быстро оказался на темной дороге, ведущей на запад. На автостраде было мало машин, потому что он ехал быстрее обычного, но в пределах ограничений скорости. Спустя несколько мгновений он ворвался в ночь и въехал в прибрежный городок.

Элегантный жилой квартал, где жила Синтия, утопал в зелени искусственно высаженного парка, где повсюду росли деревья, красочные цветники и лужайки, ежедневно подстригаемые в английском стиле. Это был новый район, где изысканные апартаменты хорошо сочетались с окружающим пейзажем. МакКинток оставил машину на парковке, предназначенной для гостей, возле дома, где находилась квартира Синтии, и широкими шагами направился к панели с кнопками звонков. Улыбаясь, он нажал нужную клавишу и застыл в ожидании.

Прошла целая минута, а ответа так и не последовало.

Он в замешательстве позвонил еще.

– Ммммм, да? Что случилось? Кто это?

Это была Синтия, но такой он ее ни разу не слышал.

– Это Лохлэн. Извини за неожиданный визит, Синтия, но... Тебе плохо?

– Нет... нет. Поднимайся, Лохлэн, – открыла она ему калитку.

МакКинток быстро вошел, закрывая за собой дверь, и поспешно направился к входу в здание. Затем он нажал кнопку вызова лифта. К счастью, он уже стоял на нижнем этаже, а потому двери быстро открылись. МакКинток нажал кнопку четвертого этажа и, пребывая в нетерпеливом ожидании, поехал вверх.

Когда дверь открылась, он вышел и повернул направо, оказавшись перед квартирой Синтии.

Дверь была полуоткрыта, и МакКинток осторожно толкнул ее, удивившись полной темноте, царившей в квартире. Он попытался найти выключатель, но раздавшийся голос остановил его.

– Закрой дверь и не включай свет, пожалуйста, – сказала Синтия все тем же страдальческим голосом.

МакКинток аккуратно закрыл дверь и оказался в абсолютной темноте.

– Синтия, но что...

– У меня болит голова, Лохлэн. Страшно болит голова, и я не могу смотреть на свет.

– Ух... ах... эх... Что я могу сделать? Я хотел увидеть тебя, – прерывисто бормотал он.

– Ты хорошо знаешь квартиру. Постарайся подойти сюда, но *не включай свет!* – жалобно сказала она.

– Ох... эх... хорошо, попробую.

Его глаза привыкли к темноте, и МакКинток медленно пошел, держась за стену, в направлении гостиной. Голос Синтии шел именно оттуда. Было всего шесть-семь метров, но в крошечной тьме они казались целым километром. В середине пути МакКинток почувствовал себя более уверенно и ускорил шаг, но его рука, держащаяся за стену, задела статуэтку. Она тяжело упала на землю, произведя резкий и громкий шум.

– Аааааа, – вскрикнула Синтия, словно от боли.

– Проклятье... – замерев, выругался МакКинток.

– Шум тоже причиняет мне боль. Будь внимательней, – крикнула она страдальчески.

МакКинток pokrылся потом. Ему ничего не оставалось, как опуститься на четвереньки и пойти таким способом на ее голос.

Проведя руками по полу, он нашупал упавший предмет, которым оказалась массивная статуя, изображающая африканского воина с копьем. Он очень надеялся, что она не разбилась. Ему было бы очень жаль причинить ущерб Синтии.

– Я почти здесь, – продвинулся он еще вперед, наконец, достигнув ее. – Вот он я. Дорогая, как ты? – спросил он, садясь рядом на диван, где лежала Синтия.

– Ммм, плохо, – ответила она тихо. – Мне плохо, очень плохо...

Он нашел в темноте ее руку и нежно сжал.

– Мне жаль. Если бы я знал... Если бы я представлял... мне жаль, – он сокрушался, как никогда в жизни. По крайней мере, он никогда так не сокрушался в подобных ситуациях. – Но... почему тебе плохо? Я никогда не видел тебя такой.

– Говори тише, пожалуйста, – попросила его Синтия дрожащим голосом.

– Ох, извини, – прошептал МакКинток. – Извини, дорогая. Но что с тобой случилось?

– Случилось, что у меня болит голова, не видишь? – резко отрезала она. Ей было плохо, это очевидно, потому она была такой разраженной.

МакКинток предпочел немного посидеть в тишине, чтобы она успокоилась. Минут пять он сидел так, но потом вновь произнес тихим голосом:

– Можешь сказать мне что-нибудь?

– Как только я пришла с работы, у меня разболелась голова, – с трудом ответила она. – Я даже не знаю, который час...

– Восемь... – сказал тихо МакКинток, взглянув на часы с флуоресцентными стрелками.

– Значит, уже часа два мне плохо.

– Ты ела?

– Нет. Когда я в таком состоянии, я не могу есть. Меня бы стошнило. У меня также страшно болит живот. У меня мигрень. Это моя проблема. Как, впрочем, и у многих женщин.

МакКинток впал в проstration. Это должно было случиться в самый неудачный момент. Он заставил ее страдать еще больше со всем этим шумом, который создал, и теперь он не имел никаких идей, как помочь ей.

– Что я могу сделать для тебя, чтобы облегчить боль? – спросил он. – Ты выпила что-нибудь? Не знаю, какую-нибудь таблетку, аналгетик... Что-нибудь, что пьют в таких случаях?

Синтия сглотнула, потом громко закашлялась, хватаясь рукой за живот.

– Да, я выпила таблетку, которая обычно помогает, но меня сразу же вырвало, а значит, считай, что я ничего не пила, – она снова закашлялась. – И я ничего не могу пить. Не говори мне больше об этом! – снова немного раздраженно произнесла она.

– Нет, хорошо, хорошо, – поспешно сказал МакКинток. Присев на пол, он поправил свой дорогой, но помятый, как тряпка, костюм и ощутил сильный голод. Он думал, что поужинает с ней, но теперь это оказалось невозможным, учитывая ситуацию. Что ему делать? Постараться найти компромисс.

– Послушай, дорогая, что скажешь, если я возьму тебя под руки осторожно и провожу до кровати? Я закрою дверь в твою комнату, и ты будешь в темноте и тишине. Там тебе будет спокойнее и лучше, чем на диване. Что скажешь? – тихо предложил он.

– Мммм... Хорошо, – шепотом согласилась Синтия. – Но ты, почему не хочешь остаться со мной? – жалобно спросила она.

– Эхм... Не то, чтобы я не хочу остаться с тобой. Я ведь приехал именно для того, чтобы увидеть тебя. Я выехал к тебе прямо из университета и еще не ел, поэтому я хотел бы пойти на кухню...

– Ааааа! Не говори мне про еду! Я же просила! – снова закашлялась она, словно от рвоты.

– Извини, извини. Но... Как я иначе могу тебе объяснить ситуацию и... – резко замолчал он в ожидании, когда пройдет кашель. Когда она успокоилась, МакКинток, увиливая от ответа, взял ее под руку и повел в комнату в полной темноте. Потом мягко опустил ее на кровать и укрыл покрывалом, взятым из шкафа. Она промямлила невнятное «ммммм» и приложила руку ко лбу. МакКинток погладил ее руку и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

Потом он включил свет в коридоре и несколько мгновений стоял ослепленный. Зрачки его были максимально расширены в темноте, и теперь повышенная доза света ворвалась в его глаза прежде, чем зрачки сузились. Пару раз он зажмурил глаза и снова обрел зрение.

Прежде всего он направился поднять упавшую статуэтку. Проверив, в каком она состоянии, он обнаружил, что вещь осталась целой. Осторожно поставив ее на полку, он, наконец, отправился в кухню. Закрыв за собой дверь, чтобы исключить возможные шумы, которые могли достигнуть спальни, он медленно и тихо стал открывать разные шкафчики, чтобы накрыть себе стол.

Он был очень голоден.

Открыл холодильник, он поискал там пиво. К счастью, пара бутылок там нашлась. Одно было его любимой марки, а другое – то, которое нравилось Синтии. Он взял свое любимое и сразу наполнил им бокал, отпив большой глоток. В одно мгновение пиво освежило его. Он снял куртку и повесил ее на спинку стула. Потом снова открыл холодильник в поисках чего-то съедобного. Еды было немного. Синтия ела очень мало, чтобы держать себя в форме, а то, что было в холодильнике, содержало мало жиров и предназначалось для вегетарианцев. Очевидно, она покупала то, что ел он, только в тот день, когда они встречались. Разочарованный, он взял тарелку с кусочками разнообразного сыра, вазочку с поджаренными овощами и банку с соусом «тартара». Из буфета он извлек пакет с гриссини без жиров и сел за стол.

Он щедро оставил его всем тем, что нашел в холодильнике, потому что с его чувством голода скудность ассортимента отошла на второй план. Запивая все пивом, он в конце концов почувствовал себя вполне удовлетворенным. Он любил хорошо поесть, а потому простил даже низкую калорийность блюд, которыми питалась Синтия.

«Завтра надо сходить за покупками», – подумал он. Он не хотел, чтобы она осталась без продуктов будущим вечером. Он знал, что днем она обедала вне дома, но к вечеру надо обеспечить ее необходимой едой. Завтра утром, прежде чем вернуться в Манчестер, ему надо сходить в близлежащий супермаркет и купить ей разные виды сыров, овощи и какие-нибудь закуски, которые она любила, но которые редко покупала из-за высокой калорийности.

Несколько минут он лениво сидел за столом, потом подошел к окну и выглянул наружу, скрестив руки. Из окна был виден Road-Park с его вечерним трафиком, а сзади виднелась бухта, черная и невидимая, угадываемая лишь по редким огням кораблей да судов, стоящих на

якоре. Это место было прекрасным. Ливерпуль, утопающий в зелени, с его тщательно спланированной инфраструктурой и портом, расположенным в заливе реки Мерсей, которая впадала в Ирландское море, был основан еще в тринадцатом веке. Очень долго город оставался важным пунктом торгового морского пути мирового уровня, но теперь важной частью его экономики стал туризм. МакКинтоку нравилось гулять по его побережью вместе с Синтией, когда у него было время. Запах моря придавал ему силы, а постоянно отплытие и прибытие судов дарило ощущение, что это некий вечный механизм, заставляющий крутиться земной шар. В каком-то смысле это было именно так, поскольку движение людей и товаров было основой глобальной торговли и работы. Теперь многое изменится благодаря открытию Дрю. Кто знает, каким станет мир через год. Но он надеялся, что лучше. Необходимо только сыграть правильно и двигаться с большим вниманием. Он смог бы получить деньги за многочисленные одолжения, которые он сделал в отношении ключевых фигур британской системы. Он действительно смог бы обнулить свой кредит, что имело для него большое значение. Да, все будет отлично.

Он еще несколько мгновений смотрел на бухту вдаль, потом отвел взгляд и вернулся за стол. Вымыв посуду, он убрал со стола, стараясь не производить шума, потом отправился посмотреть, что делает Синтия. Он вышел из кухни, оставив включенным свет, прикрыл дверь и погасил лампу в коридоре. Перемещаясь по слабо освещенному светом кухни помещению, он тихо подошел к двери спальни. Ни одного звука оттуда не доносилось. Он бесшумно опустил ручку и вошел в комнату. Синтия была погружена в глубокий сон, лежа на животе, как и прежде, и с вытянутыми вдоль тела руками. Из ее полуоткрытого рта доносилось ровное дыхание. Очевидно, головная боль прошла и позволила ей уснуть. Чтобы не беспокоить ее, он покинул комнату и направился, раздеваясь, в ванную комнату. Там он быстро принял душ и приготовился отправиться спать. Его пижама, однако, осталась в спальне, а открыть вновь дверь означало создать шум. Он отказался от этой мысли, потому что в квартире было достаточно тепло. Оставив одежду на диване в гостиной, он погасил свет в кухне и в нижнем белье вошел в комнату. Очень осторожно он сел на двуспальную кровать, поскольку Синтии нравилось спать с комфортом, и растянулся сбоку от нее, со стороны двери. Синтия лежала под покрывалом, которым он укрыл ее ранее, и он решил не залезать под него, чтобы не будить ее.

Расслабившись, он прислушался к ритмичному дыханию Синтии и через несколько мгновений заснул.

Свет от автомобильных фар на Road-Park становился все более редким, а в конце исчез вовсе, сделав дорогу пустынной, освещенной только фонарями, тянущимися вдоль нее. В бухте не было никакого движения, а свет от пришвартованных кораблей был таким неподвижным, что казалось, будто корабли тоже заснули, уютно устроившись в темной воде.

В квартире стояла абсолютная тишина, нарушаемая только дыханием Синтии, которая погружалась во все более глубокий сон. Около трех ночи темноту нарушил негромкий голос, присоединившийся к ее дыханию.

– Мы отправим их, да, мы отправим их повсюду... их и их вещи, – говорил во сне МакКинток... – и пакеты, и контейнеры – все отправим... Да, с помощью машины... Отсюда туда. Нажал кнопку – и ты уже прибыл... Ты даже еще не успел осознать, что уже прибыл... – бормотал он, хотя слова оставались понятными. – ...с помощью твоей Машины, Дрю. Как ты ее придумал... Ты изменил историю, Дрю...

За сотню метров от дома на парковке около соседнего здания стоял фургон с антеннами, будто какой-то техник вернулся домой на ночь после рабочего дня. Эти антенны выглядели очень живописно на крыше фургона. Две белые дуги, смотрящие одна направо, другая налево, повернутые слегка в сторону. О характере деятельности хорошо говорила вывеска, наклеенная на коричневом листе машины, но из правой антенны торчал скрытый шнур, который выходил из отверстия в крыше фургона в грузовом отсеке. Там все стены были покрыты электронными приборами. Различные радиоприемники военного назначения, которые были прикреплены

один к другому и собраны в ящик *rack*²⁶. Каждый приемник был в состоянии улавливать некое количество диапазонов, отличных от других приемников таким образом, что этот ящик мог получать любые радиосигналы, которые мог генерировать радиопередатчик. Сбоку от ящика с приемниками был ящик с анализаторами спектра. Они показывали форму полученных радиоволн и передавали ее на экран. После анализаторов шло декодирование, состоящее из ящика с приборами, которые были в состоянии дешифровать²⁷ сообщения в очень сложный код. Потом шел ящик с регистраторами, где полученные сообщения записывались для последующего анализа. Последний ящик вмещал аудиосистему, которая обрабатывала полученные сведения и устраняла фоновые шумы, повышая голоса и звуки, представляющие интерес. В итоге вся система была подключена к компьютеру, через который различные компоненты в ящиках могли быть использованы необходимым образом.

В тот момент был включен один-единственный приемник, настроенный на 7 ГГц, а анализатор, к нему подключенный, показывал зеленые горизонтальные полосы, внутри которых двигались вертикальные линии оранжевого и красного цвета. Дешифратор мигал зеленым, показывая, что он работает ровно и без ошибок. Два регистратора параллельно тихо напоминали на жесткие диски получаемые сигналы, создавая две копии, отличающиеся материалами.

Голос МакКинтока со всей ясностью доносился из наушников, вставленных в уши мужчины, одетого в стиле *casual* и сидящего в кресле перед компьютером. Сбоку от большого монитора стояла полупустая чашка чая, которая была уже второй за эту ночь. Мужчина облокотился о спинку кресла, положив руки на колени, склонив голову и закрыв глаза.

– *Мы отправим их, да, мы отправим их повсюду... их и их вещи,* – голос МакКинтока отображался на мониторе компьютера в виде горизонтальной полосы, которая постоянно изменяла свою высоту, – *...и пакеты, и контейнеры – все отправим... Да, с помощью машины... Отсюда туда. Нажал кнопку – и ты уже прибыл... Ты даже еще не успел осознать, что уже прибыл...* – Мужчина резко открыл глаза и поднял голову. – *... с помощью твоей Машины, Дрю. Как ты ее придумал... Ты изменил историю, Дрю...* – мужчина замер и приблизился к компьютеру. С помощью мышки он начал быстро маневрировать некоторыми параметрами, чтобы увеличить звук колоса МакКинтока. Дыхание Синтии уже было отфильтровано ранее, и его почти не было слышно в наушниках. Он нахмурил лоб в темноте, включив для прослушивания файл с голосом Дрю на мониторе, который слабо освещал его лицо.

– *... Вселенная в нашем распоряжении, невероятно, целая Вселенная... с Машиной ...*

Мужчина вытащил один из наушников, чтобы освободить ухо. Он поднял трубку внутреннего секретного военного телефона и набрал номер из пяти цифр.

Через секунду кто-то поднял трубку вызываемого абонента, не произнося ни слова.

– Позови Спенсера, – сказал мужчина.

Конец первой части

Часть вторая

Последний оператор вышел. Он казался только водителем, сидящим на своем месте.
Через несколько секунд на лестнице фургона показалась другая фигура.
Он спокойно спустился по ступенькам, шаг за шагом возникая в темноте.

Глава XVIII

Небо над Манчестером окрасилось в рассветные цвета. Вечные облака виднелись только с одной стороны небосклона, затемняя на западе последние звезды, которые гасли в зарождающемся рассвете, поднимающем занавес над широкой сценой на западе, на которой красный свет становился все неизбежней. Диапазон более длинных волн, темно-красных, толкал вверх волны меньшей длины: фиолетовый, оранжевый, желтый, пока они не достигли предела и не растворились в белом цвете с температурой солнца. Каждый день по всей планете этот спектакль повторялся с математической точностью, но Великобритания наслаждалась им меньше по причине облачности, которая теперь стала частью ее культуры, стереотипом, который имели другие народы об этой нации. Тем не менее, это было триггером²⁸, началом нового дня для большинства людей. Солнце отражает пробуждение природы и живых существ, которые ее населяют. Но есть много людей, кто иногда работает ночью, или только ночью, когда другие спят, и таким образом получают различные недостижимые результаты. И некоторые из них как раз находились в комнате, с повышенным вниманием слушая запись, исходящую из прибора высокой секретности.

– *Мы отправим их, да, мы отправим их повсюду... их и их вещи, ...и пакеты, и контейнеры – все отправим.... Да, с помощью машины... Отсюда туда. Нажал кнопку – и ты уже прибыл... Ты даже еще не успел осознать, что уже прибыл...* – Один из слушателей сосредоточенно оперся на стол, скрестив руки и закрыв рот правой рукой. – *...с помощью твоей Машины, Дрю. Как ты ее придумал... Вселенная в нашем распоряжении, невероятно, целая Вселенная... с Машиной...*

Мужчина несколько секунд оставался недвижим, потом повернулся к тому, кто находился слева, сидя рядом за компьютером.

– Дай мне прослушать еще раз.

Спенсер подвигал мышкой, чтобы воспроизвести запись еще раз, и нажал на *Play* в третий раз, с тех пор как началось совещание.

– *Мы отправим их, да, мы отправим их повсюду... их и их вещи, ...* – услышал мужчина снова, и в какой-то момент начал медленно кивать все более убежденно. – *Вселенная в нашем распоряжении, невероятно, целая Вселенная... с Машиной...* – Мужчина выпрямился и облокотился о спинку кресла. Он потер глаза, чтобы прогнать сон.

– Да, это должно что-то значить, – согласился он. – Трентон?

– Возможно да, я тоже так подумал, – согласился мужчина справа.

– Во сколько тебе звонил Бойд?

– Около трех, чуть позже, – ответил Спенсер. – Вместо обычных глупостей, которые говорит во время сна МакКинток, он начал говорить об этой Машине, созданной неким Дрю... Остальное вы знаете. Бойд нашел какой-то смысл в этой речи и сразу позвонил мне.

– Бойд хорошо поработал. А женщина слышала, по-вашему?

– Думаем, нет, мистер Фарнсворт, – ответил Спенсер. – У нее весь вечер болела голова, и МакКинток отправил ее спать. Она глубоко спала, и пока он непрерывно говорил, она продолжала ровно дышать. Мы взяли ее дыхание из регистратора, начиная за десять минут до начала речи МакКинтока и заканчивая десятью минутами позже, и проанализировали ритм и глубину. Оно существенно не менялось. Поэтому мы думаем, что она ничего не слышала.

– Хорошо, – сказал Фарнсворт, – очень хорошо. – Несколько мгновений он смотрел перед собой, размышляя о чем-то. – Это первый раз, когда он говорит о чем-то подобном? – посмотрел он на Спенсера, который кивнул в знак согласия. – Должно быть, это нечто, что его глубоко поразило. Он ректор Манчестерского Университета, и с такими средствами, которые есть у него в распоряжении, – лаборатории, профессора, исследователи, – возможно, он стоит перед

лицом сенсационного открытия. Да, это действительно возможно. Но я хочу знать это наверняка, – закончил он. – Доставьте его сюда.

Спенсер резко вскочил и широкими шагами вышел за дверь. Своевременность была очень важна. Он вошел в помещение в пятьдесят квадратных метров со стенами, унизированными стойками с приемниками, дешифраторами, анализаторами волн и компьютером, – все это было очень похоже на приборы, которыми был напичкан фургон Бойда, только здесь их было куда больше. Тут работало около пятнадцати человек, записывая разговоры, зарегистрированные из разных точек прослушивания, и закодированные сообщения, переговариваясь с другими мужчинами.

Спенсер подошел к своему месту и взял трубку секретного военного телефона, который имел в своем распоряжении. Он набрал номер из пяти цифр и застыл в ожидании.

В фургоне Бойда загорелась лампочка вызова на телефоне. Никакого сигнала не последовало, потому что внутри машины было по-прежнему тихо на случай возникновения случайных подслушивателей. Он вытащил наушник и поднес трубку к уху, не говоря ни слова.

– Он все еще там? – просто спросил Спенсер.

– Да, все еще спит, – часы на компьютере показывали шесть утра. Бойд только что выпил четвертую чашку чая вместе с бриоши в качестве завтрака. К концу подходила еще одна ночь слезки.

– Хорошо, – сказал Спенсер. – Мы приедем забрать его.

– Хорошо. Я тогда перемещусь, – ответил он, кладя трубку.

Он посмотрел на монитор сбоку от компьютера, на котором в четырех квадратах отображались картинки, взятые из разных телекамер, расположенных по периметру фургона, спрятанные внутри фальшивых шариков или сделанные под сенсоры парковки. Только один человек был виден сзади машины. Он удалялся на своем велосипеде. За спиной у него был рюкзачок, и Бойд знал, что это был студент, который рано утром отправился на учебу.

Глядя на монитор, он надел комбинезон антенщика поверх своей одежды *casual*, потом открыл дверь между кабиной водителя и грузовым отсеком и сел за руль. В этом обличье он казался простым рабочим. Включив мотор, он без труда выехал с парковки, поскольку припарковал ее предыдущим вечером таким образом, чтобы выехать оттуда без особых маневров в случае необходимости. Медленно проехав несколько метров, он остановился на той же парковке, где оставил свою машину МакКинток, остановил фургон и выключил мотор. Машина ректора стояла в десяти метрах слева от него. Он вернулся в грузовой отсек и закрыл дверь за собой. Приборы продолжали регистрировать, а компьютер не уведомлял о каких-либо движениях или разговорах за то время, пока он переставлял машину. Он вновь вставил в уши наушники, постоянно глядя на монитор с изображениями с телекамер. Та, что стояла на позиции девяти часов²⁹, показывала дом, где находилась квартира, где спал МакКинток. Справа Бойд мог видеть машину ректора, в то время как телекамера на позиции двенадцати часов показывала остальную часть машины и большую часть парковки.

Около шести пятнадцати серый седан металлического цвета с затемненными окнами въехал на парковку и остановился на одном из свободных мест, вдалеке от входа.

Световой сигнал телефона Бойда снова загорелся. Он поднял трубку.

– Блок 2, – сказал анонимный голос. – Новости?

– Никаких, – ответил Бойд.

В полседьмого в наушниках Бойда начали раздаваться звуки будильника. Синтия поднялась с кровати и направилась в ванную комнату. Раздававшиеся звуки говорили Бойду об обычных манипуляциях, которые делала женщина в подобном месте. Вскоре она вышла и отправилась будить МакКинтока. Он спал как сурок, будто провел бурную ночь и нуждался в отдыхе. Синтия толкнула его ногой, заставив перевернуться на бок, потом изрекла шутливо:

– Проснись, лентяй! Что ты затеял сегодня ночью? Удовлетворял целый гарем наложниц? Хахаха, – рассмеялась она, когда МакКинток резко вскочил и повернул влево и вправо голову, пытаясь разбудить свой мозг.

– Что ты тут делаешь в трусах и майке? Где твоя пижама? Хахаха, – с наслаждением насмеялась она.

– Уфф, она в твоём шкафу! – воскликнул он, вскакивая с кровати и хватая ее за плечи. Она не сопротивлялась, и он крепко поцеловал ее в лоб.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, глядя на нее влюбленным взглядом. – У тебя прошла голова?

– Да, я отлично себя чувствую и страшно хочу есть. Поэтому... – и сопротивляясь его попытке затащить ее в кровать, продолжила: – Поэтому сейчас – завтрак! – вырвалась она и побежала на кухню.

МакКинток смотрел на нее, легкую словно бабочка, с прекрасным телом, которое возбуждало его каждый раз, когда он видел ее. Он чувствовал неудержимое желание заняться с ней любовью, но понимал, что Синтия не ела со вчерашнего дня, а, следовательно, делать нечего...

Он тоже отправился в ванную, быстро переоделся, а потом явился в кухню. Синтия готовила яйца, панчетту и кростини. Он помог ей, и они быстро закончили приготовление завтрака.

– Как ты заметила, я съел весь сыр, что был в холодильнике, а также все овощи. Я был очень голоден.

Синтия кивнула, пережевывая последние кусочки.

– Прежде, чем я вернусь в Манчестер, я пойду купить все, что тебе нужно.

– Не стоит. Я позабочусь об этом по дороге с работы.

– Нет, нет! Я не хочу, чтобы ты теряла время. Я съел всю еду, поэтому справедливо, если я восполню запасы сам, – настаивал МакКинток.

– Ладно, если это так важно для тебя, – наконец согласилась Синтия, пока наливала в стакан грушевый сок. Потом она поднесла стакан ко рту.

МакКинток смотрел, как она пьет, ощущая возбуждение, как, впрочем, всегда. Когда она пила фруктовый сок, то поднимала подбородок, делая ритмичные движения горлом, которые были настолько чувственными, что его накрывала безудержная жажда овладеть ею, ворваться в нее и выплеснуть в нее всего себя. Она отлично это знала и коварно играла с ним, как и все женщины *sexu*, осознающие свою сексуальность. Когда стакан был пуст, Синтия наклонила его вперед, и последние капли упали ей на язык. Она хорошо знала, что в этот момент МакКинток мог достичь высшей точки возбуждения. Он был красный, как помидор, и судорожно сжимал край стола побледневшими пальцами.

Когда последняя капля упала на язык Синтии, она решительно поставила стакан на стол. Громкий шум заставил МакКинтока вздрогнуть, и он расширил глаза, тяжело дыша.

– Сейчас... Сейчас... – пробормотал он.

– Сейчас время идти на работу! – воскликнула она, показывая на часы, висящие на стене.

Медленно, почти механически, МакКинток перевел взгляд на часы, и ошеломленно осознал, как много времени уже. Полвосьмого! Если он пойдет в супермаркет, то вернется в Манчестер очень поздно! День в Университете начнется без него! Это было невозможно! Что он мог сделать?

Синтия весело наблюдала за ним, хорошо зная, насколько важен для него Университет, кроме, разумеется, нее, Синтии. Усмехаясь, она произнесла:

– Лохлэн, возвращайся в Манчестер и успокойся, – сказала он приветливо. – Я куплю сама все, что мне нужно. Кстати, с чего это ты вчера так неожиданно приехал ко мне?

– Ох, спасибо. Спасибо, мне жаль, что я создал тебе немного трудностей. А, это... Вчера вечером я был очень счастлив, потому что некоторые исследования дали отличнейшие результаты, и я решил отпраздновать это с тобой. Но момент оказался неправильным. Мне жаль.

– В следующий раз, когда будешь также счастлив, позвони мне! – кокетливо сказала она.
– И я буду готова отпраздновать с тобой, – подмигнула она ему многозначительно.

Он снова покраснел и встал из-за стола, стараясь попрощаться с ней.

Бойд услышал в наушниках, что он собрал свои вещи, потом открылась дверь, и послышался поцелуй на прощанье.

«Эх, – подумал он. – В этот раз я спас его».

Фарнхэм была настоящей фурией секса, и каждый раз, когда МакКинток приходил к ней, он был вынужден слышать стратосферические совокупления с криком и хрюканьем. Она использовала его в качестве сексуального инструмента, необходимого для личного высшего удовлетворения, и когда он не выдерживал всего того времени, какое ей требовалось, она давала ему пощечины и покрывала нецензурной бранью. Это было игрой, направленной на взаимное удовлетворение, и МакКинтоку это очень подходило. Бойд понял, что этот мужчина ранее имел очень холодные и сдержанные отношения, и находиться с женщиной такой важности и решимости было для него апофеозом удовольствия. Конечно, и в предыдущих шпионажах Бойд обычно слушал разного рода сексуальные игры, но эта его волновала и мешала оставаться бесстрастным.

«Хотел бы я иметь такую женщину» – подумал он и в этот раз снова. Он встрепенулся и позвонил по секретному телефону в серую машину.

– Он выходит, – коротко сообщил он.

– Получено, – ответил собеседник.

Бойд вернулся на водительское сиденье и взял журнал. Он положил его на руль и сделал вид, что читает, продолжая слушать, что происходит в квартире. Через минуту он увидел МакКинтока, который широкими шагами двигался к парковке прямо в его направлении. Он явно спешил. Когда ректор был в десяти метрах от своей машины, Бойд включил мотор и поехал в сторону выезда с парковки, как ни в чем не бывало. МакКинток даже не заметил фургон, который проехал сбоку, спеша поскорее сесть в свою машину. Через несколько секунд из серой машины вышел человек и направился к машине ректора. Когда тот был уже в паре метров от автомобиля и протянул руку к дверце, фургон резко свернул вправо, прикрывая вид из здания на парковку, а серая машина одновременно нажала на газ и остановилась прямо перед машиной МакКинтока. Двое мужчин выскочили из нее, словно две пружины, и остановились с обеих сторон от ректора. Один из них на мгновение показал ему отличительный знак, а второй взял его под руку.

– Полиция! Ректор МакКинток, Вы идете с нами!

Он застыл, не произнося ни слова. Двое мужчин без церемоний потащили его в серую машину. Один открыл правую заднюю дверцу, наклонил его голову, втолкнув в машину, и сел рядом с ним. Потом он опустил занавески на окне, чтобы не было видно, что происходит в машине, и сделал знак третьему мужчине, который был за рулем. Он проехал несколько метров вперед к фургону и подождал его.

В этот момент к МакКинтоку вернулся дар речи.

– Но... что случилось? Почему Вы сделали это? Что я натворил?

– Успокойтесь, ректор МакКинток, мы должны всего лишь задать вам несколько вопросов. Мы быстро закончим, увидите.

– Но... мне надо в Манчестер! Срочно!

– Мы как раз туда и едем, так что не волнуйтесь.

– А... моя машина... Как я заберу ее? Я не могу оставить ее здесь.

– Она тоже поедет в Манчестер. Успокойтесь и расслабьтесь.

– Но... ключи? Они ведь у меня, как Вы это сделаете? – растерянно посмотрел он на сидящего рядом мужчину. Он обменялся многозначительным взглядом с другим человеком.

– А... понимаю... вам они не нужны...

Снаружи мужчина, который стоял рядом, сел в машину МакКинтока, включил мотор, готовый тронуться с места.

Во время всего этого мероприятия Бойд вышел из фургона, делая вид, что проверяет шины, хотя на самом деле смотрел, нет ли случайных прохожих, которые наблюдают за этим странным маневром. Как только он увидел серую машину,двигающуюся к нему, то понял, что операция завершена, сел в свой фургон и отъехал на средней скорости, будто ничего не произошло. Серая машина выехала с парковки и обогнала его в сопровождении машины МакКинтока,двигающейся на расстоянии нескольких метров.

Парковка оставалась неподвижной и безразличной в ожидании собственников других автомобилей. Они могут спокойно приходить в свои машины.

Вся акция длилась не более десяти секунд.

За четверть часа маленькая процессия добралась до автотрассы, ведущей в Манчестер, придерживаясь высокой скорости и не покидая скоростной дороги. Водитель машины, где на заднем сидении находился МакКинток, ехал уверенно и сосредоточенно. Он был привычен к тому, чтобы ловко выходить из сложных ситуаций, а потому движение по утренней дороге не шло ни в какое сравнение с теми, в которых ему довелось побывать. Он не произносил ни единого слова, но постоянно посматривал на автомобиль МакКинтока, что ехал за ним следом на короткой дистанции. Его коллега за рулем той машины тоже был опытным водителем, как и он сам, специалистом по управлению любого автомобиля, поэтому он моментально привыкал к новой машине и мог управлять ею на любой высокой скорости в направлении любого места назначения, даже под вражеским огнем. Мужчина, сидящий сзади вместе с МакКинтоком, поднял шторы, и стало видно, как быстро проносится за окном сельский пейзаж.

МакКинток постарался немного расслабиться и начал размышлять над ситуацией. Что могло быть нужно от него полиции? Может, он совершил нечто плохое? Какое его действие могло повлечь за собой этот «арест»? Потому что он чувствовал себя именно арестованным, ведь они взяли его словно бандита, выходящего из бара, пользующегося плохой репутацией. Как они вообще себе это позволили? Он был ректором Манчестерского Университета. Это, вероятно, какая-то ошибка. Он оживился и решил перейти к нападению.

– Послушайте, Вы, – повернулся он к мужчине, сидящему сбоку.

– Да? – ответил он, высокомерно взглянув на него.

– Покажите мне еще раз Ваш документ, пожалуйста.

– Когда приедем, – последовал ответ, сопровождаемый пронзительным и многозначительным взглядом, в то время как он небрежно положил свою руку под пиджак рядом с левой пазухой.

МакКинток проследил за этим движением и вздрогнул. Он решил, что это не самый лучший момент задавать вопросы. Эти типы казались действительно из полиции, и они не тронули ни одного волоса на его голове, потому он откинулся на спинку в ожидании окончания этой поездки. Ему было ужасно любопытно, но в то же время он был очень обеспокоен, потому что он мог даже представить, что эти люди хотели от него.

Как бы то ни было, он скоро это узнает. Они уже въезжали в Манчестер, а его машина по-прежнему следовала сзади, словно была привязана стальным тросом. Мужчина, сидящий сбоку, опустил занавески на окнах, но в этот раз это была еще более плотная штора, из-за которой за окном не было видно, где именно они проезжали. Он опустил даже козырек от солнца на заднем стекле, и теперь окружающий пейзаж стал полностью невидимым. МакКинток не знал, где они едут, хотя знал Манчестер, как свои пять пальцев.

Минут через двадцать машина остановилась.

Мужчина вышел из машины и открыл перед ним дверь.

– Выходи, – сухо сказал он.

МакКинток нерешительно вышел, оказавшись в каком-то подземном помещении с цементными хорошо армированными стенами. Помещение освещалось лишь несколькими лампами, размещенными на стенах. Его машина была припаркована рядом, и водитель закрыл ее с помощью неизвестного странного черного пульта. Его взяли под локти, но он сделал им знак, что готов к сотрудничеству.

Один из мужчин кивнул, потому они пошли рядом с ним до поломанного лифта на противоположной стене. МакКинток и трое других мужчин вошли в кабину, и один из них нажал на белую кнопку без номера. Другие кнопки тоже не имели номеров.

«Какой странный лифт», – подумал МакКинток.

После короткого подъема дверь отворилась, и они вышли в грязный коридор. Грязный в том смысле, что стены были покрыты плесенью. Вдоль них стояли скрипучие сиденья с, как показалось МакКинтоку, какими-то странными темными красными пятнами. Некоторые казались практически отпечатками рук, будто кто-то, истекающий кровью, прислонился к стене, запачкав ее. Он надеялся, что неправильно понял эту картину, в то время как вся компания остановилась напротив белой деревянной двери, разбитой и грязной, как и стены. Один из трех мужчин открыл ее и провел его внутрь, заставив сесть на один из сломанных стульев около стола, который видел лучшие времена.

Мужчина закрыл за собой дверь и сел на стул рядом. Двое других остались в коридоре. Тот, что остался, был тем самым, кто ехал с ним в машине.

– Что это за место? Куда вы привезли меня? – сухо спросил МакКинток. Он был привычен к более ухоженным местам. Здесь витал запах плесени и гнили, а по полу бегали несколько тараканов. В углах виднелись густые и пожелтевшие паутины, полные пыли. Несколько черных пауков сидели на них в ожидании жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.